

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ

Новые подходы и взгляды

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2017

КАФЕДРА РУССКОЙ ИСТОРИИ
ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА

**РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ВЗГЛЯДЫ.**

Санкт-Петербург, 2017

ББК 63.3(2)524

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Печатается по решению кафедры русской истории РГПУ им. А.И. Герцена

Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2017. – 216 с.

ISBN 978-5-9909911-8-7

В сборник включены материалы всероссийской научной конференции «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», проведенной 11 ноября 2016 г. кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, и II русско-американского научного семинара «Русская революция 1917 г.: итоги изучения и новые направления в русской и англоязычной исторической науке», который прошел 26 мая 2017 г. в РГПУ. Издание рассчитано на историков-специалистов и всех интересующихся историей революции 1917 года в России.

ББК 63.3(2)524

© А.Б. Николаев, идея, отв. ред. и отв. сост., 2017.

© Авторы статей, 2017.

© А.А. Иванов, оформление обложки, 2017.

© Кафедра русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, 2017.

ISBN 978-5-9909911-8-7

От составителя

В 2017 году отмечается 100-летие революции в России, которую теперь принято называть Великой российской революцией. Кафедра русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, продолжая традиции, заложенные В.И. Старцевым, проводит, начиная с 2007 года, ежегодные научные конференции, посвященные истории революции 1917 года в России. И поэтому год 100-летия – всего лишь очередная веха в изучении такого сложного и многогранного явления как Русская революция 1917 года. Не следуя сегодняшней моде, когда вслед за конференцией, выход сборника ее трудов не обязателен, кафедра русской истории сборники выпускает. И надо заметить, они высоко оцениваются специалистами¹.

Очередная межвузовская научная конференция «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», организованная кафедрой русской истории РГПУ, состоялась 11 ноября 2016 года. В ее оргкомитет вошли доктор исторических наук, профессор А.Б. Николаев (председатель), доктор исторических наук, доцент А.А. Иванов, кандидат исторических наук, доцент Д.А. Бажанов, аспирант Е.С. Гавроева (секретарь). В конференции приняли участие ученые из Санкт-Петербурга, Екатеринбургa и Петрозаводска. В ее программу было включено 30 докладов. Конференция, как и всегда, вызвала интерес среди студентов и аспирантов факультета социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена. Заметим, что первой на конференцию откликнулась статьей студенческая газета ФСН РГПУ «Двадцатый корпус»: «Получился поистине небольшой научный праздник. Достаточно сказать, что в аудиториях (включая самую большую – 212) свободные места отсутствовали! По сравнению с предыдущим годом заинтересованность мероприятием возросла в разы! На пороге 100-летний юбилей революционных событий» (Петров А. Бесконечная революция // Двадцатый корпус. 2016. Ноябрь. № 124. С. 3). Докладчики передали в редакционную коллегию сборника 17 статей.

На страницах сборника также публикуются материалы (5 статей²) Вто-

¹ См.: Соколов А.В. Институт изучения 1917 года: рецензия на сборник научных статей «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2015» // Университетский научный журнал. Филологические и исторические науки, археология и искусствоведение. 2017. № 26. С. 98 – 112.

² Тарасов К.А. Офицерская власть и солдатская самоорганизация в период Февральского восстания 1917 года в Петрограде // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2017; Лаврова Е.М. «Принять пожертвование мы согласимся лишь после тщательнейшей проверки...»: новые документы о взаимоотношениях большевиков с Карлом Моором в 1917 году // Там же; Гордеев П.Н. Казус Тираспольской: история о том, как уволенная актриса вернулась на сцену при помощи большевиков // Там же; Бажанов Д.А. Создание и функционирование судебных комитетов на Балтике в марте – октябре 1917 г.: феномен власти // Там же; Дубров-

рого русско-американского научного семинара «Русская революция 1917 г.: итоги изучения и новые направления в русской и англоязычной исторической науке», который прошел 26 мая 2017 г. Организаторами и руководителями его выступили профессор, соруководитель программы российских и восточноевропейских исследований Нотр-Дамского университета (США) С.М. Ляндрес и профессор, заведующий кафедрой русской истории РГПУ А.Б. Николаев.

В сборнике также печатается статья А.Б. Николаева об убийствах 1 марта 1917 г. графа Г.Э. Штапельберга и сенатора А.В. Чарторийского, основанная на новых документах.

Все статьи сборника посвящены изучению малоисследованных вопросов истории революции 1917 года в России.

М.А. Златина, специалист по истории еврейского народа в России¹, уже обращавшаяся к проблеме положения евреев в 1917 году², пожалуй, впервые в отечественной историографии детально анализирует еврейскую русскоязычную прессу февраля – марта 1917 года.

В статье исследователя русского консерватизма и национализма³ А.А. Иванова приводятся интересные свидетельства современников о В.М. Пуришкевиче, относящиеся к событиям революции 1917 года, что позволяет взглянуть на этого незаурядного правого политика несколько под иным углом. Весьма интересно приведенное в статье мнение о сходстве между двумя политическими антиподами – Пуришкевичем и Лениным.

А.М. Захаров, специалист по истории славянских добровольческих формирований в России в 1917 году, неоднократно публиковавшийся на страницах сборников «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды»⁴, в этот раз оценивает в своей работе перспективы создания в Рос-

ская Е.Ю. Российские военные в Финляндии и Февральская революция 1917 года // Там же.

¹ Златина М.А. Проблема еврейского беженства в России в период Первой мировой войны (июль 1914 – зима 1915/1916 г.г.): Автореф. дис. ... к. ист. н. СПб., 2010; ее же. Организация помощи еврейским беженцам в Российской империи в первые месяцы Первой мировой войны по материалам прессы (июль – октябрь 1914 года) // Известия Российского Государственного Педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 118. С. 30 – 35.

² Златина М.А. Причины и процесс ликвидации Консультации для оказания юридической помощи немущему еврейскому населению в 1917 году (по архивным материалам) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. СПб., 2015. С. 220 – 224.

³ Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870 – 1920). М.; СПб., 2011; его же. Вызов национализма: лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб., 2016.

⁴ Захаров А.М. «Темные силы на фронте»: «фобия добровольчества» и славянские добровольцы на русском фронте в 1914 – 1917 гг. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. СПб., 2010. С. 24 – 30; его же. Февральская революция 1917 года в «Дневнике» А.Р. Ледницкого // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. СПб., 2011. С. 13 – 21; его же. Югославянские военнопленные в революционных событиях 1917 года в Туркестанском генерал-

сии польской армии со стороны Временного правительства. Рассуждая о них, автор пишет: «Правительству же, очевидно, недостаточно осведомленному обо всех нюансах проблемы, приходилось действовать практически наугад, пользуясь экспертными оценками лиц, в той или иной степени ангажированных и заинтересованных в реализации вполне определенных проектов, рожденных не столько в русской, сколько в польской политической среде».

В.В. Хуциева, продолжая работу над проблемами истории коммерческого образования в России¹, сосредоточила внимание на проблеме взаимодействия руководства специальными учебными заведениями и представителей новых органов центральной власти в первые месяцы Советской власти. На примере вопроса о сохранении культурных ценностей она показала, что выстраивалась жесткая иерархичная система и прежние заслуги и положение учебного заведения серьезного значения в глазах представителей новой власти не играли.

П.Н. Гордеев, известный своими работами по истории государственных (бывших императорских) театров России в 1917 г.², изучая вопрос о воровстве в государственных театрах в эпоху Русской революции³, теперь обращает свое внимание на московских театрах. Автор приходит к выводу о том, «основными мерами борьбы с подобными явлениями со стороны театральной администрации являлись многочисленные, но не особенно успешные напоминания капельдинерам и сторожам об их материальной ответственности за украденное». В другой своей статье Гордеев изучает

губернаторстве // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. СПб., 2009. С. 81 – 84; его же. Воспоминания Н. Ковачевича как источник по истории революции и гражданской войны в России (1917 – 1918 гг.). // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. СПб., 2016. С. 114 – 119.

¹ Хуциева В.В. «Министерская чехарда» и судьбы коммерческого образования весной – осенью 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. СПб., 2011. С. 92 – 96; ее же. Перспективы и судьба учреждений системы российского коммерческого образования в 1917 – начале 1920-х гг. (на примере Петербургского коммерческого училища Ведомства учреждений императрицы Марии) // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. 2016. Т. 18. № 6. С. 37 – 48; Смирнова А.А., Хуциева В.В. Реорганизация системы управления закрытыми привилегированными учебными заведениями весной – осенью 1917 г. (на примере Павловского женского института и Петроградского Коммерческого училища) // Герценовские чтения 2014. Актуальные проблемы русской истории. Сборник научных и учебно-методических трудов. СПб., 2015. С. 155 – 160.

² Гордеев П.Н. Забастовка хора Мариинского театра в феврале 1917 года // Герценовские чтения 2016. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2017. С. 106 – 130; его же. В поисках революционной драматургии: как бывшие императорские театры старались в 1917 году «соответствовать моменту» // Русская литература. 2017. № 3. С. 81 – 93.

³ Гордеев П.Н. Воровство и хулиганство в петроградских государственных театрах в феврале – октябре 1917 года // Новое литературное обозрение. 2013. № 123. С. 131 – 143.

«революционный» этап в бурной биографии актрисы Н.Л. Тираспольской. На основе архивных источников рассматривается возвращение на сцену Александринского театра уволенной незадолго до революции артистки, которая использовала для этих целей свое тесное сотрудничество с новой, большевистской властью.

Д.А. Бажанов, известный специалист по истории революционной повседневности на Балтийском флоте, пишет о создании и функционировании судовых комитетов на Балтике в марте – октябре 1917 г. Автор утверждает, что они «могли претендовать на превращение в институт политической системы». Но этого сделать «не сумели, попав в зависимость от распоряжений комиссаров, направляемых Центробалтком». Бажанов приходит к выводу, что основными причинами этого «следует считать различную природу формирования групп депутатов ЦКБФ и комитетов, а также отношение команд к судовым организациям как органам низшего звена, а, значит, предназначенным для решения хозяйственно-бытовых вопросов». Во второй статье Д.А. Бажанова, публикуемой в сборнике, речь идет о создании Временного военно-морского суда в Гельсингфорсе. В ней затрагиваются аспекты оформления судебной власти в условиях революционного процесса. Если ранее автор касался тем, связанных с попытками решения судебных вопросов на местах, т.е. непосредственно на кораблях¹, то в данном случае он обратился к другой стороне проблемы – созданию легитимного судебного органа. В работе показаны сложные перипетии этого процесса, связанные как с изменениями правового положения различных групп военных моряков, так и с осознанием ответственности юридических полномочий.

Подчеркнем, что статьи и других авторов – А.Ю. Давыдова, Е.А. Дервинной, Е.Ю. Дубровской, Е.А. Козловой, С.А. Королева, Е.М. Лавровой, В.И. Мусаева, А.Б. Николаева, А.П. Павленко, А.Г. Румянцева, К.А. Тарасова, Д.И. Стогова и А.В. Соколова – содержат любопытные наблюдения и ценные выводы.

Несомненно, что и этот сборник найдет своего читателя, будет способствовать дальнейшему росту интереса к истории Революции 1917 года в России.

А.Б. Николаев
28 октября 2017 г.

¹ Бажанов Д.А. Революционная повседневность: конфликт концепций дисциплины в марте-октябре 1917 г. (на материалах 1-й бригады линейных кораблей Балтийского флота) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2010. № 3. С. 76 – 80; его же. «Суд да дело»: судебнo-правовая деятельность судовых комитетов на Балтике в марте-августе 1917 г. // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2012. Т. 5. № 1. С. 40 – 63; его же. Кражи как элемент военной повседневности в 1914–1917 гг. (на материалах кораблей Гельсингфорской военно-морской базы) // Наука и бизнес: пути развития. 2012. № 7 (13). С. 32 – 37.

Румянцев А.Г.

Полицейстер В.Ф. Галле и дело о «полицейских пулеметах»

Принято считать, что Февральская революция в Петрограде, несмотря на участие в ней десятков тысяч людей, не сопровождалась разгулом анархии и актами вандализма. Впервые подобное суждение высказал тогдашний министр юстиции А.Ф. Керенский¹. Впоследствии С.П. Мельгунов также высказал суждение о том, что Февральская революция была «бескровной», а отдельные случаи насилия не могли «свидетельствовать о специфической атмосфере убийств, которая создавалась в первые дни революции»². Действительно, последовавшие затем жертвы Гражданской войны заметно превышают количество пострадавших в дни Февральской революции, число которых в разных работах колеблется от 1300 до 1600 чел.³

Символом Февральской революции стала ликвидация прежних органов правопорядка, что сопровождалось разгромом полицейских участков, сожжением архивов, а также убийствами городских, жандармов и агентов сыска. Подобные действия толпы, в частности, стали следствием того, что столица в февральские дни 1917 года была переполнена слухами об использовании полицией пулеметов⁴. Людская молва, как и периодическая печать, приписывала подобную инициативу министру внутренних дел А.Д. Протопопову⁵.

Несмотря на то, что отечественная историография, в целом, отрицает использование пулеметов полицией⁶, вопрос остается нерешенным и по сей

¹ Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 509.

² Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 97.

³ Волобуев П.В. По поводу числа убитых и раненых в Петрограде в дни февральской буржуазно-демократической революции 1917 года // Академик Волобуев П.В. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 75 – 76; Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте // Мартынов Е.И. Политика и стратегия / Ред. Совет серии: С.В. Степашин (пред.) и др. М., 2003. С. 222; Николаев А.Б. Отрезанные головы Февральской революции // 90 лет Февральской революции. Сб. научн. ст. СПб., 2007. С. 33.

⁴ См., напр.: Шляпников А.Г. Канун Семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. Т. 2. Кн. 1 – 2. С. 70 – 71; Философов Д.В. Дневник (17 января – 30 марта 1917 г.) // Звезда. 1992. № 1. С. 200.

⁵ Руднев В.М. Правда о русской царской семье и темных силах // Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919 – 1922 гг.: Сб. материалов / Сост. Л.А. Лыкова. М., 1998. С. 156 – 157; ПЦР / Под ред. П.Е. Щеголева. Л., 1924. Т. 1. С. 137 – 138. См. также: Лукоянов И.В. Пулеметы на улицах Петрограда: кто и зачем стрелял в дни Февральской революции? // Политическая история России XX века: К 85-летию профессора Виталия Ивановича Старцева. Сб. научн. тр. СПб., 2016. С. 182 – 183.

⁶ Волобуев П.В. По поводу числа убитых и раненых в Петрограде. С. 76; Булдаков В.П. Февраль наоборот // Новая газета. 2012. 29 февраля; Старков Б.А. Февральский излом 1917 года // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2007. № 4. С. 38.

день. Впервые он обсуждался в Петроградской городской думе 28 февраля 1917 г. В тот день гласный М.П. Кузьмичев обратил внимание собравшихся на факт пулеметной стрельбы с крыши здания Городской думы. Собравшиеся единогласно постановили поручить изучение вопроса Городской управе и уволить со службы лиц, по халатности которых началась стрельба¹. В дальнейшем вопрос о применении в столице пулеметов попал в поле зрения ЧСК Временного правительства. Учрежденная 4 марта 1917 г. по предложению министра юстиции А.Ф. Керенского комиссия под председательством Н.К. Муравьева занималась расследованием «противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств». 7 апреля 1917 г. Комиссия направила предписание прокурору Петроградской судебной палаты собрать во всех участковых комиссариатах и отрядах милиции достоверные сведения о стрельбе с крыш из пулеметов и ружей в дни Февральской революции². В духе томах дела «о противозаконных действиях высших должностных лиц в борьбе с февральской революцией и использованием полицией пулеметов» под руководством командированного для производства следствия члена комиссии В.О. Южвик-Компанейца были собраны копии протоколов допросов высших должностных лиц «старого» режима, а также многочисленные, порой противоречащие друг другу, показания очевидцев событий. Подшитые в хронологическом порядке, эти разнообразные свидетельства впоследствии никак не проверялись. В результате осталось множество расхождений в показаниях, недомолвок, как по мелким случаям, так и по таким крупным происшествиям как разгром гостиницы «Астория»³.

Среди прочих допрошенных представителей «старого режима» был полицмейстер 4-го отделения, генерал-майор Владислав Францевич Галле (1862 – ?). Определенный интерес к этой личности объясняется тем, что бывший страж порядка обвинялся в обучении полицейских стрельбе из пулеметов⁴. Потомственный дворянин Варшавской губернии, выпускник 2-й С.-Петербургской военной гимназии и Елизаветградского кавалерийского училища, В.Ф. Галле начал службу в 1881 г. корнетом 18-го драгунского Клястицкого Его королевского высочества, великого герцога Гессенского полка. В 1888 г. перешел на службу в столичную полицию, пройдя путь от поручика до генерал-майора. С 1897 по 1903 гг. являлся начальником полицейского резерва, с 1903 г. – полицмейстер 4-го отделения, которое охватывало Васильевский остров, Петроградскую часть и Новодеревенский участок. Инструктор верховой езды, В.Ф. Галле являлся инициатором создания конно-полицейской стражи, а также музея полиции (1900 г.), периодически

¹ Известия Петроградской городской думы. Март – апрель 1917 г. Пг., 1917. С. 135 – 136.

² ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2529. Л. 30.

³ Там же. Ф. 1695. Оп. 2. ДД. 441 – 442.

⁴ Николаев А.Б. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских накануне февральской революции // Journal of Modern Russian History and Historiography. Boston, Leiden, 2012. Vol. 5. № 1. P. 33.

исправлял должности полицмейстера С.-Петербурга. Инициатор открытия Дома трудолюбия, аналога сегодняшних «ночлежек» (1897 г.), организовал работу «Общества поощрения об отставных нижних чинах и оставивших службу вольнонаемных служащих С.-Петербургской столичной полиции» и являлся попечителем двух его приютов. Председатель правления «Общества взаимопомощи офицерских и классовых чинов Управления С.-Петербургского градоначальства и столичной полиции». Талантливый изобретатель, инициатор создания «каретного обоза» для перевозки наиболее опасных арестантов, совместно с капитаном А.М. Задарновским изобрел специальный панцирь для защиты полицейских от холодного и огнестрельного оружия¹. При этом не брезговал взятками, в 1909 году дело о мздоимстве В.Ф. Галле расследовалось тогдашним вице-директором Департамента полиции С.Е. Виссароным².

15 ноября 1916 г. В.Ф. Галле был назначен на вакантную должность варшавского обер-полицейстера, фактически же оказался прикомандированным к Петроградскому градоначальству³. Домовладелец, проживал на Каменноостровском пр., д. 65. До 1897 г. семья Галле владела дачей по Муринскому пр., д. 38. Владели они и земельными участками на Виноградной горе бывшего Хлудовского имения Сочинского лесничества Черноморской губернии⁴.

На допросе в ЧСК 2 мая 1917 г. В.Ф. Галле сообщил следствию, что в конце 1916 г. он имел частную беседу с тогдашним министром внутренних дел А.Д. Протопоповым. Поскольку МВД предполагало сосредоточить в своих руках вопросы продовольственного снабжения Петрограда и всей Империи, А.Д. Протопопов предложил В.Ф. Галле взять на себя заведование продовольственной частью столицы. Министр аргументировал свое предложение тем, что тогдашний петроградский градоначальник, князь А.Н. Оболенский, должен был покинуть свой пост, а новый не мог быть достаточно осведомлен в столь важном вопросе. Однако В.Ф. Галле отказался от предложенной должности, и стороны сошлись на том, что новый градоначальник назначит своего заведующего продовольственной частью, а В.Ф. Галле будет ему помогать⁵. Действительно, ставший 9 ноября 1916 г. градоначальником генерал-майор А.П. Балк принял на себя в декабре того же года обязанности уполномоченного председателя Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу по Петрограду. В

¹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 233. ЛЛ. 273 – 278; Ф. 792. Оп. 1. Д. 8444. ЛЛ. 1 – 5; Весь Петроград на 1917. Адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг., 1917. Отдел I. Ст. 246; Назаренко А.М. Санкт-Петербургская столичная полиция (1906 – 1913 годы): Дис. ... к. ист. н. СПб., 2000. С. 24 – 25, 43, 70, 76, 158, 165 – 166, 176.

² ПЦР. Л., 1925. Т. 3. С. 442.

³ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. Л. 164.

⁴ Там же. Ф. 536. Оп. 30. Д. 222; Ф. 780. Оп. 1. Д. 817. ЛЛ. 46 – 46 об.; Весь Петроград. Отдел I. Ст. 246, 251; Отдел III. С. 147.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. ЛЛ. 164 – 164 об.

феврале 1917 г. по представлению министра земледелия эту должность занял действительный статский советник В.К. Вейс¹.

Сам В.Ф. Галле постоянно оправдывался за свои контакты с «темными силами», указывая, что «видел министра внутренних дел Протопопова всего один раз, в описываемую встречу». По заявлению бывшего полицмейстера, зимой 1916 – 1917 гг. он занимался наблюдением за реквизиционными комиссиями на вокзале и вообще, «наружной инспекцией» продовольственного дела. Сообщая о своей непричастности к февральским событиям, В.Ф. Галле указывал, что 26 – 27 декабря 1916 г. сдал должность полицмейстера полковнику Спиридонову². Под последним следует понимать Николая Петровича Спиридонова, тогдашнего пристава 2-го участка Спасской части³. Это подтверждается воспоминаниями А.П. Балка, который указывал, что Н.П. Спиридонов присутствовал на заседании у градоначальника 23 февраля 1917 г.⁴

По свидетельству В.Ф. Галле в последние два месяца перед революцией он оставался лишь заведующим хозяйственными делами. Были на бывшего полицмейстера возложены и другие функции – в конце января 1917 г. он занимался ревизией дел редакции «Ведомостей градоначальства», а в середине февраля – ревизией Адресного стола. Как мог, В.Ф. Галле подчеркивал свою пассивную роль исполнителя, утверждая: «меня в это время ни в какие заседания или совещания, связанные с обсуждением вопросов о беспорядках и волнениях, не приглашали <...> Я состоял в распоряжении градоначальника, и, следовательно, какие бы функции не возлагались на меня, я вынужден был их исполнять»⁵.

Далее в показаниях В.Ф. Галле происходит скачок во времени, и он переходит к событиям Февраля 1917 г. Бывший полицмейстер опять-таки показывает: «в первые дни революции я оставался дома, и ни в какие служебные отношения ни с кем не вступал»⁶.

Впрочем, тогда остается непонятным, почему, по словам бывшего полицмейстера, 27 февраля около 10 ч. утра ему позвонил градоначальник А.П. Балк и потребовал приехать нездорового В.Ф. Галле в Градоначальство⁷. Как известно, совещание у градоначальника было вызвано тем, что утром того дня начался переход на сторону восставших воинских частей – запасных батальонов лейб-гвардии Волынского, Литовского и Преображенского полков и 2-го саперного батальона. На совещании присутствовали воинские чины, в т.ч. начальник Петроградского военного округа С.С. Хаба-

¹ Весь Петроград. Отдел I. Ст. 243; Гибель царского Петрограда: Февральская революция глазами градоначальника А.П. Балка // Русское прошлое. 1991. Кн. 1. С. 10.

² ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. Л. 165.

³ Весь Петроград. Отдел III. С. 650.

⁴ Гибель царского Петрограда. С. 29.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. Л. 165.

⁶ Там же. Л. 165 об.

⁷ Там же.

лов, начальник штаба округа М.И. Тяжелников и полковник лейб-гвардии Преображенского полка А.П. Кутепов¹.

По словам В.Ф. Галле, он должен был ознакомить собравшихся с планом столицы, так как градоначальник заявил: «поскольку я города достаточно не знаю, то прошу Вас приехать». На совещании царил сумбур, никто бывшего полицмейстера не спросил о плане, хотя тот лежал на столе. «Все бегали по комнате, были там 2–3 полковника, командиры запасных батальонов, генерал Хабалов, ходил из угла в угол генерал Тяжелников». В Градоначальство постоянно поступали телефонные звонки и донесения об отложении все новых и новых воинских частей. Общая картина того дня в изображении В.Ф. Галле примерно совпадает с воспоминаниями А.П. Балка: в Градоначальство поступали сообщения о действиях отряда полковника А.П. Кутепова, о занятии им некоторых пунктов в городе, о продвижении отряда к Литейному мосту до угла Литейного пр. и Пантелеймоновской ул.²

Но дальше в своих показаниях В.Ф. Галле противоречит самому себе. Он сообщил следствию, что около 12 часов дня был отпущен домой, и в это время градоначальником был издан приказ о снятии полицейских постов³. При этом бывший полицмейстер упомянул, что в Градоначальство прибыли военный министр, генерал от инфантерии М.А. Беляев, начальник Морского генерального штаба, адмирал А.И. Русин и великий князь Кирилл Владимирович, командир Гвардейского флотского экипажа, «удалялись и вели разговоры по секрету». Также В.Ф. Галле припомнил, что ему как начальнику конно-полицейской стражи по телефону в Градоначальство звонили два заведующих конными частями и спрашивали, что делать с лошадьми, поскольку полицейские, по-видимому, разбежались. Разговаривал бывший полицмейстер и с начальником сысского отделения А.А. Кирпичниковым, но о чем, следствию не сообщил⁴.

Однако все указанные события, как следует из воспоминаний А.П. Балка, имели место днем 27 февраля. Военный министр М.А. Беляев прибыл в Градоначальство только в 3 часа дня, после чего совещался в отдельной комнате с С.С. Хабаловым. К ним вскоре присоединился великий князь Кирилл Владимирович. Уже ближе к вечеру А.П. Балк получил распоряжение начальника Петроградского военного округа распустить служащих Градоначальства. Таким образом, следует доверять воспоминаниям А.П. Балка, который утверждал, что В.Ф. Галле находился в здании Градоначальства весь день 27 февраля 1917 г., затем вместе с остальными прибыл в здание Адмиралтейства. Петроградский градоначальник вспоминал, что при переходе в Зимний дворец в ночь на 28 февраля 1917 г. «не прощаясь, отделился генерал Галле и пошел по мосту на Петербургскую сторону. Кто-

¹ Гибель царского Петрограда. С. 43 – 45.

² ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. Л. 165 об.; Гибель царского Петрограда. С. 44 – 46.

³ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. Л. 166.

⁴ Там же. ЛЛ. 165 об., 166.

то иронически заметил: “Спасает свою шкуру”»¹. Как видно, бывший полицмейстер был участником событий 27 февраля 1917 г., хотя, по словам А.П. Балка, он «никакого участия в деле не принимал, но, интересуясь событиями, держался при Штабе генерала Хабалова»². Однако В.Ф. Галле старательно выгораживал себя, стремясь показать свою полную неосведомленность о происходившей ситуации.

Дал свои показания В.Ф. Галле и по делу об обвинении бывшего начальника Петроградского полицейского резерва В.В. Левисона (1869 – 1917) в применении пулеметов. Финн по национальности, он происходил из дворян Ковенской губернии. Начав службу в 1887 г. юнкером в армейской пехоте, В.В. Левисон с 1893 г. находился при полицейском резерве столичной полиции, дослужившись к 1916 г. до звания подполковника и начальника полицейского резерва³. Не выдержав обвинений, бывший начальник полицейского резерва покончил с собой 21 апреля 1917 г., застрелившись на Смоленском лютеранском кладбище⁴.

По делу В.В. Левисона В.Ф. Галле сообщил, что тот являлся его ближайшим помощником по службе в полицейском резерве в 1897 – 1903 гг. и дал ему следующую характеристику: «Левисон – человек безукоризненный, честнейший, либеральных воззрений [одно из клише революции – А.Р.], но твердый и человек долга»⁵. При этом В.Ф. Галле опять-таки подчеркивал свою неосведомленность о деятельности полицейского резерва. Он сообщил, что примерно 20 февраля 1917 г. В.В. Левисон дал званый обед в честь назначения В.Ф. Галле варшавским обер-полицмейстером. На нем присутствовали градоначальник А.П. Балк, полицмейстеры 3-го отделения В.Н. Мораки и 5-го отделения М.П. Шалфеев, тайный советник, сенатор А.М. Нолькен, штаб-офицер при градоначальстве, ротмистр Л.А. Игнациус и управляющий канцелярией градоначальника, действительный статский советник В.И. Голованов. Как утверждал В.Ф. Галле, большинство присутствующих были друзьями В.В. Левисона. Никаких разговоров на служебные темы не велось, после обеда А.П. Балк уехал, а остальные играли в карты⁶.

Весьма неполные сведения сообщал В.Ф. Галле и о численности полицейского резерва. По словам бывшего полицмейстера, полицейский резерв состоял номинально из 4-х рот, фактически их было меньше. Управление резерва вместе с одной из рот полиции помещались в здании 1-го участка Александро-Невской части (Невский пр., д. 91)⁷. Остальные роты располагались в казармах по Невскому пр., д. 88, по Галерной ул., д. 10 и 16-й линии В.О., д. 73. При этом бывший полицмейстер явно противоречил самому себе, утверждая, что на каждое из 6-ти полицейских отделений полагалось по

¹ Гибель царского Петрограда. С. 46 – 49, 54.

² Там же. С. 52.

³ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 690.

⁴ Там же. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 441. Л. 269.

⁵ Там же. Д. 442. Л. 166.

⁶ Там же; Весь Петроград. Отдел I. Ст. 245, 246; Отдел III. С. 495.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. Л. 167; Весь Петроград. Отдел I. Ст. 247, 251.

одной роты¹. Фактически на 1917 г. таких рот было восемь. В.Ф. Галле назвал местонахождение лишь 7-й (16-я линия В.О., д. 73) и 8-й рот (Галерная ул., д. 10). Никаких казарм на Невском пр., 88 не располагалось, этот дом принадлежал О.П. Кушелевой. При этом в столице было расквартировано еще шесть рот. 1-я рота располагалась на Апраксином пер., д. 12, 2-я – на 8-й Роте Измайловского полка, д. 20-а, 3-я – на Херсонской ул., д. 8, 4-я – на Покровской ул., 1, 5-я – на Межевой ул., 13 и 6-я – на Киевской ул., д. 5-а².

В задачи резерва входили прием и подготовка людей на службе – городских, околоточных, надзирателей и офицеров, а также выполнение нарядов в помощь участковой полиции. В резерве было сосредоточено обмундирование и снаряжение всего состава полиции.

Говоря о вооружении полиции, В.Ф. Галле сообщал, что «лет 12 – 13 тому назад все полицейские участки были снабжены трехлинейными русскими винтовками». С началом Первой мировой войны эти винтовки были отправлены в действующую армию и заменены японскими винтовками и карабинами. «Никто из чинов полиции обращаться с новыми винтовками не умел, так, по крайней мере, мне передавали чины полиции». В.Ф. Галле категорически отрицал использование пулеметов петроградской полицией, утверждая, что «обучения полицейских чинов пулеметной стрельбе нигде не происходило, – по крайней мере, я ничего об этом не слышал и не знаю»³. В оправдание своих слов он привел известие о том, что на всю полицию имелось «всего одно пулеметное ружье, датское» (очевидно, имеется в виду ручной пулемет Мадсена), которое находилось у охранной команды при Елагином дворце. Этот пулемет был когда-то подарен П.А. Столыпину, но патронов к нему не имелось⁴.

Наконец, В.Ф. Галле дал целый ряд показаний об инициативе товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова в ноябре 1916 г. по усилению полиции пулеметами. К открытию сессии Государственной думы из 1-го пулеметного полка доставили часть пулеметов и ночью 11 февраля 1917 г. полицейские части расставили их на крышах и чердаках по заранее составленному плану, но неумело, что в дни Февральской революции затрудняло стрельбы и уменьшило возможное число жертв⁵.

Бывший полицмейстер пояснил, что встречался с П.Г. Курловым в 1910 г., когда проходил по делу об обвинении во взяточничестве. Затем В.Ф. Галле виделся с П.Г. Курловым в 1910 – 1911 гг., когда получал указания по поводу беспорядков в университете, и в сентябре – октябре 1916 г. по поводу состояния продовольственной части. Бывший полицмейстер особо отмечал, что «после состоявшегося назначения меня варшавским обер-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. Л. 166 об.

² Весь Петроград. Отдел I. Ст. 251. Отдел IV. Ст. 258.

³ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. Л. 166 об.

⁴ Там же. Л. 167.

⁵ Гибель царского Петрограда. С. 15.

полицмейстером я никаких встреч с Курловым не имел, возможно, что он мне сообщал по телефону о моем назначении»¹.

В дополнительных показаниях ЧСК от 10 мая 1917 г. В.Ф. Галле вспомнил еще один разговор с бывшим товарищем министра. Он обратился к В.Ф. Галле с вопросом, могут ли быть размещены в Петрограде и где конные и пешие жандармско-полицейские части из Москвы. Разговор имел место в декабре 1916 г. или в январе 1917 г., «но, кажется, не в феврале». Через 2 – 3 дня В.Ф. Галле ответил, что конные части до 90 человек могут быть размещены, а пешие части могут быть помещены лишь в один из ночлежных домов. П.Г. Курлов безразлично ответил, что доложит министру внутренних дел, и никаких распоряжений о присылке войск не последовало. В заключение В.Ф. Галле вновь выводит себя из-под удара, сообщив следствию, что доложил о разговоре А.П. Балку, а тот также отнесся к этому сообщению безучастно².

Как видно, показания В.Ф. Галле весьма противоречивы, и бывший полицмейстер намеренно занижал свою роль в событиях Февраля 1917 г. Поскольку доказательств его виновности в обучении полицейских стрельбе из пулеметов собрано не было, В.Ф. Галле после допроса был отпущен. Действительно, так как вопрос о передаче полиции пулеметов так и не был решен, и большая часть пулеметов находилась либо в руках правительственных войск, либо в руках восставших³, то и обучение полицейских стрельбе из них являлось, по-видимому, лишь слухом.

При этом следует отметить, что обучением стражей правопорядка владению оружием было регулярным, и этим занимались чины полицейского резерва, а также непосредственно полицмейстеры и жандармские чины. Как следует из рапорта начальника резерва столичной полиции, полковника Г.Д. Гиржев-Бельчика петербургскому градоначальнику Д.В. Драчевскому от 2 октября 1913 г. на вооружении полиции на тот момент находилось 3157 винтовок, а также 5155 револьверов (в т.ч. 4100 «Наганов», 663 «Маузера» и 392 «Браунинга») и 4076 шашек⁴.

Следовательно, сам В.Ф. Галле по своей должности как полицмейстер 4-го отделения, начальник конно-полицейской стражи и исполняющий обязанности начальника полицейского резерва не мог не быть осведомлен об обучении полицейских владению оружием. В частности, весьма сомнительным выглядит утверждение бывшего полицмейстера о том, что полицейские не были обучены владению винтовками и карабинами.

Напротив, представляется, что В.Ф. Галле, используя отсутствие каких-либо сведений об обучении полицейских стрельбе из пулеметов, сумел увести следствие в сторону и отвести от себя возможные обвинения в обу-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. Л. 167.

² Там же. Л. 275.

³ Румянцев А.Г. «Полицейские пулеметы» в Феврале 1917 года: миф или реальность? // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. СПб., 2015. С. 54; Лукоянов И.В. Пулеметы на улицах Петрограда. С. 187 – 188.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 2141. Л. 1; Весь Петербург на 1913 г. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб, 1913. Отдел I. Ст. 285, 292.

чении полицейских владению оружием вообще. И отметим непоследовательность Чрезвычайной следственной комиссии, члены которой не обратили внимание на явные нестыковки в показаниях В.Ф. Галле и не удосужились допросить тех, кто обвинял бывшего полицмейстера в обучении стрельбе из пулеметов.

Тарасов К.А.

*Офицерская власть и солдатская самоорганизация в период
Февральского восстания 1917 года в Петрограде*

Присоединение солдат к революции 27 февраля 1917 года большинством историков признается событием, оказавшим решающее воздействие на успешное завершение Февральского восстания¹. Вместе с тем в вопросе характеристики этого события мнения ученых расходятся. Иногда оно описывается в терминах «солдатского бунта»². Другие исследователи акцентируют внимание на заговоре среди петроградского офицерства³. Данные разногласия можно рассматривать в контексте полемики, возникшей еще в советской историографии о соотношении стихийности и организованности в Февральских событиях⁴. Ответить на вопрос о «движущей силе» тех дней невозможно без подробной реконструкции выступлений в отдельных воинских частях Петроградского гарнизона.

На случай беспорядков в столице командованием Петроградского военного округа был разработан план охраны города с привлечением учебных команд гвардейских запасных батальонов. Это были специальные подразделения для подготовки из лучших солдат унтер-офицерского состава армии. Город разбивался на несколько участков, за каждый из которых отвечала та

¹ Калашников В.В. Новейшая историография Февральской революции: экспресс-анализ // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. Сб. докладов международной научной конференции. СПб., 2017. С. 154 – 155.

² Старцев В. И. Человек с ружьем в Октябре // Октябрь 1917 года: событие века или величайшая катастрофа? М., 1991. С. 151 – 156; Люкшин Д.И. Солдаты тыловых гарнизонов: от колебания к бунту // 1917 год в исторических судьбах России. М., 1993. С. 64 – 66; Булдаков В.П. Истоки и последствия солдатского бунта: к вопросу о психологии «человека с ружьем» // 1917 год судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 208 – 217.

³ Куликов С.В. Петроградское офицерство 23 – 28 февраля 1917 г. Настроения и поведение // Новый часовой. 2006. № 17 – 18. С. 101 – 127; Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907 – 1917). М., 2003. С. 203 – 204; Ганин А.В. Генштабисты и Февральская революция // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. С. 222 – 223.

⁴ См.: Знаменский О.Н. Советские историки о соотношении стихийности и организованности в Февральской революции // Свержение самодержавия. Сб. статей. М., 1970. С. 283 – 295.

или иная воинская часть¹. Этот план начал реализовываться с 23 февраля 1917 г. Солдаты должны были оказывать содействие полиции по рассеиванию толп демонстрантов².

Группы забастовщиков из рабочих районов Петрограда и сочувствующих им горожан с самого начала пытались попасть в центр города, на Невский проспект и к Казанскому собору, «традиционному» центру политических манифестаций³. Соответственно, главные столкновения с толпой произошли на пикетах у Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова) и на Знаменской площади (ныне площадь Восстания) – на двух концах Невского проспекта, куда ее пытались не допустить. После того, как 26 февраля 1917 г. солдатам был отдан приказ применять оружие, именно здесь были массовые жертвы среди демонстрантов. Неслучайно поэтому, что в тех воинских частях, которые сдерживали натиск толпы в этих точках – запасных батальонах Павловского и Волынского полков – вспыхнули первые солдатские выступления.

Нет нужды подробно описывать два этих хорошо изученных солдатских выступления⁴. Стоит подчеркнуть лишь некоторые сходства между ними. Во-первых, в обоих случаях главной причиной для неподчинения и выхода на улицы был протест против применения оружия против мирных жителей⁵.

Во-вторых, реакция командования на выступления своих подчиненных была почти одинаковой. Полковник А.Н. фон Экстен воздействовал на павловцев убеждениями, и ему удалось добиться их успокоения. Этой же ночью были арестованы зачинщики и отправлены в Петропавловскую крепость. Инцидент был улажен мирным путем, офицеры действовали только угрозами. Нужно отметить, что убит полковник фон Экстен был не своими солдатами, как это иногда утверждается. Около 7 часов вечера 26 февраля он

¹ Мартынов Е.И. Политика и стратегия. М., 2003. С. 156 – 158.

² Февральская революция в документах // Пролетарская революция. 1923. № 1 (13). С. 285.

³ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2012. С. 18 – 19.

⁴ Черняев В.Ю. Восстание Павловского полка 26 февраля 1917 г. // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. Сб. научных трудов. Л., 1989. С. 152 – 177; Ганелин Р.Ш., Соловьева З.П. Воспоминания Т.И. Кирпичникова как источник по истории февральских революционных дней 1917 г. в Петрограде // Там же. С. 178 – 195; Николаев А.Б. Тимофей Иванович Кирпичников: краткая биография «первого солдата революции» // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская конференция. Санкт-Петербург, 16 марта 2012 г. СПб., 2013. С. 116 – 145.

⁵ См. [Лебедев Г.] Присоединение л.-гв. Павловского полка // Правда. 1917. 31 марта; Кирпичников Т.И. Восстание л.-гв. Волынского полка в 1917 году // Крушение царизма. Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 – 1917 г.). Л., 1986. С. 307.

покинул казармы и был смертельно ранен неизвестным из толпы на углу Екатерининского канала¹.

Когда на следующее утро 27 февраля волынцы под руководством фельдфебеля Т.И. Кирпичникова, а затем убили своего начальника штабс-капитана И.С. Лашкевича, командир запасного батальона полковник В.И. Висковский не решился применять силу. По словам одного из офицеров-волынцев, находившихся с ним в офицерском собрании, «он сказал, что не сомневается в верности своих солдат, что они одумаются и выдадут виновных»². В действиях командиров запасных батальонов фон Экстена и Висковского можно отметить патернализм, «отеческое чувство», по отношению к своим подчиненным. Они отказывались применять против них силу, надеясь на благоразумие солдат.

Выступление волынцев выгодно отличалось от событий в запасном батальоне Павловского полка тем, что их казармы не были изолированы от других воинских частей³. Они были расположены в своеобразном военном городке – Таврических казармах, находившихся между Преображенской (ныне Радищева), Парадной и Кировой улицами и Виленским переулком.

Востание быстро охватило весь район. К волынцам присоединились литовцы и преображенцы⁴, а чуть позже 6-й саперный батальон. В ходе перестрелки было убито несколько офицеров, которые пытались помешать соединению своих подчиненных с восставшими⁵.

¹ По свидетельству генерала С.С. Хабалова, «револьвер у него выхватили и ударом шашки отрубили у него три пальца, другим ударом разрубили голову – одним словом, он вероятно уже не жил...» (ПЦР. Л., 1924. Т. 1. С. 201 – 202). Раны холодным оружием от гражданского из толпы подтверждает и М.И. Скобелев (Lyandres S. The Fall of Tsarism. Untold Stories of the February 1917 Revolution. Oxford, 2013. P. 172). В донесении в Охранное отделение поздно вечером 26 февраля также говорилось, что «у него отрублена кисть руки» (Шляпникова И.А. Александр Шляпников и его время. М., 2016. С. 785).

² Цит. по: Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. Нью-Йорк, 1962. Т. 3. С. 123 – 124.

³ 4-я рота запасного батальона Павловского полка, которая выступила на улицы 26 февраля, располагалась на Конюшенной площади, отдельно от главных казарм, расположенных на Марсовом поле.

⁴ См. о присоединении литовцев и преображенцев подробно.: Мельников А.В. 27 февраля 1917 года в Петрограде. К вопросу о присоединении к революции запасных батальонов лейб-гвардии полков // Герценовские чтения 2004. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2004. С. 99 – 102.

⁵ Сиполь О. Из воспоминаний // Петроградская правда. 1920. 12 марта; Кутепов А.П. Первые дни революции в Петрограде // Генерал Кутепов. Париж, 1934. С. 161; Февральская революция. С. 111; Шляпникова И.А. Указ. соч. С. 799; Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1920. Берлин, 1920. С. 66; Слонимский М. Книга воспоминаний. М.; Л., 1966. С. 13; Кирпичников Т.И. Указ. соч. С. 311; Мельников А.В. Февральская революция 1917 года в Петрограде глазами солдата-литовца Ил. Иванова // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2010. С. 168.

Тем временем главнокомандующему Петроградским военным округом генералу С.С. Хабалову стало известно о выступлении волынцев¹. Быстро стало ясно, что местными силами локализовать выступление не удастся. Тогда в штаб округа срочно вызвали полковника действующего Преображенского полка А.П. Кутепова, бывшего в Петрограде в отпуске. В его распоряжение был выделен отряд в составе двух рот запасного батальона Кексгольмского полка, двух рот Преображенского, роты 1-го стрелкового полка, пулеметную команду из Ораниенбаума и эскадрон драгун 9-го кавалерийского запасного полка². Полковник А.П. Кутепов приступил к выполнению своего задания, пройдя по Невскому проспекту до Литейного. Здесь отряд встретился с толпой восставших солдат, находившихся в нерешительности. Кутепов попытался заблокировать своими отрядами улицы, выходящие на проспект со стороны Таврических казарм, чтобы не допустить прохода солдат. Он пытался организовать офицеров и солдат, одновременно отбиваясь от наступающих вооруженных толп. Дальше Кирочной улицы полковнику не удалось продвинуться. В отсутствие командующего, безуспешно пытавшегося связаться с генералом С.С. Хабаловым, большая часть отряда смешалась с толпой³.

Целью дальнейших действий восставших, как можно судить из поведения солдат, было добыть оружие. В запасных батальонных Петрограда в среднем приходилось по три винтовки на человека, которые использовались для караульной службы и обучения новобранцев⁴. Первым пунктом, куда направились солдаты, было здание Нового Арсенала на Литейном проспекте. Попутно было разгромлено здание Окружного суда и освобождены политические заключенные из Дома предварительного заключения на Шпалерной улице. Далее солдаты перешли Литейный мост для того, чтобы добрать Арсенала на Выборгской стороне и также освободить политических заключенных из тюрьмы «Кресты»⁵. По сообщению полицейского надзирателя Любецкого, солдаты Таврических казарм отправились на Выборгскую сторону, поскольку там располагались цейхгаузы их полков⁶.

Охранявшие Литейный мост пулеметная команда и 4-я рота запасного батальона Московского полка были буквально сметены и разоружены без

¹ В 12:10 С.С. Хабалов телеграфировал императору, когда еще не имел точных данных о событиях в Таврических казармах. Он сообщал, что начальник учебной команды застрелился из-за отказа своих подчиненных выходить против бастующих (Февральская революция 1917 года // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 8).

² ПЦР. Т. 1. С. 198.

³ Кутепов А.П. Указ. соч. С. 164–170; Lyandres S. Op. cit. P. 73 – 74.

⁴ Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 11.

⁵ Кирпичников Т. Указ. соч. С. 312; Тайми А.П. В открытом бою // Крушение царизма. С. 293; Матвеев И.М. Февраль – Октябрь. б/и, 1934 // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1583. Л. 21.

⁶ Шляпникова И.А. Указ. соч. С. 799.

единого выстрела¹. Путь на Выборгскую сторону оказался открытым. Открыв двери «Крестов» около 14 часов дня, после чего оказались на свободе арестованные накануне социалисты, члены Рабочей группы Военно-промышленного комитета, часть солдат вернулась в казармы, а небольшой отряд волынцев, литовцев и преображенцев двинулся «снимать» солдат запасного батальона Московского полка². Другая часть во главе с унтер-офицером Ф.М. Кругловым вернулась на Литейный проспект и пришла к Таврическому дворцу³. Возможно, ими руководили как раз освобожденные члены Рабочей группы Военно-промышленного комитета⁴. Преображенцы Круглова одни из первых перешли в распоряжение Государственной думы и несли караулы в Таврическом дворце.

Первые группы солдат и рабочих на грузовиках появились у казарм запасного батальона Московского полка около полудня 27 февраля⁵. В это время в воинской части отсутствовал ее командир полковник А.Я. Михайличенко, вызванный к градоначальнику, и полковник П.М. Яковлев, замещавший его⁶. Поручику А.П. Петровскому была поручена охрана ворот плаца, выходящих на Большой Сампсониевский проспект. Учебная команда, которую он возглавлял, вступила в перестрелку с восставшими. Грузовики вынуждены были уехать⁷.

Через несколько часов на Большом Сампсониевском проспекте появились толпы восставших. Началась осада казарм запасного батальона Московского полка. 3-я рота москвичей отказалась стрелять в наступающих, а ее командир поручик А. Вериго был убит. Вскоре, когда был проломлен забор, сдалась и учебная команда, которая обороняла ворота казарменного двора со стороны Лесного проспекта. Подпоручик Г. Шабунин, продолжавший оказывать сопротивление, был убит толпой⁸. Восставшие ворвались во двор. Сопротивление продолжалось лишь в офицерском собрании. Остальных

¹ [Нелидов Б.Л.] Воспоминания полковника Б.Л. Нелидова о службе Запасного батальона // Бюллетень Объединения лейб-гвардии Московского полка. 1936. № 68. С. 10; ПЦР. Т. 1. С. 199.

² Кирпичников Т. Указ. соч. С. 312.

³ Лукаш И.С. Восстание в преображенском полку. Пг., 1917; Кондзеровский П.К. Начало конца. Лейб-гвардии Преображенский полк и Февральская революция // Архивы Русской эмиграции и «Военной были» в Париже [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. Режим доступа: <http://www.paris2france.com/lejb-gvardii-preobrazhenskij-polk-i-fevral'skaja-revoljucija>

⁴ Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 171.

⁵ Минц И.И. История Великого Октября. М., 1977. Т. 1. С. 539.

⁶ Показания полковника П.М. Яковлева // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 371. Л. 8.

⁷ Показания поручика А.П. Петровского // Там же. Л. 10; Дневник солдата // Правда. 1917. 10 марта.

⁸ Дуброва I Н.Н. Личные воспоминания о жизни запасного батальона лейб-гвардейского Московского полка в войну 1914 – 1917 г. // ГА РФ. Ф. р-5881. Оп. 2. Д. 326. Л. 11; Лукаш И.С. Преображенцы. Пг., 1917. С. 10; Лейб-гвардии Московский полк. 7.XI.1811 – 7.XI.1936. Париж, 1936. С. 23; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 189.

москвичей, запертых в казарменных помещениях, удалось заставить выйти на улицы под угрозой применить силу. Полностью казармы запасного батальона Московского полка оказались под контролем восставших к 5 часам дня¹.

Одновременно проходили столкновения с запасным самотканым батальоном, располагавшимся дальше по Большому Сампсониевскому проспекту. Под напором толпы самокатчики вынуждены были убрать пикеты и запереться в казарменном дворе². Поскольку казармы не мешали перемещению толпы через Гренадерский мост, а самокатчики были хорошо вооружены пулеметами, осаду сняли до следующего утра.

Восстание перекинулось на Петроградскую сторону. К этому времени командир запасного батальона полковник Д.А. Корганов распорядился снять все посты с улицы. Лишь для того, чтобы не допустить восставших в казармы была вставлена полурота. Без единого выстрела охранение было поглощено наступающей толпой. Тем не менее, солдаты отказывались открыть ворота. И даже, когда восставшим удалось прорваться во двор, они не готовы были выйти на улицы. В ходе длительных переговоров и также под угрозой стрельбы по казармам из броневики, между 8 и 9 вечера гренадеры согласились выйти. По свидетельствам очевидцев офицеров в это время в запасном батальоне уже не было³.

Поток восстания был остановлен на Тучковом мосту, который охраняли две роты запасного батальона Финляндского полка. Без дополнительной поддержки снять этот пикет не удавалось⁴. Солдаты-финляндцы поддерживали порядок на всем Васильевском острове, где было немало заводов. Кроме того, приходилось держать под контролем казармы 180-го пехотного запасного полка, командир которого сообщал, что ему с трудом удается сдерживать солдат от выступления⁵. Еще утром рабочие пытались выпустить солдат из казарм, а вечером из запасного батальона Финляндского полка был направлен специальный отряд для умирения 180-го пехотного полка⁶.

В это время генерал С.С. Хабалов безуспешно пытался организовать на Дворцовой площади новый отряд для поддержки запасных батальонов Гренадерского и Московского полка. Первое время в его распоряжении были

¹ Дневник солдата // Правда. 1917. 10 марта; Дуброва I Н.Н. Указ. соч. Л. 11; Кондратьев Т.К. Воспоминания о подпольной работе // Крушение царизма. С. 283.

² Минц И.И. Указ. соч. С. 465.

³ Голубенко И. Как гренадеры присоединились к народу // Правда. 1917. 12 марта; Жизнь солдат зап[асного] батальона гвардии Гренадерского полка (казарма на обновленных началах). Пг., 1917. С. 7 – 8; Первалов П. Бои за свободу (на улицах Петрограда) // Альманах Революция в Петрограде. Очерки, впечатления, рассказы, стихотворения. Пг., 1917. С. 141; Николаев А.Б. Революция и власть. С. 221 – 222.

⁴ Февральская революция в Петрограде // Красный архив. 1930. № 4 – 5. С. 76.

⁵ ПЦР. Т. 1. С. 200.

⁶ Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 23; Ростковский Ф.Я. Дневник для записывания (1917-й: революция глазами отставного генерала). М., 2001. С. 48.

лишь солдаты запасного батальона Преображенского полка, казармы которого располагались вблизи Зимнего дворца на Миллионной улице.

По воспоминаниям офицера В.Н. Тимченко-Рубана, в роты запасного батальона Преображенского полка, размещавшиеся в Кавалергардских казармах на Захарьевской улице поступило приказание из штаба батальона «идти на Дворцовую площадь, где должны были собраться все еще верные долгу и присяге войска»¹. Однако привести их он не сумел. Переходя Литейный проспект, его солдаты перемешались с толпой, и он остался один в сопровождении своих взводных командиров².

Однако лояльность преобразенцев властям вызывает сомнения. По сведениям И.С. Лукаша, на основе интервью с участниками событий написавшего о присоединении к революции преобразенцев, после того, как стало известно о восстании в Таврических казармах, в 11 часов утра офицеры запасного батальона Преображенского полка обсудили сложившуюся обстановку. Они присоединились к идее капитана Б.В. Скрипицына выйти на Дворцовую площадь и постараться собрать там другие гвардейские батальоны. Своей задачей они поставили «ничем не препятствовать революции, но внести порядок в ее метущийся поток, но избежать кровопролития и собраться на площади, чтобы оттуда как организованной силе предъявить требования народа правительству»³. Об этом решении Скрипицын заявил генералу С.С. Хабалову, пытаясь склонить его к мысли, что «успокоить народ можно только справедливыми уступками, а не палбой»⁴.

Эмигрантский историк С.П. Мельгунов обоснованно сомневается в существовании подобного заговора, считая, что брошюра И.С. Лукаша имела целью поддержать легенду об отсутствии колебаний в военной среде по отношению к революции⁵. Однако подтверждение такой версии можно найти в других источниках. А.В. Рожин, в феврале 1917 г. командир одного из эскадронов 9-го кавалерийского запасного полка, вспоминал разговор с офицерами-преобразенцами, который состоялся вечером 26 февраля в офицерском собрании батальона: «Офицеры батальона, улыбаясь, сказали мне, что они решили не открывать огня по взбунтовавшимся воинским частям». Вахмистр из отряда А.В. Рожина сообщил ему позже слова фельдфебелей запасного батальона Преображенского полка о том, что «завтра “начнется

¹ Андоленко С.П. Преобразенцы в Великую и гражданскую войны. 1914–1920 годы. СПб., 2010. С. 256. О 3-й роте преобразенцев, появившейся в полном порядке на Захарьевской улице в начале дня 27 февраля сообщается и в очерке И.С. Лукаша (Лукаш И.С. Преобразенцы. С. 9).

² Андоленко С.П. Указ. соч. С. 256.

³ Лукаш И.С. Преобразенцы. С. 13.

⁴ Там же. Вероятно, этот эпизод излагал в своих показаниях генерал С.С. Хабалов, спутав преобразенцев с измайловцами, которые подошли только вечером 27 февраля: «Нужно сказать, что настроение офицеров, в частности Измайловского полка, было не таково, чтобы можно было рассчитывать на особенно энергичное действие: они высказывали, что надо войти в переговоры с Родзянко» (ПЦР. Т. 1. С. 201).

⁵ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту (заговоры перед революцией 1917 года). Париж, 1931. С. 154 – 155.

революция” и что Преображенский полк в полном своем составе (с офицерами) перешел на сторону народа»¹.

И.С. Лукаш писал, что измайловцы, егеря и семеновцы не откликнулись на приглашение преображенцев. Удалось привести лишь запасной батальон Павловского полка, куда ходил лично капитан Б.В. Скрипицын.

Действительно, генерал С.С. Хабалов позже в своих показаниях отметил, что вечером на Дворцовую площадь пришел запасной батальон Павловского полка с музыкой, причем «он пришел сам»². Появление павловцев оказалось неожиданным для командующего округом, который считал этот запасный батальон «ненадежным», и не было связано с его приказом³.

Согласно воспоминаниям солдата 4-й роты запасного батальона Павловского полка Г. Лебедева, их уговорил выйти на Дворцовую площадь подпоручик А.Ф. Рихтер около 4 часов дня. Он сказал, что по примеру павловцев уже восстали солдаты других полков, и призвал во избежание кровопролития присоединиться к гарнизону. К своему удивлению павловцы были приведены в распоряжение царских властей⁴. Произошло это около 5 часов дня⁵. Таким образом, некоторым эпизодам, описанным в брошюре И.С. Лукаша, можно найти подтверждение.

К вечеру в распоряжение командования прибыли две учебные команды Гвардейского флотского экипажа⁶. Л.С. Туган-Барановский из окон Главного штаба наблюдал стояние солдат на Дворцовой площади в течение трех часов. При этом температура в городе была -11°С⁷.

К этому времени распространился слух, что Государственная дума распущена. Это снизило настроение преображенцев. Они считали, что старое правительство уже пало, а нового нет. Было принято решение войти в Зимний дворец⁸.

Пробыв в распоряжении командования около двух часов, опасаясь расстрела за недавний мятеж, павловцы вернулись обратно в казармы⁹. К этому

¹ [Рожин А.В.] Воспоминания полковника Рожина // Финляндские драгуны (воспоминания). Сан-Франциско, 1959. С. 330 – 331.

² ПЦР. Т. 1. С. 201.

³ Там же. С. 202.

⁴ [Лебедев Г.] Указ. соч. По сведениям Андоленко, павловцы не просто ушли, а «взбунтовались» и, когда не смогли увлечь за собой преображенцев, обстреляли их казармы (Андоленко С.П. Указ. соч. С. 258).

⁵ Л.С. Туган-Барановский в своем интервью отметил, что, уходя из Главного штаба около 5 часов вечера, слышал на Миллионной улице марши Павловского и Преображенского полков (Lyandres S. Op. cit. P. 118 – 119). Этот эпизод мы находим и в брошюре И.С. Лукаша (Лукаш И.С. Преображенцы. С. 15).

⁶ ПЦР. Т. 1. С. 202.

⁷ Lyandres S. Op. cit. P.118.

⁸ Лукаш И.С. Преображенцы. С. 16.

⁹ [Лебедев Г.] Указ. соч.; Лукаш И.С. Преображенцы. С. 16. Есть сведения о том, что «в седьмом часу вечера лейб-гвардии Павловский полк с оружием в руках при офицерах вырвался из Зимнего дворца и присоединился к революционной армии (Великая Российская революция 1917 г. Пг., 1917. С. 13). С.П. Андоленко, основываясь на воспоминаниях преображенцев, писал, что павловцы не просто ушли, а «взбунтовались»

моменту остальные солдаты запасного батальона в главных казармах на Марсовом поле уже присоединились к восставшим. Встретившаяся толпа расправилась с подпоручиком А.Ф. Рихтером¹.

Около 7 часов вечера на Дворцовую площадь пришли свободные от нарядов пополнения: три роты измайловцев и рота егерей². Однако к этому времени преобразенцы с Гвардейским флотским экипажем вернулись в казармы на Миллионной улице, поскольку распространился слух о том, что Государственной думой создано новое правительство. Старшие офицеры с командиром князем К.С. Аргутинским-Долгоруковым обсудили ситуацию и решили признать новое правительство. После это решение было озвучено младшим офицерам³. Воспоминания офицера А.Н. Моллера подтверждают, что младших по званию офицеров поставили перед фактом, однако они и сами согласились поддержать «комитет по водворению порядка»⁴. Это важное различие. Временного правительства в 8 часов вечера еще не существовало. Днем 27 февраля частное совещание членов Государственной думы приняло решение создать Комитет для водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами (ВКГД). Вероятно, само наименование нового органа могло привлекать офицеров, наблюдавших бездействие старых властей в условиях все разрастающегося восстания.

Преобразенцы пытались соединиться по телефону с Таврическим дворцом, чтобы сообщить о своем решении. Это им удалось в 11 часов вечера⁵. Именно в этот момент решался вопрос о создании нового органа власти, и председатель Государственной думы М.В. Родзянко удалился в свой кабинет для того, чтобы принять решение о том, чтобы его возглавить. Племянник члена Государственной думы С.И. Шидловского⁶, служивший в запасном батальоне Преобразенского полка, сообщил ему, что батальон готов

и, когда не смогли увлечь за собой преобразенцев, обстреляли их казармы (Андоленко С.П. Указ. соч. С. 258).

¹ [Лебедев Г.] Указ. соч.; Лукаш И.С. Павловцы. Пг., 1917. С. 22.

² ПЦР. Т. 1. С. 199; Фомин Б.В. Воспоминания начальника последнего отряда, находившегося в распоряжении строго правительства в дни Февральской революции в Петрограде // ГА РФ. Ф. р-5881. Оп. 2. Д. 705. Л. 34; Данильченко П.В. Для истории государства российского. Роковая ночь в Зим[нем] дворце // Военная быль. 1974. № 126. С. 5.

³ Лукаш И.С. Преобразенцы. С. 16.

⁴ Андоленко С.П. Указ. соч. С. 260 – 261

⁵ Лукаш И.С. Преобразенцы. С. 19.

⁶ Имя племянника Шидловский в своих воспоминаниях не называет. Б.А. Энгельгард утверждал, что информацию по телефону передал капитан С.А. Мещеринов. А.И. Спиридович считал, что звонившим Шидловскому был офицер Нелидов (Николаев А.Б. Революция и власть. С. 313). Однако неясно, который из офицеров Нелидовых мог это сделать. Оба, подпоручик Н.Д. Нелидов и прапорщик В.А. Нелидов, являлись участниками совещания в офицерском собрании (Лукаш И.С. Преобразенцы. С. 20).

передать себя в распоряжение Государственной думы. Это известие напрямую повлияло на решение Родзянко¹.

Причины поведения офицеров-преображенцев остаются неясными. Вероятной можно признать версию о том, что в стан противников самодержавия офицеров запасного батальона Преображенского полка привели нерешительные действия командующих обороной Зимнего дворца. Б.А. Энгельгард, приехавший в казармы в ночь с 27 на 28 февраля, вспоминал, что офицеры-преображенцы объяснили свой поступок тем, что в течение «всего дня тщетно добивались распоряжений и указаний от командующего войсками округа генерала Хабалова, пытались связаться с военным министром Беляевым, но все безрезультатно». Лишь после они приняли решение обратиться в Государственную думу². А.П. Кутепов, вернувшийся на следующее утро в казармы на Миллионной улице, вспоминал объяснение капитанов Б.В. Скрипицына и А.П. Приклонского, а также поручика В.З. Макшеева о том, что их роты «были построены в полном порядке, но начальство никуда не решалось их двигать»³.

Поведение офицеров можно интерпретировать и как заговор, основанный на их продуктивных настроениях⁴. Эту версию можно дополнить и тем, что около 5 дня – 6 часов вечера военного министр М.А. Беляев назначил начальником войсковой охраны вместо заболевшего полковника В.И. Павленкова полковника М.И. Занкевича⁵. Полковник имел связи с оппозиционным лидером А.И. Гучковым. Это дало повод А.Б. Николаеву предположить, что «начальник войсковой охраны Петрограда, который должен был по долгу службы предпринять все необходимые меры для подавления революции, оказался в сговоре с руководителями восстания»⁶.

Вторым эпизодом, который можно признать выбивающимся из общего сценария распространения восстания, связан с прибытием в распоряжение Государственной думы вечером 27 февраля 1-го пехотного запасного полка в полном составе при офицерах во главе с полковником К.Ф. Неслуховским⁷. Это был на тот момент единственный случай, когда на сторону революции переходила организованная воинская часть, да еще и с высоким армейским чином во главе. 1-й пехотный запасный полк дислоцировался на

¹ Lyandres S. Op. cit. P. 59. Этой версии Б.А. Энгельгард придерживался и в других своих воспоминаниях (Энгельгард Б.А. Революция и контрреволюция // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Рига, 2004. Т. VIII. С. 45).

² Энгельгард Б.А. Революция и контрреволюция. С. 47.

³ Кутепов А.П. Указ. соч. С. 173.

⁴ Торнау С.А. С родным полком (1914 – 1917). Берлин, 1923. С. 116; Кутепов А.П. Указ. соч. С. 160; Андоленко С.П. Указ. соч. С. 249 – 250.

⁵ ПЦР. Т. 1. С. 201.

⁶ Николаев А.Б. Революция и власть. С. 199 – 200. Л.С. Туган-Барановский также вспоминал о Занкевиче как о человеке левых взглядов. Он пересказывал слова М.И. Занкевича о том, что тот принял этот пост только потому, что это ему велел долг службы (Lyandres S. Op. cit. P. 119).

⁷ А.Б. Николаев пишет, что 1-й пехотный полк подошел к Таврическому дворцу около 7 часов вечера (Николаев А.Б. Революция и власть. С. 195).

Охте, вдали от центра и основных направлений массового движения. Ряд косвенных свидетельств указывают на то, что полковник К.Ф. Неслуховский был связан с некоторыми левыми кругами и высказывался о том, что он готов поддержать попытку свержения власти¹.

Вечером 27 февраля 1917 г., по-видимому, под влиянием известий о переходе солдат на сторону восстания, на другом конце города начались массовые демонстрации. В этом районе располагались казармы запасных батальонов Семеновского, Егерского, Измайловского и Петроградского полков. Демонстрации шли из рабочих кварталов с юга на север. Первыми около 7 часов вечера к демонстрантам присоединились солдаты запасного батальона Егерского полка². Около 8 часов вечера, когда толпы показались на Загородном проспекте, на сторону восставших перешли несколько рот семеновцев, казармы которых располагались вблизи запасного батальона Егерского полка. Вместе с егерями они направились к Измайловскому проспекту. Ими были сняты посты измайловцев и петроградцев, и около 11 часов вечера открыты казармы батальонов. После этого часть семеновцев вернулись обратно на Загородный проспект³. Вероятно, только после этого офицеры и командир запасного батальона Семеновского полка полковник П.И. Назимов присоединились к революционному движению⁴. В ночь с 27 на 28 февраля восставшие при поддержке броневтомобилей заняли Крюковские казармы, где располагалась часть 2-го Балтийского флотского экипажа⁵. Командир экипажа генерал А.К. Гирс перешел на сторону Государственной думы⁶.

В этом же районе находился запасной батальон Кексгольмского полка, квартировавший на Конногвардейском бульваре. Точное время присоединения его солдат к восставшим пока не удалось определить. Исходя из некоторых свидетельств, можно примерно датировать его периодом между 10 и 12 часами ночи⁷.

¹ Николаев А.Б. Первая воинская часть, перешедшая на сторону революции: Петроград, 27 февраля 1917 года // Научное мнение. 2014. № 3. С. 78 – 85.

² Смирнов С.А. Выросли мы в пламени. Записки военного комиссара. Л., 1976. С. 10.

³ Журавлев И.Н. Присоединение семеновцев // Правда. 1917. 17 марта; С.Д. Измайловец Выступление измайловцев // Там же. 21 марта. В дневнике известного композитора С.С. Прокофьева, который жил в районе Измайловского проспекта, записано, что часть измайловцев продолжала сопротивление в казармах до утра (Прокофьев С. Дневник. Париж, 2002. Т. 1. С. 643).

⁴ Николаев А.Б. Революция и власть. С. 224 – 225.

⁵ Раскольников Ф.Ф. Указ. соч. С. 24; Бажанов Д.А. Балтийский флот в дни Февральской революции // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. С. 179.

⁶ Раскольников Ф.Ф. Указ. соч. С. 24; Иоффе А.Е. Морской гарнизон Петрограда в Февральской революции // Рабочий класс России. С. 148 – 149;

⁷ Около 11 часов вечера отряд запасного батальона Кексгольмского полка еще нес охрану в районе Адмиралтейского завода (Минц И.И. Указ. соч. С. 548). В своих воспоминаниях В.Н. Воейков упомянул, что 27 февраля с 10 часов вечера солдаты-кексгольмцы начали собираться у своих казарм на Конногвардейском бульваре и стрелять по окнам дома напротив (Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания

Запасной батальон Семеновского полка во главе с П.И. Назимовым и часть солдат Петроградского пришли к Таврическому дворцу в 2:40 28 февраля, измайловцы спустя почти три часа, еще позже егеря¹.

Утром 28 февраля в столице появились пулеметчики и солдаты гарнизонов Ораниенбаума, Петергофа и Стрельны, которые пешим ходом прибыли в город после того, как до них дошли сведения о революции. Общая численность этого отряда была около 60 тысяч человек². Тем же утром гарнизон Петропавловской крепости под влиянием солдат 3-го стрелкового запасного полка заявил, что переходит на сторону революции³.

Запасный батальон Финляндского полка прекратил сопротивление лишь к рассвету 28 февраля. Были сняты все наряды, а солдаты возвращены в казармы. Многие офицеры скрылись⁴. Об этом событии сохранилось множество свидетельств жителей Петрограда, указывающих на присоединение к революции финляндцев до 9 утра 28 февраля⁵.

Когда толпа приблизилась к казармам запасного батальона Финляндского полка произошла небольшая перестрелка у офицерского собрания. Сразу после нее часть солдат во главе с прапорщиком Богдановым направилась на Гаванское поле «снимать» 180-й пехотный запасный полк⁶. Судя по сообщениям, которые дошли до Таврического дворца, здесь произошло вооруженное столкновение, и освободить запертых в казармах солдат удалось не сразу⁷. Позже финляндцы и солдаты 180-го пехотного полка смогли привлечь на свою сторону матросов 2-го Балтийского флотского

последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 286). Наконец, Д.И. Ходнев вспоминал, что около 11 часов вечера в казармы запасного батальона Финляндского полка пробрался офицер-кексгольмец и сообщил, что «у них в батальоне все части, оборонявшие район им порученный, растаяли» (Ходнев Д. Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 271).

¹ Февральская революция в Петрограде // Красный архив. 1930. № 4 – 5. С. 68, 70.

² Черняев В.Ю. Ораниенбаумское восстание: великое и забытое // Звезда. 2017. № 2. С. 138, 140.

³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Л., 1991. Т. 1. С. 34; Кулегин А. «Вся власть теперь народная...». Февральская революция в Петрограде в письмах солдата // Санкт-Петербургские ведомости. 2012. 16 марта.

⁴ Выступление лейб-гвардии Финляндского запасного полка // Правда. 1917. 12 апреля; Ходнев Д. Указ. соч. С. 272.

⁵ Крюков Ф. Обвал // Русские записки. 1917. № 2 – 3. С. 195 – 222; Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Париж, 1964. Вып.1. С. 219; Пришвин М.М. Дневники. 1914 – 1917. М., 1991. С. 245, 247; Бенуа А.Н. Мой дневник. 1916 – 1917 – 1918. М., 2003. С. 117.

⁶ Старков В. Присоединение финляндцев // Правда. 1917. 1 апреля; Выступление лейб-гвардии Финляндского запасного полка // Там же. 12 апреля.

⁷ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 35.

экипажа из Дерябинских казарм, находившихся также на Васильевском острове¹.

В первой половине дня 28 февраля было подавлено сопротивление последней воинской части, не перешедшей на сторону революции – запасного Самокатного батальона. Штурм казарм начался с утра и продлился до полудня, когда против самокатчиков была применена артиллерия и броневики². 13 самокатчиков было убито, 39 ранено³. Деревянные бараки загорелись, и командир батальона Балакшин принял решение прекратить сопротивление во избежание лишних жертв. При выходе из казарм он и еще два офицера были немедленно убиты толпой, а другие воинские начальники подверглись побоям⁴.

Отряд правительственных войск на Дворцовой площади фактически бездействовал ночью 27 февраля – утром 28 февраля. Он контролировал лишь район Адмиралтейства и Зимнего дворца. Всего под командованием генерала С.С. Хабалова, полковника М.И. Занкевича и военного министра генерала М.А. Беляева находилось около 1500 солдат: три роты запасного батальона Измайловского полка, одна Егерского, до 5 сотен кавалерии, две артиллерийские батареи, пулеметная рота и часть пеших городских и жандармов⁵. Тем не менее, столкновений с демонстрантами здесь не происходило. После того как около полудня 28 февраля командование приняло решение о бесполезности сопротивления, отряд был распущен по казармам⁶.

Угрозы для революции в самом Петрограде после этого уже не существовало. Назначенный командующим войск Петрограда Б.А. Энгельгард от имени ВКГД издал приказ всем солдатам возвратиться в казармы, офицерам «принять все меры к водворению порядка», а командирам явиться в Государственную думу⁷. 28 февраля и 1 марта начались шествия восставших воинских частей к Таврическому дворцу, куда их вели офицеры, присоединившиеся к революции⁸. Однако это символическая демонстрация единства не означала автоматическое восстановление офицерской власти. В частности, запасный батальон Преображенского полка прибыл к Таврическому

¹ Старков В. Присоединение финляндцев // Правда. 1917. 1 апреля; Бажанов Д.А. Указ. соч. С. 179.

² Заметка солдата о революционных днях // Правда. 1917. 10 марта; Каюров В.Н. Дни Февральской революции // Крушение царизма. С. 248 – 249; Кондратьев Т.К. Воспоминания о подпольной работе // Там же. С. 284.

³ Минц И.И. Указ. соч. С. 575.

⁴ Дневник солдата // Правда. 1917. 11 марта; Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 202.

⁵ ПЦР. Т. 1. С. 203, 205. См. также: Февральская революция 1917 года // Красный архив. 1927. Т. 21. 1927. С. 19 – 20.

⁶ Там же.

⁷ Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 275.

⁸ Дневник солдата // Правда. 1917. 11 марта; Выступление лейб-гвардии Финляндского запасного полка // Там же. 12 апреля; Жизнь солдат. С. 9; Большевизация Петроградского гарнизона. Сб. материалов и документов. Л., 1932. С. 35; Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 211.

дворцу без офицеров. Солдаты отказались выйти под их началом¹. Позже они арестовали 18 своих начальников во главе с командиром запасного батальона князем К.С. Аргутинским-Долгоруковым². Во 2-м Балтийском экипаже в этот день был убит его командир генерал А.К. Гирс³. Вероятно, какие-то трения между солдатами и офицерами произошли даже в первой воинской части, пришедшей к Таврическому дворцу – 1-м пехотном запасном полку. На это указывает сообщение, поступившее от полковника К.Ф. Неслуховского в ночь с 28 февраля на 1 марта: «Присоединение единого гласное после собрания офицеров»⁴.

Возвращение офицеров в казармы и их попытки «вдворить порядок» вызвали недовольство солдат⁵. По воспоминаниям Б.А. Энгельгардта, в Военную комиссию ВКГД стали поступать многочисленные жалобы на то, что офицеры пытаются вернуть старый порядок, отбирают у солдат оружие и запирают их в казармах. Проверка сообщений, однако, не подтвердила их⁶. Вероятно, любое восстановление офицерской власти воспринималось солдатами как контрреволюция.

Итак, в распространении толп демонстрантов, среди которых были и солдаты, по Литейной части, Выборгской и Петроградской стороне можно заметить определенную логику, свидетельствующую об их самоорганизации. Главными целями восставших был поиск оружия, освобождение политических заключенных и солдат, находившихся на гауптвахтах, а также желание заставить другие воинские части присоединиться к революции. Сама возможность «снятия» воинских частей объяснялась тем, что основная масса военнослужащих была заперта в своих казармах, а охраной занимались малочисленные учебные команды и офицеры. Именно они и становились жертвами восставших.

¹ Шидловский С.И. Воспоминания // Февральская революция. Мемуары. 1926. С. 289 – 290; Энгельгардт Б.А. Революция и контрреволюция. С. 47; Февральская революция. С. 121.

² Обращение к солдатам выборного командира Преображенского запасного батальона 3 марта 1917 // РГВИА. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 3863. Л. 51.

³ Николаев А.Б. Революция и власть. С. 458.

⁴ Февральская революция в Петрограде // Красный архив. 1930. № 4 – 5. С. 69. А.Б. Николаев замечает: «Эти слова Неслуховского дают веское основание предположить, что одной из причин конфликта, который привел к временной дезорганизации полка, стала позиция некоторых офицеров, отказавшихся от участия в революции» (Николаев А.Б. Лучивка-Неслуховский – первый полковник Февральской революции // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2014. Vol. 7. P. 83).

⁵ Выступление лейб-гвардии Финляндского запасного полка // Правда. 1917. 12 апреля; Маркович М. О Приказе № 1 // Свободный солдат. 1917. № 1. С. 28; Большевиизация Петроградского гарнизона. С. 35; Записные книжки полковника Г.А. Иванишина // Минувшее. М., 1994. Т. 17. С. 537; Архипов И.Л. Российская политическая элита в феврале 1917: Психология надежды и отчаяния. СПб., 2000. С. 231; Петербургский комитет РСДРП (б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. С. 50; Николаев А.Б. Революция и власть. С. 277; Lyandes S. Op. cit. P. 95 – 96.

⁶ Энгельгардт Б.А. Революция и контрреволюция. С. 61 – 62.

Большая часть офицеров 27 февраля исчезла из воинских частей, справедливо опасаясь за свою жизнь. Многих из них разоружали на улицах, арестовывали, с них срывали погоны, некоторые подвергались насилию. Во главе восставших зачастую становились унтер-офицеры и прапорщики. Однако их отряды быстро смешивались с толпой и растворялись. Лишь вечером-ночью 27 февраля, когда организацией революционных отрядов начали руководить из Таврического дворца, действия приобрели целенаправленный характер.

Присоединение к революции ряда воинских частей можно связывать с действиями офицеров, которые были готовы поддержать Государственную думу. Однако и эти запасные батальоны, и полки очень скоро выходили из-под их подчинения. Для солдат более важно было не политическая ориентация своих командиров, а их отношение к подчиненным. Возвращение офицеров, после того, как ВКГД приступил к наведению порядка в Петрограде и потребовал от солдат оставаться в казармах, вызвало ряд конфликтов между ними и солдатами. Их появление воспринималось как восстановление старой «палочной» дисциплины, которая была опрокинута Февральскими событиями. Офицерский заговор, если он и имел место, был буквально сметен революционной стихией.

Прямым следствием падения власти офицерства стало составление 1 марта при участии солдатских представителей, пришедших в Таврический дворец, Приказа № 1. Его главной целью было не допустить восстановления ситуации, когда солдат был полностью подчинен своему начальнику. Почти одновременно в запасных воинских частях Петрограда прошла чистка офицерского состава и выборы новых командиров. Эта мера не была предусмотрена Приказом № 1, но, однако, отражала определенные настроения в солдатской среде.

Николаев А.Б.

Об убийствах 1 марта 1917 г. графа Г.Э. Штакельберга и сенатора А.В. Чарторийского¹

В 2007 году я опубликовал статью «Отрезанные головы Февральской революции»², которая привлекла внимание исследователей и журналистов. Одни историки использовали мои подсчеты жертв революции³, вторые

¹ Благодарю К.О. Макарова, Д.В. Надсадного и А.Г. Румянцева за помощь при подготовке данной статьи.

² Николаев А.Б. Отрезанные головы Февральской революции // 90 лет Февральской революции в России. Сб. научн. ст. СПб., 2007. С. 33 – 42.

³ Румянцев А.Г. «Полицейские пулеметы» в Феврале 1917 г.: миф или реальность? // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. СПб., 2015. С. 38; его же. Следственное дело о применении полицией пулеметов в дни Февраль-

обращали на сам факт убийства шталмейстера Штакельберга (Стакельберга), носившего придворный чин, но не служившего в Министерстве императорского двора¹, третьи, опираясь на дату его убийства, уточняли дневниковую запись современника Февраля 1917 года². Для журналистов же, судя по всему, наибольший интерес представили сюжеты, связанные с обстоятельствами убийств Штакельберга (Стакельберга) и Чарторийского. Во всяком случае, в том отрывке из моей статьи, который, замечу без моего разрешения(!), был опубликован в ежемесячном издании Либерально-демократической партии, приведена и эта фраза: «В частности, речь идет об убийстве и обезглавлении 1 марта 1917 года сенатора Чарторийского и генерала Штакельберга» (ЛДПР. 2017. № 8. С. 3). Замечу, что ежемесячник выходит двухмиллионным тиражом (Там же. С. 4).

За прошедшие годы выявлены новые документы, благодаря которым можно внести ряд уточнений, в том числе и существенных, в историю убийства графа Штакельберга и сенатора Чарторийского.

25 марта 1917 г. «Новое время» опубликовало письмо вдовы Штакельберга (Стакельберга) – графини Феклы Павловны, урожденной графини Шуваловой, в которой она опровергала газетные заметки о том, что ее мужа убили за то, что «он стрелял в народ, – даже из пулеметов». Ф.П. Штакельберг (Стакельберг) писала, что 1 марта 1917 г. ее мужа увели под конвоем из квартиры (ул. Миллионной, д. 16) в «Офицерское собрание Армии и Флота» для выдачи ему «удостоверения для свободного жительства». Перед тем как выйти из квартиры, Г.Э. Штакельберг (Стакельберг) отдал свой револьвер конвойному. По словам Ф.П. Штакельберг (Стакельберг), далее произошло следующее: «Когда он из передней выходил на площадку лестницы в 1[-й] этаж, вдруг у одного из солдат, – там же на площадке, – от давки ли или от другой причины, выстрелило ружье вверх, и пуля ударила в потолок. Тогда началась суматоха, которая и привела к его убийству». Графиня Штакельберг (Стакельберг), говоря о своем муже, заявила: «Не в его гуманном духе было причинять вред другим»³.

Труп убитого был доставлен в Обуховскую больницу. М. Бернов⁴ сообщал, что в одной из покойницкой Обуховской больницы находился труп «генерала Штакельберга (с отрубленной головой)»⁵. Наконец, мне удалось

ской революции 1917 г. из фондов ЦГИА Санкт-Петербурга // Отечественные архивы. 2017. № 1. С. 26, 33.

¹ Гордеев П.Н. Февральская революция и Министерство двора // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. СПб., 2011. С. 28.

² Захаров А.М. Февральская революция 1917 года в «Дневнике» А.Р. Ледницкого // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. СПб., 2011. С. 18.

³ Об убийстве ген[ерал]-лейт[инанта] графа Г.Э. Стакельберга / Письма в редакцию // Новое время. 1917. 25 марта.

⁴ Сын автора статьи, солдат Автомобильной роты Ф.М. Бернов с 27 февраля 1917 г., по его словам, был шофером и личным телохранителем председателя Государственной думы М.В. Родзянко (Бернов М. Письмо очевидца // Киевлянин. 1917. 10 марта).

⁵ Бернов М. Письма очевидца // Киевлянин. 1917. 19 марта.

ознакомиться с медицинским свидетельством на графа Густава Эрнстовича Стакельберга, в котором указывалась следующая причина его смерти: «Множественные огнестрельные раны грудной клетки, живота и головы»¹.

Сведения об обстоятельствах убийства сенатора А.В. Чарторийского содержатся в документе, который отложился в фонде Первого департамента Правительствующего Сената. Судя по нему, утром 1 марта на квартире сенатора Чарторийского (ул. Алексеевская, д. 18) появились восставшие с целью обыска, которым он отдал свое оружие. После этого весь день Чарторийский занимался с бумагами – «читал сенатские дела». В 7 часов вечера того же дня в его квартиру ворвалась толпа матросов. Произведя обыск, матросы сложили посреди комнаты изъятые у сенатора «все дела и документы» и подожгли их, «устроив посреди комнаты костер». Затем они «начали производить беспорядочную стрельбу», во время которой Чарторийский был легко ранен. Матросы насильно отвели сенатора на перевязку в лазарет, находившийся напротив Литовского замка. Врач попытался отобрать его от матросов, заявив, что «Чарторийский находится в его ведении и что он будет его лечить». Другая толпа пьяных матросов ворвалась в кабинет, и «увидев, что врач перевязывает рану Чарторийскому, заявили, что: “нам генералов не надо”». Сенатора «отняли от доктора и сестер милосердия», выгнали на улицу и там убили. Затем голова Чарторийского «была отрезана и отброшена»². Но в метрической книге церкви св. и благоверного в.к. Александра Невского при Александровской больнице в память 19 февраля 1861 года записано, что А.В. Чарторийский умер от огнестрельных ран. Погребен он был на Митрофаньевском кладбище 4 марта 1917 г.³ В книге погребенных есть запись, благодаря которой известно, что «при похоронах было уплачено: вклад – 10 руб., рытье могилы – 2 руб., катафалк – 3 руб., освещение церкви – 2 руб., холст и покров – 50 коп. Итого 19 руб. 10 коп.»⁴.

Имели ли зверские расправы над двумя этими жертвами революции сколько-нибудь важное для дальнейшего развития событий значение? Скорее всего, эти убийства известных великому князю Михаилу Александровичу людей тоже сыграли свою роль, когда 3 марта 1917 г. он решил отказаться от восприятия верховной власти.

Златина М.А.

Отражение Февральской революции и последующих событий в русскоязычной еврейской прессе (февраль – март 1917 года)

К теме еврейской прессы начала XX века неоднократно обращались как отечественные, так и зарубежные историки. Но в основном акцент де-

¹ ГА РФ. Ф. 6992. Оп. 1. Д. 4. Л. 24.

² РГИА. Ф. 1341. Оп. 548. Д. 103. Л. 32.

³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3527. ЛЛ. 62 об. – 63, запись № 213.

⁴ Там же. Ф. 640. Оп. 1. Д. 12. ЛЛ. 63 об. – 64.

лался на истории еврейской периодической печати периода до февральской или после октябрьской революции 1917 г.¹ В работах по истории периодики еврейская пресса начала 1917 года не упоминается². В научных трудах, посвященных истории февральской революции и последующих событий 1917 г., практически не обращаются к еврейской прессе как к источнику информации о событиях февраля 1917 г. в России³.

Между тем, стоило бы более детально проанализировать выпуски еврейских русскоязычных периодических изданий февраля – марта 1917 г., для того, чтобы выяснить, как и в каком ключе ими были преподнесены революционные события и новообразовавшиеся органы власти в России, исходя из политических предпочтений того или иного еврейского повременного издания.

Обратимся к анализу трех русскоязычных еврейских газет, выпускавшихся в феврале – марте 1917 г. «Новый путь» – еженедельник, посвященный вопросам еврейской жизни, с точки зрения политической ориентации, издание было левого толка. Как сообщалось на страницах газеты: «наша политическая линия – линия радикальной и социалистической внепартийной еврейской демократии»⁴. Выходил он с 1916 до октября 1917 гг. в Москве

¹ См., напр.: Иваск У.Г. Еврейская периодическая печать в России. Материалы для истории еврейской журналистики. Таллинн, 1935. Вып. 1; Печенин И.В. Еврейская периодическая печать Российской империи в начале XX в. как источник изучения национально-религиозной идентификации и социально-политического мировоззрения еврейства: Автореф. дис. ... к. ист. н. М., 2013; Печенин И.В. Проблемы изучения российской национальной периодики эпохи Первой русской революции (на примере еврейской прессы) // Юбилей России. 2005. Челябинск, 2006. С. 110 – 127; Эльяшевич Д.А. Правительственная политика и еврейская печать в России, 1797 – 1917: Очерки истории цензуры. СПб.; Иерусалим, 1999; Яшунский И.В. Еврейская периодическая печать в 1917 и 1918 гг. Временник Российской книжной палаты. Пг., 1920. Вып. III; Slutsky I. Ha-itonut ha-iehudit-rusit be-mea esrim (1900 – 1918). Jerusalem, 1978; и др.

² См., напр.: Ахмадулин Е.В., Овсянян Р.П. История отечественной журналистики XX века. Р-на-Д, 2008; Журавлев В.А. Без веры, царя и отечества: Российская периодическая печать и армия в марте – октябре 1917 года. СПб., 1999; Махонина С.Я. 1917 год в зеркале русской прессы и в воспоминаниях современников. М., 2009; Махонина С.Я. История русской журналистики XX века. М., 2002; Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и гражданской войны (окт. 1917 – 1920 гг.). М., 2002; Овсянян Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 – начало 90-х годов). М., 1999; и др.

³ См., напр.: Будницкий О.В. В чужом пиру похмелье: евреи и русская революция // Евреи и русская революция. Материалы и исследования. М.; Иерусалим, 1999; его же. Российские евреи между красными и белыми (1917 – 1920). М., 2005; Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. СПб., 2005; его же. К вопросу о борьбе с антисемитизмом в Петрограде (март – июль 1917 г.) // Труды по иудайке. История и этнография. СПб., 2012. Вып. 6. С. 145 – 157; Старцев В.И. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте – апреле 1917 г. М., 1978; и др.

⁴ [Б/а]. Освобождение // Новый путь. 1917. № 9 – 10. 12 марта.

под редакцией издателя С. Когана¹. Причем газете удалось заручиться постоянным сотрудничеством депутата Государственной думы Н.М. Фридмана, обещавшего помещать на столбцах «Нового пути» очерки по важнейшим вопросам думской жизни. Еженедельная общественно-политическая и литературная сионистская газета «Еврейская жизнь», выходила в Москве с 1915 по 1917 гг. (редактор и издатель Ш. Брумберг), она заменила закрытую в июне 1915 г. петроградскую газету «Рассвет». И, наконец, еженедельник «Еврейская неделя», публиковался с 1915 по 1917 гг. в Москве (редакторы и издатели И. Аншелес, И. Зелигман), был печатным органом Еврейской народной группы².

Вышедшие в свет 26 февраля 1917 г. выпуски «Еврейской недели»³, «Еврейской жизни»⁴ и «Нового пути»⁵ были стандартными по содержанию, не обнаружено ни одного упоминания о событиях, происходивших в это время в Петрограде. Единственное, что следует отметить, в газете «Новый путь» достаточно большой объем текста вырезан цензурой: полностью «стерты» страницы с 12 по 17 и с 20 по 21, на которых, в том числе, располагались и разделы из цикла «Хроники дня». Гипотетически можно предположить, что под удар цензуры попали и какие-то сведения о событиях, происходивших в столице в 20-х числах февраля. Следующие номера еврейских периодических изданий вышли только через две недели, пропустив очередную дату выпуска, приходившуюся на 5 марта 1917 г. Сдвоенный номер «Нового пути» опубликовали 12 марта 1917 года без объяснения причин задержки предыдущего выпуска⁶. «Еврейская неделя» чуть задержалась и вышла в свет 14 марта, но с объяснением оснований приостановки издания: «В виду великого переворота мы не имели возможности выпустить своевременно № 10»⁷. Наиболее подробные сведения по поводу данной ситуации предоставила «Еврейская жизнь»: «в виду закрытия типографии в революционные дни № 10 «Еврейской жизни» не вышел в свет, и настоящий номер выходит двойным»⁸. Передовицы всех трех изданий, как и определенная часть последующих статей в первых «пост февральских» номерах, были прямо или косвенно посвящены революционным событиям в Петрограде и отклику на них в других городах страны.

¹ Периодическая печать. Россия // Электронная еврейская энциклопедия. [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/13190#03>

² Еврейская народная группа – общественно-политическая организация в России, стоявшая на умеренно-национальных позициях. Большинство активистов и сторонников Еврейской народной группы были членами Конституционно-демократической партии (кадеты).

³ Еврейская неделя. 1917. № 9. 26 февраля.

⁴ Еврейская жизнь. 1917. № 9. 26 февраля.

⁵ Новый путь. 1917. № 8. 26 февраля.

⁶ Новый путь. 1917. № 9 – 10. 12 марта.

⁷ [Объявление] // Еврейская неделя. 1917. № 10 – 11. 14 марта.

⁸ [Объявление] // Еврейская жизнь. 1917. № 10 – 11. 12 марта.

Наибольшее внимание именно ходу революции в Петрограде уделила «Еврейская жизнь». В передовой статье, вышедшей под заголовком «К сионистам», что соответствовало идейно-политическим взглядам данного печатного органа, помимо заявленных планов на будущее, предположений о том, как действовать в новых обстоятельствах, и надежд на то, что Временное правительство немедленно совершит декларированную отмену всех национальных и вероисповедных ограничений, высказывалось мнение и о самой революции. Точнее о том, что именно «неудачи революции 1905 года и потрясения мировой войны» привели к объединению революционных сил и «родили волю к свободной жизни и народовластию»¹. В статье «Революционные дни. (Письма из Таврического дворца)»² по горячим следам анализировались события в Петрограде. В прошлом нередко публикуя статьи, наполненные довольно скептическим отношением к работе Государственной думы, на это раз «Еврейская жизнь» признала за Думой статус пусть и образовавшегося «стихийно», но все же «центра русской революции»³. Любопытен набор тех событий, которые выделены в статье как опорные для укрепления надежд евреев на улучшение своего положения: 27 февраля – «когда стало понятно, что Россия обновляется, но чем это обернется для евреев, неизвестно»⁴; заявление «Государственной думе не расходиться», сделавшее, по мнению автора статьи, Думу центром революции; избрание Временного комитета Государственной думы, что было интерпретировано как «сдвиг влево», из-за того, что в состав Комитета вошли и представители «левой половины Думы»; образование Совета рабочих депутатов. Подмечалась и вся будущая сложность взаимодействия двух учреждений (Исполкома Думы и Совета), вынужденных выбирать между «синтезом обоих органов власти, что повело бы по пути радикализма, и расколом». Наконец, «1 марта, когда был образован новый кабинет, в состав которого вошел, помимо представителей русского либерализма, А.Ф. Керенский», заявлено как день, когда была решена задача по достижению евреями гражданского равноправия⁵, осталось только немного подождать. Кстати, в качестве «героя революции» газета «Еврейская жизнь» выбрала именно А.Ф. Керенского. Он заявлен как «центральная фигура последней десятидневной сессии <...> три-четыре речи его, произнесенные в эту сессию и не дошедшие до читающей публики, вызвали общий подъем». Далее автор статьи заявлял: «Позже, в дни революции, А.Ф. Керенский явился связующим звеном между обоими революционными лагерями, Исполнительным комитетом и Советом рабочих депутатов», причем достиг он этого «личным авторитетом и негнушейся

¹ ЦК Сионистской организации в России «К сионистам» // Еврейская жизнь. 1917. № 10 – 11. 12 марта.

² Автор статьи неизвестен, подписано псевдонимом, о том, кто за ним скрывается, данных нет.

³ Маккаби М. Революционные дни. (Письма из Таврического дворца) // Еврейская жизнь. 1917. № 10 – 11. 12 марта.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

силой своей яркой индивидуальности»¹. Такие дифирамбы в сторону А.Ф. Керенского от сионистской «Еврейской жизни», в целом, понятны. Причем объясняются они не столько тем, что Керенский получил пост министра юстиции или его реальным участием в деле революции, сколько самой позицией Александра Федоровича по еврейскому вопросу, в общем, и по проблеме еврейского равноправия, в частности. Здесь учитывались и выступления А.Ф. Керенского на заседаниях в Государственной думе, и его контакты с еврейскими общественными и политическими деятелями при решении ряда еврейских проблем, например, связанными с еврейскими выселенцами и обвинениями в измене родине («дело о Кужах»). Во всяком случае, свои надежды, в том числе, на обретение гражданского равноправия еврейские деятели-сионисты явно связывали именно с фигурой Керенского. Почему не с кадетами, входившими в состав Временного правительства, тем же П.Н. Милюковым? Со страниц «Еврейской жизни» все чаще, особенно начиная с 1915 г., звучала критика в адрес кадетской партии. Даже в марте 1917 г. сионист А.Д. Идельсон (псевдоним «А. Давидсон») в статье «После переворота» отмечал, что «раньше кадетизм, как программа, многих евреев удовлетворяла. Но тактические кадеты всегда уклонялись от еврейского вопроса по мотивам его непопулярности или в угоду блоковским товарищам. Теперь эти мотивы отпали, но благодаря долголетней практике у кадетов осталась осторожность, не как тактический прием, а как психологическая черта. От долголетней умеренности из тактических соображений, кадеты стали умеренными по существу»². И теперь евреи (в данном случае, евреи-сионисты) связывали свои чаяния с радикально-левыми партиями.

На страницах «Еврейской жизни» была озвучена и позиция евреев-сионистов в отношении Временного правительства и Совета рабочих и крестьянских депутатов: «Наша задача состоит в следующем: поддерживая Временное правительство, мы должны поддерживать давление на него со стороны Совета рабочих депутатов. Иначе оно может слишком поддаться влиянию думского большинства, отчего пострадают наши интересы»³.

Существенно большую поддержку Временному правительству можно обнаружить в статьях прокадетски настроенной газеты «Еврейская неделя». В передовой статье, вышедшей под заголовком «Перед новой эрой», было заявлено, что «нынешний переворот своим успехом обязан армии. Рабочее движение послужило лишь толчком. Но, ни армия, ни рабочие не могли бы привести к цели, если бы в момент их выступлений не было бы центра, вокруг которого народные силы могли бы сгруппироваться. Этим центром явилась Государственная дума. <...> совершавшие переворот части армии, и рабочие организации сразу признали своим верховным органом Временный комитет Государственной думы и впоследствии учрежденное им коалиционное правительство»⁴. В статье «Первые шаги» подчеркивалось, что отре-

¹ Там же.

² Давидсон А. После переворота // Еврейская жизнь. 1917. № 12 – 13. 27 марта.

³ Там же.

⁴ Л. Ш-г. Перед новой эрой // Еврейская неделя. 1917. № 10 – 11. 14 марта. С. 5 – 6.

чение от престола Николая II и его брата Михаила – это, в своем роде, и «заявление о том, что в сложившихся условиях вся полнота власти находится в руках назначенного Комитетом Государственной думы Временного правительства»¹. Значит, и все ожидания надо связывать с деятельностью Временного правительства, тем более, что «первые шаги» уже сделаны в виде п. 3, сформулированного в Декларации нового правительства («отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений»)². Со страниц «Еврейской недели» звучал призыв пропагандировать и защищать новый строй и организацию страны. Борьба против лозунгов, ведущих к анархии³. И.А. Клейнман в своей статье «Великая победа и наши задачи» заявлял, что «наш лозунг: стоять грудью за новый порядок, за новое правительство, за новую Россию, стоять на страже нашего гражданского и национального равноправия <...> Все должно быть подчинено одной основной идее: укреплению взятых позиций»⁴.

Наиболее эмоционально на революционные события в Петрограде отреагировал «Новый путь», выделивший целый отдельный разворот на несколько фраз, напечатанных крупным шрифтом: «Свободным народам России! Привет Временному правительству!»⁵. Далее шла передовая статья под заголовком «Освобождение», посвященная восторгам по поводу случившегося переворота и превращения России в свободную страну свободных народов, с переходом к размышлению о планах на будущее⁶. В этих проектах будущее Временного правительства выглядело довольно неоднозначным. С одной стороны, на страницах газеты заявлялось о необходимости на время оставить свои убеждения и поддержать Временное правительство, пока новый строй нарождается и хрупок, принять его руководство. С другой – когда опасность реакции спадет, планировалось начать решительно бороться против нынешнего – слишком умеренного – правительства⁷.

О самих событиях в Петрограде в феврале 1917 г., о том, что привело к революции, вокруг какого центра группировались, концентрировались революционные силы, газета «Новый путь» не сообщала и не размышляла. Акцент был сделан на том, как отреагировало еврейское население Москвы на ситуацию в столице. В разделе «Еврейство в дни революции» в нескольких заметках со слов очевидцев событий было отмечено, во-первых, что «в первый же вечер по получении известия об образовании Временного правительства в Петрограде, едва успели поделиться новостями <среди евреев, не имеющих права на жительства в Москве – М.З.>...», как наступила тревога: ждали обысков и арестов в ту ночь, рассказывали об арестах на улицах. Но на следующий день пришло успокоение и надежды на лучшее»⁸. Во-вторых,

¹ [Б/а]. Первые шаги // Там же.

² Там же.

³ Л. Ш-г. Перед новой эрой // Там же.

⁴ Клейнман И.А. Великая победа и наши задачи // Там же.

⁵ [Объявление] // Новый путь. 1917. № 9 – 10. 12 марта.

⁶ [Б/а]. Освобождение // Там же.

⁷ [Б/а]. Освобождение // Там же.

⁸ Л.С. На улицах Москвы (впечатления) // Новый путь. 1917. № 9 – 10. 12 марта.

появились сведения об изменении положения в связи отношений пристава – еврей, не имеющие права жительства в Москве. В одном случае еврей с «радостным и сияющим лицом» сообщал о своем участии в аресте пристава, «вместе с милиционерами отвел его в Думу», пристав, которому этот еврей вынужден был платить деньги, чтобы его не трогали, несмотря на то, что с документами было все в порядке. В другом сюжете еврей в своем номере гостиницы прятал от угрозы ареста пристав, который в былое время помогал этому еврею скрываться от царских властей: «Раньше он еврея, а теперь еврей – его. И не выдал. Так и ушли ни с чем»¹. Сообщалось и о совсем казусных ситуациях: одновременно арестовывали и «подозрительного какого-то «субъекта», который повторял – не очень громко (видимо, был пьян): бей жидов!», и еврея, «который убежденно и громко доказывал кучке собравшихся прохожих, что в еврейской черте оседлости непременно будут погромы»². Видимо, арест проводили не только в первом, но и во втором случае во избежание возможных эксцессов. Но сведения о тревогах по поводу возможных еврейских погромов, с последующим успокоением в отношении данной угрозы, появлялись на страницах «Нового пути» неоднократно: по данным от корреспондентов из Москвы, Петрограда, Одессы: «К еврейским депутатам и представителям новой власти приходили и говорили: вот там-то был погром, надо принять меры. По проверке все эти слухи оказывались лишены оснований: никаких погром и антиеврейских эксцессов (по сведениям, поступившим в Петроград по 8 марта) нигде не было»³. О фактах погромной агитации в Петрограде сообщается в следующем номере «Нового пути» от 24 марта 1917 г.: «в Петрограде было констатировано несколько случаев погромной агитации. Один из них закончился судебным разбирательством во временном суде, заседающем в камере 49-ого мирового участка». Далее идет подробное разбирательство дела барона И.А. Штротмберга⁴, закончившееся для последнего приговором к заключению в тюрьме на шесть месяцев. Две другие русскоязычные еврейские газеты либо не делали акцента на слухах и фактах о случаях погромов и погромной агитации («Еврейская жизнь»), либо писали об этом однократно («Еврейская неделя»⁵). Зато все три издания написали о «жертвах революции среди евреев». «Еврейская неделя»⁶ и «Новый путь»⁷ сообщили о пяти погибших. В «Еврейской неделе» об этом помещался такой отчет: «По сведениям еврейского погребального общества, до сих пор установлено, что на улицах Петрограда в течение первых дней революционного переворота от рук царской полиции пало пять евреев. От огнестрельной раны погиб Х.С. Абельсон, фармацевт,

¹ Там же.

² Там же.

³ [Б/а]. Общее настроение // Там же.

⁴ [Б/а]. Петроградская хроника. Погромная агитация в Петрограде // Новый путь. 1917. № 11 – 12. 24 марта. С.49 – 50. См. также: Николаев А.Б. К вопросу о борьбе с антисемитизмом в Петрограде (март – июль 1917 г.). С. 153 – 154.

⁵ [Б/а]. Погромная агитация // Еврейская неделя. 1917. № 10 – 11. 14 марта.

⁶ [Б/а]. В Петрограде. Жертвы революции // Там же.

⁷ [Б/а]. Жертвы революции // Новый путь. 1917. № 9 – 10. 12 марта. С. 32.

35 лет (был доставлен в Семеновский военный госпиталь), 26 февраля, недалеко от Невского пр. был убит ученик Тенишевского училища Копельман (тело также было доставлено в Семеновский военный госпиталь), студент психоневрологического института Фрейдин. В зале «Армии и флота» находится тело курсистки Хейн. На Васильевском о-ве был убит учащийся Шнейдеман, 18 лет. Сообщалось также, что первые четверо покойных уже были похоронены на Преображенском еврейском кладбище, тело Шнейдемана, возможно, похоронят на Дворцовой площади¹ вместе с другими жертвами революции². «Еврейская жизнь» сообщала о четырех погибших евреях, всех вышеперечисленных, за исключением Шнейдемана. Возможно, в момент верстки номера, сведения о его гибели еще не поступили в редакцию газеты. Зато в «Еврейской жизни» можно обнаружить сведения о том, кто и как помогал с организацией похорон погибших. Не имея возможности доставить транспорт для перемещения тел умерших за это время евреев на еврейское кладбище, Хозяйственное правление синагоги обратилось за помощью «к только что образовавшемуся Исполнительному комитету Государственной думы, откуда было направлено в комиссариат Коломенской части для получения необходимого содействия». Хозяйственному правлению были предоставлены грузовые автомобили для перевозки покойных. Для охраны автомобилей была командирована команда солдат из состава восставших частей Петроградского гарнизона³.

Помимо сюжетов, посвященных анализу революционных событий в России и расписыванию программы действий и планов на будущее для еврейского населения в новых, только формирующихся условиях жизни, значительную часть полос в мартовских номерах русскоязычных еврейских газет занимали иные сюжеты. Прежде всего, подробные сообщения о подготовке и проведении многочисленных совещаний и съездов различных еврейских общественных и партийных организаций, о создании новых объединений (например, студенческих), о митингах и участии евреев в работе милиции и органах самоуправления в разных городах России⁴.

¹ Изначально предполагалось сделать местом захоронения жертв революции Дворцовую площадь. В качестве альтернативных мест захоронения на разных этапах обсуждения были предложены площадь перед Казанским собором, Марсово поле, Знаменская площадь, Таврический сад и Летний сад. В итоге было выбрано Марсово поле.

² [Б/а]. В Петрограде. Жертвы революции // Еврейская неделя. 1917. № 10 – 11. 14 марта.

³ [Б/а]. В Петроградской общине // Еврейская жизнь. 1917. № 10 – 11. 12 марта.

⁴ См. напр.: [Б/а]. В Петрограде // Еврейская неделя. 1917. № 12 – 13. 24 марта; [Б/а]. В Москве // Еврейская жизнь. 1917. № 10 – 11. 12 марта; В провинции. Отклики провинциальных центров (телеграммы наших корреспондентов) // Новый путь. 1917. № 9 – 10. 12 марта.

Обязательным элементом каждого номера была рубрика, посвященная публикации актов, принятых новой властью и имеющих отношение к еврейскому населению страны¹.

Подводя итог можно сказать, что фактологической информации о событиях Февральской революции 1917 г. в России на страницах русскоязычной еврейской прессы за февраль – март 1917 г. можно найти немного, за исключением данных о количестве и именах евреев, погибших в дни революции, фрагментарных сведений о том, какие инциденты имели место после февраля (например, сюжеты про приставов в Москве, о слухах про погромы). Основное внимание еврейской прессы оказалось уделено статьям, посвященным расписыванию планов на будущее, съездам еврейских деятелей и тем речам, которые звучали на собраниях еврейских партий, общественно-политических и благотворительных организаций. И все же, немалую ценность и информативность содержат в себе статьи, посвященные анализу произошедших и происходящих на тот момент событий, установлению роли и правил игры в этих изменившихся условиях для еврейского населения России. Определение отношения к Государственной думе и ее роли в Февральской революции, к новообразовавшимся органам власти, особенно Временному правительству, в отношении которого планы варьировались от желания защищать и укреплять уже взятые позиции, до проектов будущего свержения излишни умеренного правительства. Все, и отношение, и планы на будущее, зависели не только от того, что они высказывались на страницах еврейской прессы, но и от общественно-политических взглядов, которых придерживалось то или иное русскоязычное еврейское периодическое издание.

Стогов Д.И.

Отражение Февральской революции 1917 года и последующих событий в дневнике Б.В. Никольского

Драматические и переломные события февраля – марта 1917 г. по-прежнему остаются в центре внимания отечественной и зарубежной историографии. Большой интерес представляет вопрос, связанный с отношением лидеров различных политических партий и движений к Февральской революции. В этой связи отметим, что за последние 20 – 25 лет изучение деятельности правонархических (прежде всего, черносотенных) организаций и их лидеров вышло на качественно новый уровень, и этой проблеме посвящено немало исследований². Особое внимание историки уделяют вопросу об

¹ См., например: [Б/а]. Первые шаги // Еврейская неделя. 1917. № 10 – 11. 14 марта; Декларация правительства // Еврейская жизнь. 1917. № 10 – 11. 12 марта; Акты новой власти // Новый путь. 1917. № 9 – 10. 12 марта.

² См., напр.: Кирьянов Ю.И. Правые партии в России (1911 – 1917). М., 2001; его же. Русское собрание 1900 – 1917. М., 2003; Иванов А.А. Последние защитники монар-

отношении к революционным событиям февраля-марта 1917 г. лидеров правых организаций¹.

Среди активных членов черносотенного Союза русского народа, входившего в его Главный совет, значительное место занимает фигура известного ученого-правоведа, литературоведа, поэта, политика, общественного деятеля Бориса Владимировича Никольского (1870 – 1919), расстрелянного чекистами в Петрограде. В последнее время интерес к этой неординарной, неоднозначной и разносторонней личности в достаточной степени возрос. В конце 2015 г. после многих лет упорной работы целого коллектива ученых вышла в свет публикация дневника Б.В. Никольского за период с 1896 по 1918 гг.² Презентация двухтомника, прошедшая 22 декабря того же года в Российской национальной библиотеке, широко освещалась средствами массовой информации³.

Следует отметить, что в публикацию дневника Б.В. Никольского вошел сравнительно недавно выявленный в личном фонде автора в ГА РФ фрагмент дневника за период с 4 августа 1916 по 17 июля 1917 гг.⁴ Этот фрагмент, в силу того, что он содержится в архивном деле под названием «Письма разным лицам»⁵, был долгое время практически не известен исследователям, на его наличие впервые обратил внимание пермский историк М.Н. Лукьянов. Именно в этой дневниковой тетради Б.В. Никольского содержатся представляющие особый интерес записи, относящиеся к февралю – марту 1917 г. В них автор достаточно подробно описывает революционные события и дает им собственную оценку. Никогда прежде в историографии они не

хии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). СПб., 2006; его же. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика. М.; СПб., 2011; его же. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914 – 1917) / Науч. ред. И.В. Алексеева. М.; СПб., 2013; Богоявленский Д.Д. Н.Е. Марков и Совет министров: Союз русского народа и самодержавная власть // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов. Воронеж, 2001; Долгих Ф.И. Правые в III и IV Государственных думах России (1907 – 1917 гг.): Дис. ... к. ист. н. М., 2004; Размолодин М.Л. О консервативной сущности черной сотни. Ярославль, 2010; его же. Русский вопрос в идеологии черной сотни. Ярославль, 2010; Стогов Д.И. Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию. М., 2012; Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М., 2013; Лукьянов М.Н. Российская правая и начало Первой мировой войны // Вестник Пермского университета. История. 2015. Вып. 2 (29). С. 18 – 26; и др.

¹ См. подробн.: Стогов Д.И. Февральские события 1917 года глазами консерваторов // 90 лет Февральской революции. Сб. науч. ст. СПб., 2007. С. 59 – 65; его же. Судьба лидеров правых партий в годы Гражданской войны // Гражданская война в России: проблемы истории и историографии: сб. докл. межвуз. науч. конф., г. Санкт-Петербург, 29 ноября 2013 г. / Отв. ред. д. и. н., проф. В.В. Калашников. СПб., 2014. С. 157 – 165.

² Никольский Б.В. Дневник. 1896 – 1918 гг.: в 2-х т. СПб., 2015.

³ См., напр.: Российская национальная библиотека издала мемуары знаменитого черносотенца [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/1586600/>

⁴ Никольский Б.В. Дневник. 1896 – 1918 гг. Т. 2. С. 270 – 305.

⁵ ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 11336.

анализировались. В предисловии к двухтомнику дневника Б.В. Никольского¹, в составлении которого мы также внесли определенный вклад², эта тема в силу ряда причин (прежде всего, жесткие ограничения по объему текста) совершенно не затрагивалась. В настоящей публикации восполним этот пробел и подробно рассмотрим страницы дневника Б.В. Никольского, посвященные Февральской революции.

В начале несколько слов о жизни и деятельности автора дневника в этот драматический период российской истории. Б.В. Никольский в предреволюционные годы преподавал римское право в качестве профессора в Училище праведения, а также преподавал право (являлся исправляющим должностное ординарного профессора) и классическую филологию (в должности приват-доцента) в Юрьевском университете (ныне г. Тарту, Эстония). Многочисленные попытки Б.В. Никольского защитить докторскую диссертацию по римскому праву на тему дарений между супругами не увенчались успехом, прежде всего, в силу неуживчивого характера соискателя и его нетрадиционных для тогдашней профессорской среды право-консервативных взглядов.

Сразу после трагических событий марта 1917 г., по-видимому, из-за своего участия в работе монархических организаций, по предложению нового министра народного просвещения А.А. Мануйлова Никольский подал в отставку³ и находился на положении заштатного профессора до октября 1917 года, когда был избран сначала приват-доцентом, а затем доцентом классической филологии историко-филологического факультета Юрьевского университета, куда в спешном порядке и направился читать лекции⁴.

В то время материальное положение Б.В. Никольского было настолько серьезным, что он подумывал о продаже своей уникальной библиотеки. 25 сентября 1917 г. скончалась его мать, 74 лет от роду⁵. Тем не менее, даже в таких условиях Б.В. Никольский продолжает упорно работать. Среди всего прочего он писал статьи о «Памятнике» Горация, Г.Р. Державина и А.С. Пушкина, о Тибулле, о К.Н. Батюшкове и др.⁶

Писатель А.А. Кондратьев в своем письме к литератору Б.А. Садовскому замечает по поводу тогдашнего положения Б.В. Никольского: «...Он с первых дней революции от всего отстранился, хотя события действовали на него подавляющим образом... Конечно, он лишился всех своих кафедр и одно время думал получить таковую за границей (иногда вместо кафедры – юрисконсульство). Кажется, это не состоялось...»⁷.

¹ Никольский Б.В. Дневник. 1896 – 1918 гг. Т. 1. С. 9 – 48.

² Там же. С. 48.

³ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. ДД. 1 – 2 (по старой нумерации 4а – 4б). Архивная справка. Л. 2 об.

⁴ Там же. Д. 2. (по старой нумерации 4а). ЛЛ. 60, 66б.

⁵ Там же. Л. 50б.

⁶ Там же. ЛЛ. 12а, 14а, 39а, 112б.

⁷ Цит. по: Монархист и Советы. Письма Б.В. Никольского к Б.А. Садовскому. 1913 – 1918 гг. / Публ. С.В. Шумихина // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 345.

Февральскую революцию 1917 г. Б.В. Никольский, как убежденный монархист, воспринял в целом отрицательно¹. На страницах его дневника находим множество записей, подтверждающих этот тезис. Впрочем, автор дневника осознавал, что не соответствовавшее его политическим убеждениям Временное правительство на тот момент являлось «единственным началом порядка среди анархии».

В этой связи следует отметить, что, будучи монархистом, Б.В. Никольский весьма критически относился как к личности Николая II, так и к династии Романовых вообще². Уже после падения самодержавия, в апреле 1917 г., он писал Б.А. Садовскому: «Царствовавшая династия кончена, и на меня ее представителям рассчитывать не приходится. Та монархия, к которой мы летим, должна быть цезаризмом, т.е. таким же отрицанием монархической идеи, как революция. До настоящей же монархии, неизбежной, благодатной и воскресной, дожить я не надеюсь. До нее далеко и путь наш тернист, опасен и мучителен...»³.

Дневниковые записи Б.В. Никольского после длительного перерыва (с 20 сентября 1916 г.) возобновились 28 февраля, то есть в самый разгар революционных событий. В этот день автор дневника, в частности, записал: «...Я не вижу ничего сверхъестественного: полный хаос, Ходынка, и все решит организованная военная сила. В Петрограде и вообще в тылу ее нет. У мятежников нет офицеров. Это просто бунт черни, застигшей всех врасплох. Ни плана, ни программы, ни идеи, ни руководства я не вижу. Плохо будет, когда подойдут верные войска: тогда погаснет электричество, прекратится вода, – во время боя на улицах иначе быть не может»⁴. И далее он продолжает: «Из наших окон все видно как из ложи. Толпа трусливая, неорганизованная и присматривающаяся к безнаказанности. Солдаты бродят без оружия. Стрелки, 1-го запасного, летчики, Кексгольмцы, Измайловцы, Павловцы, 170-го полка, Гвардейский экипаж, Балтийский экипаж и неизвестные мне. <...> Все это мгновенно скроется перед организованною властью. <...> Грабежей по частным домам пока нет и на улицах только любопытство. Повторяю, тяжелые минуты пойдут только во время систематического боя. Тогда храни нас всех, Боже. Но чем все это разрешится – сказать не берусь»⁵.

В целом можно отметить, что Б.В. Никольский в то время был уверен в том, что революция будет подавлена правительственными войсками: «Я говорю: англичане взяли Багдад, теперь надо русским взять Петроград. <...> Я не боюсь никого, кроме возлюбленного и обожаемого [т.е. императора Николая II – Д.С.], а надеюсь только на braveго генерала. По-моему, сейчас

¹ Чхартишвили П.Ш. Черносотенцы в 1917 году // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 133.

² См. подробн.: Стогов Д.И. Февральские события 1917 года глазами консерваторов. С. 60 – 61.

³ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 1856 – 186а.

⁴ Никольский Б.В. Дневник. 1896 – 1918 гг. Т. 2. С. 279.

⁵ Там же.

достаточно одного хорошего полка, – разумеется, для начала: спокойные элементы примкнут автоматически»¹.

В дневниковых записях Б.В. Никольского приведены многочисленные подробности, непосредственно связанные с ситуацией в Петрограде в февральские дни: «Сижу безвыходно, а на улицу тянет – мочи нет, – пишет автор дневника. – Простуда пустяки, всего опаснее нога. – Разгромили «Асторию» и должно быть перебили офицеров. Говорят, с крыши открыли огонь из пулеметов, и толпа хлынула с бешенством. – У нас под окнами убили черносотенную старуху, обличавшую бунтующих солдат. – Уверяют, что сыскали и захватили какого-то спрятавшегося министра. – Телефон не действует, узнать ничего нельзя. <...> День чудный, солнечный, – с виду суший праздник. – Припасов очень мало. Нам хватит на неделю, даже более, – по крайней мере хлеба; керосину всего фунтов 15; сахару совсем мало; свечей 3 фунта»².

Тем не менее, как бы в противоречие с выше приведенной записью о возможности подавления революции правительственными войсками, в тот же день Б.В. Никольский пишет: «Все идет к быстрой и полной ликвидации. Правительство № 2-й [т.е. Временный комитет Государственной думы – Д.С.] собирает в новом Ноевом ковчеге, в министерском павильоне Думы всех бывших и сущих членов правительства № 1 [т.е. последнего царского правительства – Д.С.], каких может найти. О правительстве № 3-й [т.е. о Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов – Д.С.] ничего не слышно, хотя, по-видимому, оно все-таки сговорилось с правительством № 2-й»³.

В дневнике Б.В. Никольский пытался проанализировать и дать оценку происходивших событий. В частности, он пишет: «Тревожит и смущает меня повсеместная пальба по толпе и солдатам из пулеметов: кому и зачем это нужно? С каким-то жутким холодом прокрадывается в душу вопрос, – неужели и вправду здесь измена, и компания Протопопова, Добровольского, Курлова, Батмаева [П.А. Бадмаева. – Д.С.], полиции и прочих продалась немцам? Мне легче поверить, что это сумасшедшие люди. Или в рядах Петроградской полиции действительно немцы и немецкие агенты? Если нет, то я ничего не понимаю. Петроград сейчас беззащитен. Парочка цепелинов с Рижского фронта – и я вас поздравляю. Все пулеметы израсходованы. Прибывающие части все присоединяются к правительству № 2-й. Однако правительство № 2-й существует только на бумаге. Гарнизона не существует»⁴.

Вполне естественно, что процесс формирования Временного правительства Б.В. Никольский воспринял крайне отрицательно: «Милюков вступил в заведывание иностранными делами, Маклаков юстициею, – Господи Иисусе Христе! О погромах, разгромах, остановленном подвозе, останов-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 279.

⁴ Там же.

ленных заводах, разбитых тюрьмах, – нигде ничего в газете Правительства № 2-й¹.

В тот же день, 28 февраля, Б.В. Никольский довольно подробно описывает свою прогулку по центру Петрограда, дает оценку всему увиденному им: «Сам я не вытерпел, оделся и пошел на улицу. Прошел по Вознесенскому, по Мойке от Синего моста до Невского, причем видел, как доколачивали окна «Астории» или громили реформатскую церковь. Потом пошел по Невскому до того берега Екатерининского канала, по Банковской линии на Садовую, по Садовой до Мучного, по Екатерининскому каналу до Гороховой, оттуда на Казанскую и по Вознесенскому домой. Везде одно и то же: любопытство, веселое ощущение полной безнаказанности, сдерживаемое тайным страхом, изредка пьяные и гулянье, гулянье и гулянье. Словом, анархия на себя смотрит и удивляется. Боже упаси, когда хлебнет вина и попробует крови. Горе тогда правым и виноватым. Узел событий – Царское Село. Насколько я понимаю нашего обожаемого, он пойдет на какое угодно соглашение с кем угодно. Чем бы дело ни кончилось, ликвидация династии видимо неизбежна. Это все входит в общее стихийное восстание против немецкого гнета. Глухонемые, выученные говорить, должны уйти. Но кто же становится на их место? Все темно и печально»².

Свою длинную дневниковую запись от 28 февраля Б.В. Никольский завершает следующим образом: «С покорностью жду своей судьбы. Умереть, так умру, жить, так буду жить. На все воля Божия. Ведь вот как часто я в душе роптал на то, что мне не дают ни дела, ни власти: ну, дали бы мне, – что бы мог я поделать один посреди этих отверженных, глупцов, изменников и негодяев? А судьбу их разделил бы, – разве только, что не прятался бы, как подлый трус, а прямо пошел бы навстречу своей судьбе, как шел всю жизнь и как, если Бог не оставит, пойду до смерти. Пользы бы не принес, славы бы не добыл, – только честь не запятнал бы...»³. Приведенная цитата характеризует автора дневника как глубоко верующего православного христианина.

Несколькими днями позже, 3 марта 1917 г., Б.В. Никольский конкретизирует свое тревожное состояние: «Зевота мучит, а сна нет; спокойствие полное и невозмутимое, а между тем незримый огонь пожирает душу»⁴. Петроград жил многочисленными слухами, один нелепее другого. Некоторые из этих слухов Б.В. Никольский приводит в дневнике: «Сегодня все слухи, слухи, слухи... Наследник умер. Царь подписал отречение. Наследник жив. Вильгельм убит. Царь отказался отречься, Наследнику лучше. Прорван нами рижский фронт. Царь отказался, но только под условием, что отрекается за себя и за сына. Последний слух, кажется, вернее всех»⁵.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 279 – 280.

⁴ Там же. С. 280.

⁵ Там же.

В тот же день, 3 марта, Б.В. Никольский дает характеристику ситуации в революционном Петрограде: «Везде замазывают слово «Императорский», снимают вензеля для иллюминаций, снимают короны, гербы, порфиры; в витринах исчезли фотографии царствующего дома, но зато красуются Родичевы, Керенские, Шингаревы и т.д. Спокойствие полное; гулянья нет; движение на улицах деловое; хвосты громадные, крикливые и по-прежнему терпеливые. В банке народу много, но только получают по чекам; вкладчиков при мне не было ни единого. Магазины большей частью закрыты. Газеты еще не выходят. Почта работает. Извозчиков и трамваев нет. Тротуары еще не чищены, улицы не метены. Скользко и сорно. День – восторг: солнце, мороз градусов 7, капли на крышах. Красные бантики, красные флаги. Солдат еще много, но уж они не имеют вида бродяг. Повсюду жида-студенты из городской милиции. Ни одного вооруженного мотора»¹.

Резюмируя, автор дневника делает следующий вывод, как бы предвидя все последующие события: «Вообще, пробуждается жизнь после бури. Повернулась великая страница истории, но книга судеб еще не разогнулась и не захлопнулась. Во всяком случае, переворот совершился, династия кончена и начинается столетняя смута, – если не более чем столетняя. Ведь в лице нашей Империи умирает Восточно-римская Империя. Что впереди? Мне уже не видать не только конца, но даже, Бог весть, много ли начала захватит моя жизнь, и взгляну ли я, хоть умирая, на пределы обетованные <...> Не знаю, что мне сулят перемены. В порядок и спокойствие я не верю. Чем бы ни кончилась война, внутренние раздоры неизбежны. Не знаю, миновать ли нам и террора. Все может быть. Аресты, производимые Керенским, обещают очень многое. Торжество крайних неизбежно и неизбежно их падение. Какою-то ценою все это будет куплено!»²

Несколько позже, 11 марта, Б.В. Никольский весьма пессимистично оценил перспективы развития ситуации в стране: «Разумеется, нет тупика, из которого бы не было выхода; но теперь тупик из тупиков. Притом будущее, даже ближайшее, до того грозно, ввиду близкого немецкого натиска, что страшно и подумать. Я Вильгельму не слуга, а немцам не холоп, а умереть – везде умирать; умирать надо честно; стало быть, это все ясно; но, Боже мой, каково в 46 лет переживать такие крушения, как я! Величие России, существование России, – поставлено на карту; монархии в России не существует; Милоков оказывается последним монархистом; впереди – долгодетские смуты, голодовки, нищета, новые войны; церковь в отвержении, не сегодня-завтра в гонении, о личных невзгодах стоит ли говорить после этого?»³

В этот же день, 11 марта, Б.В. Никольский пишет в дневнике о предчувствии «мировой катастрофы» и о «тумане печали»: «И вот, под гнетом какого-то дымного облака скорби, душа бездейственно томится и ждет. Туман, туман, туман печали, в котором ничего не видно, только слышен грохот

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 281.

мировой катастрофы; действовать нельзя, решаться невозможно и остается ждать, как птица в дупле во время бури»¹.

Характеризуя политические настроения в России сразу после Февральской революции, Б.В. Никольский 13 марта записал в дневнике: «В России три группы: мужики, рабочие и мелкая буржуазия, с которой вместе все интеллигентные силы. С нею правительство. Силою вещей с ними армия. Мужики – социалисты – революционеры, рабочие – социал-демократы, все прочие – конституционалисты-демократы. Республиканцы все. Кроме, может быть, меня и – будущего, вернее – двойного будущего: близкой диктатуры и далекой, далекой монархии. <...> Итак, первое слово за рабочими. Армия запасных – с ними; армия фронта – с мужиками; офицерство – ни с теми, ни с другими, а с нами. С офицерами все знание, все богатство, словом, все культурное. Сюда же тянут наши союзники»².

По словам Б.В. Никольского, «самое страшное» начнется после войны. «Сейчас рабочие, – писал он, – ведут к террору и к подавлению их вооруженною силою. Денег у Вильгельма хватит. Вся социал-демократия не что иное, как провокация, – разумеется, говорю не о массах, которых мне жаль, как несчастных, темных, грубых и страдающих людей, таких же несчастных, как я, с тою только разницею, что меня никто не жалеет и что я не стану грабить, завидовать, отнимать и убивать, а буду работать, верить, умирать, если придется, но все-таки верить и чтить право и правду. Нет, вся социал-демократия – несчастная масса рабов, и более ничего; но вот над нею – кучка грабителей и хищников, шантажирующих и своих рабов, и их врагов, и все, и вся. Но черт с ними, с этими вожаками!»³

20 апреля 1917 г., автор дневника сделал еще одну запись, характеризующую его душевное состояние после краха монархии: «Я сегодня дошел до такого состояния, что готов плакать. Подумайте, что я переживаю: в религиозном отношении – поругание моей веры, унижение церкви; в государственном отношении – полный упадок военной мощи, расчленение нас на кусочки, грозный враг у порога столицы, полный ущерб всему русскому; в политическом отношении – полное крушение того строя, которому я отдал себя, свои силы, свою семью, свою удачу; в смысле призвания – полная невозможность быть прочитанным или выслушанным в науке, словесности, где бы то ни было; в смысле житейского успеха – полный тупик и неизвестность; в смысле существования – нищета и невозможность прокормить семью»⁴.

Шли дни, недели, месяцы. 29 мая 1917 г. Б.В. Никольский пишет в дневнике, приводя многочисленные слухи и предвещая всеобщую катастрофу: «По городу слухи о полном разрыве с нами англичан и французов, о войне, объявляемой нам Швецией, о полной победе на выборах в районные думы крайних левых и многое другое, столь же веселое. Говорят, все это

¹ Там же.

² Там же. С. 281 – 282.

³ Там же. С. 282.

⁴ Там же. С. 286.

изображено в «Вечернем времени». Что же, веселые вести приятно и слушать. Ах, Боже мой, какие времена! Какие слухи! Какие *действительные события* [так в тексте – Д.С.]! – О бессилии нашем нечего и распространяться; наши левые, все наши окраины и инородцы добились своего, – и что же? Чистое разрушение. Разумеется, на этом кончиться не может, – но какие впереди события! Через какое горнило испытаний суждено еще нам пройти! Поистине, наступает такая скорбь, какой еще не бывало с начала мира»¹.

Приведа обширные цитаты из дневниковых записей Б.В. Никольского в период с конца февраля по конец мая 1917 г., можно сделать следующие выводы: 1) Б.В. Никольский воспринимал февральские события 1917 года как национальную катастрофу. 2) По его мнению, в ближайшем будущем даже не стоит и говорить о возрождении России – ситуация с каждым днем будет все более и более ухудшаться. Неизбежно «торжество крайних» (то есть фактически речь идет о большевиках). 3) Неоднократно на страницах дневника Б.В. Никольского встречаются упоминания о резко возросшей «немецкой угрозе», говорится об опасности в условиях революционной смуты захвата немцами Петрограда. 4) Сам Б.В. Никольский видел во всех происшедших событиях действие Промысла Божьего. Отсюда – покорность судьбе, нежелание как-то противодействовать всему происходящему, вера в промыслительный характер истории. 5) В дневниковых записях Б.В. Никольского содержится достаточно подробное и ценное описание революционных событий, происходивших в Петрограде, а также приводятся разного рода слухи, распространенные среди жителей города в 1917 г.

Иванов А.А.

*Русский Дерулед или Ленин «навыворот»: современники о
В.М. Пуришкевиче в 1917 году*

В 2012 г. воронежский историк В.Ю. Рылов в рецензии на мою монографию о В.М. Пуришкевиче сравнил этого известного русского правого политика с его антиподом – В.И. Лениным, отметив, что «вождь мирового пролетариата» был не менее «амбициозным и неуравновешенным политиком» начала XX в.² «И между ними [Пуришкевичем и Лениным – А.И.], – отмечал Рылов, – несмотря на очевидные различия, было немало общего: оба они были современниками (родились практически одновременно), имели некоторые черты общие внешности (раннее облысение), схожее происхождения (дворяне-провинциалы во втором-третьем поколении с “инородческими корнями”). Но главное, на наш взгляд, заключалось как в “стиле”,

¹ Там же. С. 295.

² Рылов В.Ю. Несостоявшийся Ленин «справа». Рецензия на книгу: Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870 – 1920). М.; СПб., 2011. – 448 с. // Исторические записки. 2012. Вып. 15. С. 169 – 187.

так и в приемах и методах достижения политических целей (при всей их полярности). Речь идет об “истеричном фальцете”, “вызывающей манере говорить с истерическими возгласами”, ругани, даже площадной брани как непрременном стиле вступлений и заявлений обоих»¹. Приведенные далее рецензентом цитаты из публицистического наследия Ленина были призваны продемонстрировать сходство его риторических приемов с манерой Пуришкевича, также не скупившегося на эмоциональные и крайне резкие отзывы в отношении своих политических противников. Действительно, между двумя Владимирями – Пуришкевичем и Лениным – при всех различиях, было и нечто общее. И это подметили еще их современники.

В дореволюционный период Пуришкевич был, несомненно, личностью куда более известной, чем Ленин. О правом политике, по праву считавшимся одним из самых знаменитых депутатов Государственной думы II–IV созывов, в последнее десятилетие Российской империи регулярно писали газеты (во многом, благодаря скандалам, участником которых он часто становился и эпатажным выходкам), его имя было у всех на слуху, он был героем многочисленных карикатур, фельетонов, куплетов. Тем временем, его антипод слева – лидер большевиков Ленин – был до 1917 г. неизвестен широким массам. Звезда левого политика-эмигранта возшла лишь в революцию и тогда современники обратили внимание на некоторое сходство между Лениным и Пуришкевичем. Полковник С.А. Корнев, допрашивавший в 1917 г. вождя большевиков в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, отмечал: «...Ленин-то пока еще многим из нас кажется всего лишь клоуном от революции – Пуришкевичем навыворот»². И хотя в данном случае сравнение сделано как бы наоборот, в силу большей известности на тот момент Пуришкевича, думается, не будет большой ошибкой если и Пуришкевича назвать «Лениным навыворот».

В свою очередь Г.В. Плеханов сравнивал Пуришкевича с Полем Деруледом (1846 – 1914) – французским политическим деятелем, поэтом и литератором. Дерулед принимал участие в подавлении Парижской коммуны, с 1889 г. был депутатом парламента, где отстаивал монархические взгляды. А во время громкого процесса А. Дрейфуса выступил как убежденный французский националист и антисемит. За связь с монархическими организациями и попытку произвести государственный переворот в 1899 г. он был арестован и приговорен к 10 годам изгнания из Франции (в 1905 г. амнистирован). Как видим, между французским и русским политиками было немало общего, – Пуришкевич также был монархистом и депутатом парламента, считал себя поэтом, имел репутацию антисемита и русского националиста. Но помимо перечисленных очевидных сходных черт в мировоззрении и биографиях двух правых политиков, было нечто еще, что заставило основоположника русского марксизма сделать такое сравнение, – оба они были не чужды авантюры и являлись искренними патриотами.

¹ Там же. С. 185.

² Корнев С.А. Чрезвычайная Комиссия по делам о бывших министрах // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 26.

Приветствовавший Февральскую революцию Пуришкевич очень скоро разочаровался в государственных способностях ее творцов и, видя, как все летит под откос, стал судорожно перебирать различные комбинации по спасению России от анархии. Бывший вождь черной сотни то обещал отдать свой голос на выборах в Учредительное собрание за кадетов, то бросался за помощью к социалистам. В середине апреля 1917 г. он явился на квартиру Плеханова. Как вспоминала супруга политика-марксиста, в приемную вошел худой человек невысокого роста, «с нервным интеллигентным лицом, в защитном костюме с какими-то значками на груди». Представившись, Пуришкевич заявил, что он пришел, чтоб попросить Плеханова войти в состав правительства, «так как только Георгий Валентинович может спасти Россию от анархии». «С волнением в голосе Пуришкевич начал упрашивать мужа взять на себя управление страной, которой грозит гибель, – вспоминала Р.М. Плеханова. – “Вы мой политический враг, но я знаю, что Вы любите Россию. И это сознание внушает мне глубокое доверие к Вам. Войдите в министерство. Это Ваша обязанность”. Муж не вступил с Пуришкевичем в длинный разговор, и он ушел, оставив впечатление большого, нервного человека, искренно любящего родину. “Это русский Дерулед” – сказал муж»¹.

Источники сохранили и другие отзывы о Пуришкевиче в 1917 г., пусть и не такие яркие, но, несмотря на это, не менее ценные. Обращение к ним позволяет обнаружить немало общего в восприятии правого политика современниками и добавить к его образу дополнительные черты.

Искренний порыв, с которым Пуришкевич встретил Февральскую революцию, заставил современников взглянуть на него несколько иначе. Антагонист Пуришкевича в Государственной думе кадет Ф.И. Родичев, которому немало доставалось от правого политика, вспоминал, как в дни Февральской революции, когда он шел по Суворовскому проспекту к Таврическому дворцу, он невольно пожал руку своему политическому противнику. «Навстречу мне продвигается Пуришкевич с взволнованным лицом, он что-то говорит и жмет мне руку. Никогда я не давал ему руки... А тут, в порыве, он меня поймал», – признавался Родичев². А вот каким запомнилось выступление Пуришкевича в дни революции в Государственной думе большевику и сотруднику «Правды» Ф.Ф. Раскольникову: «Пошел в Таврический дворец. Там было необычайнолюдно: один за другим прибывали полки, заявляя о своем присоединении к революции. <...> Внутри, в Екатерининском зале, происходили непрерывные митинги. Ораторской трибуной служили длинные и широкие хоры, выходящие на две стороны: на Екатерининский зал и на зал заседаний. <...> Однажды на хорах появился и, встав в картинную позу, начал говорить довольно пожилой, но хорошо сохранившийся мужчина в высокой светлой папаче <...> На плечи выступавшего была накинута серая николаевская шинель. На вопросы об его имени он громким голосом отчеканил: “Говорит член Государственной думы Пуришке-

¹ Плеханова Р.М. Год на родине // Диалог. 1991. № 10. С. 83.

² Родичев Ф.И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, 1983. С. 99.

вич”. Несмотря на одиозность имени депутата, толпа ему все же позволила говорить. “Правительство, оказавшееся неспособным справиться с разрухой, в настоящее время свергнуто”, – начал свою речь Пуришкевич. Короткий смысл длинной речи этого зубра сводился к тому, что он тоже присоединяется к Февральской революции. <...> Настроение солдат было праздничным, и одного голословного заявления Пуришкевича о разрыве с поверженным строем <...>, было достаточно, чтобы даже этот черносотенец удостоился рукоплесканий»¹.

Вспоминая настроения Пуришкевича в 1917 г. мемуарист В.М. Краснов рассказывал, как, отправляясь на Государственное совещание в Москву, он случайно оказался в одном купе с правым политиком: «Войдя в назначенное мне купе, я застал уже там незнакомого мне господина, раскладывающего у окна квадратные тючки. На одном из них лежала стопка брошюр с крупно отпечатанным заглавием: “от трехцветного к двухцветному знамени”. Когда я утром проснулся, мой спутник стоял у раскрытого окна и время от времени разбрасывал, доставая из вскрытого тючка, эту брошюру, когда поезд пробегал мимо движущихся вдоль полотна дороги крестьян. Я попросил у незнакомца один экземпляр брошюры и, когда он с улыбкой передал ее мне, я прочел на последней странице подпись “В.М. Пуришкевич”. Вглядевшись в незнакомца, я не мог не признать в нем подлинного автора брошюры с его характерными чертами нервно подвижного лица». Как отмечал далее Краснов, его удивили как «неожиданно сдержанный» тон этой брошюры, так и отношение бывшего вождя черной сотни к таким «кристально честным и чистым, проникнутым порывом самоотверженности», отдающих себя служению народу и родине людям, как... А.Ф. Керенский и И.Г. Церетели. «Я долго хранил эту брошюру, как своего рода “уником”, пока она не погибла вместе с моей библиотекой при разгроме моей квартиры большевиками, и очень сожалел, что у меня не было ее под рукой, когда выступавший в 1919 г. с публичным докладом в Ставрополе В.М. Пуришкевич уже не иначе называл А.Ф. Керенского, как Аароном Кирбасом и призывал на его голову все проклятия мира», – вспоминал Краснов².

Отношение Пуришкевича к революционным властям действительно быстро менялось. Увидев, что Керенский не способен удержать страну от сползания в хаос, правый политик стал призывать к установлению военной диктатуры, что привело к появлению новых откликов современников. Будущий патриарх Алексей I (Симанский) записал в августе 1917 г.: «Кажется, уже пора сказать всем этим правителям, что Россия не игрушка и нельзя ею шутить и браться управлять ею кому вздумалось. Надо послушать Пуришкевича»³.

¹ Раскольников Ф.Ф. На боевых постах. М., 1964. С. 21 – 22.

² Краснов В. Из воспоминаний о 1917–1920 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 8. С. 131–132.

³ Цит. по: Степанов А.Д. Пуришкевич Владимир Митрофанович // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм / Сост. О.А. Платонов, А.Д. Степанов. М., 2003. С. 606.

После прихода к власти большевиков Пуришкевич был арестован и оказался в тюрьме, в которой ему суждено было пробыть с конца 1917 по начало 1918 г. За этот период также сохранились довольно интересные и яркие высказывания современников об этом правом политике. Как вспоминал тюремный комиссар В.П. Павлов, Пуришкевич в тюрьме «вечно был чем-нибудь недоволен». «Вообще, – сетовал комиссар, – это была самая беспокойная натура из всей тюрьмы. То его обкрадывали, то ему “волчок” запирали, то пищу не вовремя подали, заявлений от Пуришкевича поступало каждый день вороха». Вместе с тем, признавался далее Павлов, причины жаловаться у оказавшегося за решеткой «барина» действительно были: «Коллеги по заключению, мелкие воришки и налетчики, неоднократно обкрадывали его <...> и в последний раз утащили всю его переписку»¹. Здесь надо отметить, что манера поведения Пуришкевича едва не сыграла с ним в тюрьме злую шутку. По словам Павлова, «на прогулках Пуришкевич вел себя вызывающе, и когда московцы [солдаты Московского полка – А.И.] спрашивали, где Пуришкевич, он, запуская руки в карманы, кричал: “Вот, смотрите, Пуришкевич. Ослы!”». После этого, вспоминал комиссар, некоторые из солдат, стороживших заключенных, просили разрешить им «пырнуть» Пуришкевича ножом, и ему стоило больших трудов отговорить их от этого поступка². А в ходившем по рукам в «Крестах» стихотворении, Пуришкевичу были посвящены следующие строки: «Пуришкевич на минутку / Прилетел и внес разлад; / Придержал бы он хоть в шутку / Свой словесный водопад!»³

Отметим и такой любопытный штрих: оказавшись в «Крестах», Пуришкевич «был самым лучшим приятелем представителям Временного правительства, и никогда с ними не ссорился, между тем, как с очень многими он чуть ли не дрался». «По-видимому, – предполагал В.П. Павлов, – общность интересов сглаживала разность характеров и не препятствовала сближению меньшевиков и кадетов с монархистом»⁴. А вот с бывшими царскими сановниками отношения у Владимира Митрофановича в тюрьме не заладились: те его сторонились, а сам он, добившись приема у комиссара, к удивлению последнего, попросил не сажать его в камеру к «мошенникам», пояснив, что к последним он относит И.Г. Щегловитова, А.Н. Хвостова, С.П. Белецкого и других «продавших Россию».

О вынужденном сближении Пуришкевича в тюрьме с бывшими политическими противниками свидетельствует и сидевший вместе с ним Петропавловской крепости эсер-оборонец Н.Д. Авксентьев. «Мы были с ним политическими антиподами, и никогда ничто общее нас с ним не связывало и не могло связывать, – отмечал он. – Но я должен сказать, что в

¹ Павлов В.П. Мои воспоминания о «Крестах» // Красная летопись. 1922. № 2–3. С. 147.

² Там же. С. 148–149.

³ Винберг Ф.В. В плену у «обезьян». Записки «контрреволюционера» // Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 226.

⁴ Павлов В.П. Мои воспоминания о «Крестах». С. 148.

тот момент, поскольку я верил полной искренности порыва Пуришкевича, он – руководитель черной сотни – был психологически мне ближе, чем все те – даже радикальные – политики, которые в борьбе с большевизмом уничтожают самый смысл этой борьбы, которые интересам борьбы с большевизмом – сознают они это или нет, – жертвуют интересами России»¹. А эсер А.А. Аргунов, также сидевший в это время с Пуришкевичем, оставил следующую характеристику политика-монархиста: «Вид у него бодрый, держится смело. Когда идет на свидания в контору, нацепляет старый орден в петлицу пиджака. Стража ему симпатизирует. Это видно из обращений, из тона разговоров. Спрашиваю одного солдатака о нем. Улыбаясь, говорит: “Что ж, что монархист. Зато смелый, не скрывается”. <...> Частенько слышишь тихий разговор в коридоре, вперемежку с чтением газеты. Это Пуришкевич толкует дежурному политические события... <...> Пуришкевич выступал со стихами собственного творчества. Он постоянно бывает в нашем коридоре и держится со всеми непринужденно»². Среди этих стихов было и поэтическое творение, посвященное Пуришкевичем эсеру и сионисту П.М. Рутенбергу. Отзываясь о Рутенберге в доброжелательном духе, Пуришкевич называл его «человеком железной воли», пламенеющим «страстью к правде» и человеком, который «честно служит идеалу»³. По свидетельству приятеля Рутенберга Н. Сыркина, несмотря на заверения, что каждый из них при других обстоятельствах расстрелял бы своего противника в 24 часа, черносотенец Пуришкевич и сионист-революционер Рутенберг прониклись взаимным уважением, «натянутая струна лопнула и возникли новые отношения, отношения направленные как бы навстречу друг другу...»⁴.

Приведенные свидетельства современников о В.М. Пуришкевиче, относящиеся к событиям революции 1917 г., часть которых ранее не использовалась биографами правого политика, как представляется, вносят некоторые новые, весьма ценные, штрихи к портрету этого незаурядного политического деятеля и позволяют взглянуть на него несколько под иным углом.

¹ Авксентьев Н. Patriotica // Современные записки. 1920. Кн. I. С. 131 – 132.

² Аргунов А. В большевицком плену // Красный террор в Петрограде / Сост., предисл., коммент. С.В. Волкова. М., 2011. С. 50.

³ См.: Черносотенец и сионист: Владимир Пуришкевич о Пинхусе Рутенберге / Вст. статья и публ. А.А. Иванова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 2010. Кн. 11. С. 110 – 113.

⁴ Цит. по: Хазан В. Пинхас Рутенберг: от террориста к сионисту. Опыт идентификации человека, который делал историю. М.; Иерусалим, 2008. Т. 1. С. 410.

Захаров А.М.

*Польская армия в военно-политических планах
Временного правительства (март – май 1917 г.)*

Мне уже приходилось обращаться к теме политического фактора в процессе формирования в России польских добровольческих вооруженных формирований в ходе Первой мировой войны¹. Однако тогда анализировалась реакция на этот процесс польских политических элит. В настоящем же тексте речь пойдет о, так сказать, взгляде с другой стороны – оценке перспектив создания в России польской армии со стороны Временного правительства.

Сложности с польским добровольчеством, собственно, были двух порядков. Во-первых, воздействие оказывал русский революционный процесс в форме советизации, и, во-вторых, свою роль играла полемика, развернувшаяся вокруг проблемы добровольчества в политических элитах.

Крайняя позиция справа заключалась в отстаивании «патриотического» взгляда на ситуацию: в военном плане польские военные части серьезного влияния на положение дел на фронте оказать не могут в силу их малочисленности, а дезорганизации при вычленении из русской армии польского элемента добавят. Выраженной партийной принадлежностью этот взгляд не обладал, хотя еще в 1914–1916 гг. подобная позиция изредка озвучивалась на заседаниях думских комитетов, но для того, чтобы настаивать на именно думском ее происхождении, материалов недостаточно. Своеобразным глашатаем этой позиции стала созданная 15 марта 1917 г. Ликвидационная комиссия по делам Королевства Польского. Название подразумевало принятие дел у эвакуированной в 1915 г. из Варшавы царской администрации. Поскольку при Временном правительстве имелось свое собственное ведомство по польским делам, функции комиссии были не вполне ясны. Заседала она в Зимнем дворце, впервые за время войны открытом для деятельности такого рода. Рабочим языком ее был русский, так как не только русские, но и ряд польских представителей были не сильны в польском языке. Участвовавший в заседаниях начальник юридического отдела русского Министерства иностранных дел барон Б.Э. Нольде почти не скрывал своего иронического отношения к деятельности комиссии. «Не нужна Польше независимость, – говорил он. – Лучше дайте им уланов, мундиры и прочую блестящую мишуру»².

Столь же скептически был настроен и заменивший Нольде в составе комиссии от лица МИДа Г.Н. Михайловский, отмечавший также сильное вли-

¹ Захаров А.М. Польские политические элиты и проблема создания в России польских добровольческих частей весной 1917 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 2 (52). Ч. II. С. 81 – 86.

² Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914 – 1920 гг. М., 1993. Кн. 1. С. 289.

яние на нее представителей костела – Могилевского архиепископа Я.Г. Цепляка и бывшего Виленского епископа и депутата I Государственной думы Э.Ю. фон Роппа¹, мнение которых «Ледницкий [председатель ликвидационной комиссии – А.З.] спрашивал по каждому вопросу, и всегда для польской части комиссии оно считалось решающим»².

Сам же А. Ледницкий аргументировал свою позицию чуть иначе. «Я нервничал, вспоминал 1905 год и особенно кровавую реакцию, боялся за поляков, в особенности за пленных, – писал он. – С другой стороны, я опасался, как бы наши не влезли в русские межпартийные распри. Сам я в этом категорически участвовать не хотел. С первых же дней революции у меня возникла идея обращения к соотечественникам с предупреждением, что я и сделал 2 марта 1917 года»³. Сильное впечатление на Ледницкого, судя по его дневнику, произвела стычка с П.Н. Милоковым на одном из немногих заседаний ЦК партии кадетов, которые посетил Ледницкий по старой памяти (от активной поддержки кадетов он отошел еще до начала войны). Всех сторонников польской независимости кадеты, не слишком смущаясь, обвиняли в германофильстве. Автор дневника, наполовину в шутку, наполовину всерьез, сказал Милокову: «Павел Николаевич, как бы Вам не превратиться в Каткова». Милоков, усмехнувшись, ответил: «Если повторится 1863 год – стану»⁴. Как видим, «патриотический» взгляд распространялся справа достаточно далеко по политическому спектру – вплоть до кадетов.

Вторую точку зрения, условно обозначаемую нами как «центристскую», отличает столь же негативное восприятие радикализации революционного процесса, но при этом лучшим способом противодействия вовлечению военнослужащих-поляков в революционное движение ее представители считали создание польских национальных частей. Немедленное осуществление подобной меры «спасло бы военнослужащих-поляков от обольщивания в рядах российской армии»⁵.

Кроме того (это подчеркивал, например, лидер пророссийски ориентированных польских депутатов IV Думы Р.В. Дмовский⁶ в беседе с министром иностранных дел Великобритании А. Бальфуrom 21 марта 1917 г.), поляки оказывались в результате революции свободны от присяги царю, что становилось сильным аргументом в руках немцев, не оставивших еще попыток создания польских частей в своей армии⁷. «Польские части могут оказаться в трудном положении или, что еще хуже, стать оружием в руках контрреволюции», – предостерегал член Ликвидационной комиссии доцент

¹ Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 531 – 532.

² Там же. С. 340.

³ Lednicki A. Pamiętnik 1914 – 1918. // Bibliotheca Iagellonica. Fontes et studia. T. 1. Krakow, 1994. S. 59.

⁴ Ibid. S. 72.

⁵ Baginski H. Wojska polskie na Wschodzie, 1914 – 1920. Warszawa, 1921. S. 107.

⁶ Постников Н.Д. Дмовский Роман Валентьевич // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 166 – 167.

⁷ Kowalski W. T. Rok 1918. Warszawa, 1978. S. 34.

Горного института в Петрограде И.Б. Гливиц. Произойти это может, если польской армии придется выбирать между Советами и Временным правительством, а, значит, армия может строиться только на принципе строжайшего нейтралитета. «Поляки должны или сдать оружие, или с ним в руках думать только о Польском, но не о Российском государстве», – заключал Гливиц¹. Эту позицию на первых порах разделял, что немаловажно, даже солдатский комитет Польской стрелковой дивизии, избранный на общедивизионном митинге 25 марта 1917 г.²

Наконец, с центристами оказалось солидарно русское Верховное командование. Многие высшие офицеры царской армии считали, что по политическим соображениям целесообразно содействовать формированию воинских частей, состоявших из поляков. Так, командующий Юго-Западным фронтом А.А. Брусиллов еще 20 января (2 февраля) 1917 г. писал в штаб Верховного главнокомандующего, что, по его мнению, создание польских воинских частей, которые должны рассматриваться как ядро будущей польской армии, даст точку опоры для будущего русского влияния в Польше, даст выход национальному чувству поляков, «желающих драться не только за общее дело, но и за идею освобождения Польши», ослабит значение германских попыток набора поляков в свою армию³. Ему, впрочем, оппонировал командующий Западным фронтом В.И. Гурко, 25 мая 1917 г. писавший премьер-министру князю Г.Е. Львову, что создание польской армии может создать опасный прецедент для украинцев и литовцев⁴.

Однако после низвержения самодержавия большинство таких высших военачальников, как М.В. Алексеев, А.И. Деникин и др., поддержали перед Временным правительством план образования национально-польской по составу армии. Само правительство тоже не возражало. Военный министр А.И. Гучков писал Г.Е. Львову 23 марта 1917 г.: «Изложенная точка зрения Временного правительства <...> выдвигает в очередь вопрос о создании для нас в пределах нового государственного организма Польши необходимой точки опоры для нашего будущего влияния. Такой точкой опоры, естественно, послужила бы проникнутая русским влиянием и русской школой польская армия, ядром которой ныне явились бы части, сформированные из польских элементов, имеющие польский командный язык, но сражающиеся за общее дело бок о бок с коренными русскими частями»⁵. Заместитель министра Н.И. Новицкий, повторно возвращаясь к этой теме, подчеркивал: «Со своей стороны полагаю, что национальные польские войска, сформированные при участии и сочувствии Держав Согласия, явятся в будущем польском

¹ Zatorski A. Polska lewica wojskowa w Rosji w okresie rewolucji, 1917 – 1918. Warszawa, 1971. S. 35.

² Ibidem.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 328. ЛЛ. 23 – 24.

⁴ Tanty M. Rewolucja rosyjska a sprawa polska, 1917 – 1918. Warszawa, 1987. S. 130.

⁵ Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. Tom I (marzec 1917 – listopad 1918). / Red. N. Gąsiorowska-Grabowska, I.A. Chrenow. Warszawa, 1962. S. 46.

государстве одним из тех факторов, на которые смогут опереться дружественные нам польские политические партии»¹.

При этом появились и некоторые новые аргументы в пользу этого плана. Одним из таких аргументов были расчеты на получение вооружения для польских частей из США, другим – расчеты на то, что польскими по составу частями удастся заменить наиболее революционно настроенные части русской армии. В.И. Гурко, переубежденный коллегами, рекомендовал начальнику штаба Верховного главнокомандующего использовать для переформирования в польские, в первую очередь 169-ю пехотную дивизию, «в которой до сего времени порядок не установлен», и 171-ю дивизию, «также весьма слабую в смысле внутреннего порядка»².

25 апреля (8 мая) 1917 г. В ГУГШ генерал-квартирмейстер И.П. Романовский провел совещание по вопросу о польских войсках. Он сообщил, что военный министр принял решение о создании постоянной комиссии, ведению которой будут подлежать все вопросы, касающиеся польских войск, и решение о формировании польского корпуса. Участники совещания выразили пожелание, чтобы некоторые виды материального обеспечения польского корпуса были присланы из США за счет польских организаций. Совещание высказалось против создания отдельных небольших польских подразделений при существующих частях русской армии³. Полемика шла очень жесткая: «центристы» во главе с Я.С. Гарусевичем, товарищем председателя Польского коло в IV Государственной думе⁴ в резких выражениях атаковали традиционалистов, представленных бывшим народовольцем А.И. Венцковским и генерал-лейтенантом в отставке А.Ф. Бабяньским (оба, кроме всего прочего, были видными масонами из польской ложи «Правда»). Дошло до того, что Романовскому пришлось переносить конференцию. Второй раунд ее 27 апреля не состоялся из-за неявки Бабяньского и Венцковского, и только 29 апреля было принято окончательное решение, хотя последние голосовали против, приводя уже знакомый нам аргумент – создать большую и настоящему боеспособную часть в настоящий момент невозможно⁵.

Для координации последующих действий ГУГШ и поляками была создана т.н. Польская армейская конфедерация, которую возглавили генерал В. Вейтко и поручик Б. Матушевский. Малый чин последнего не должен вводить нас в заблуждение – энергичный молодой офицер был настоящим проводником влияния партийных групп в польской армейской среде. Проблему он знал изнутри и отнюдь не поверхностно: 27 февраля 1917 г. он чуть ли не первым в меморандуме на имя М.В. Алексева употребил формулу «Польский армейский корпус». Резолюция на меморандуме рукой Алек-

¹ Ibid. S. 47.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 328. ЛЛ. 52 об., 147.

³ Там же. ЛЛ. 94–96.

⁴ Николаев А.Б., Постников Н.Д. Гарусевич Ян Семенович // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 122.

⁵ Wrzosek M. Polskie korpusy wojskowe w Rosji w latach 1917 – 1918. Warszawa, 1969. S. 57.

сеева гласила: «Интересно и заслуживает внимания»¹. Такой человек, как Б. Матушевский был для армейской конфедерации поистине незаменим. А идея создания корпуса была переозвучена практически молниеносно: уже 1 мая офицер Польской стрелковой дивизии капитан М. Венжик в письме к генералу Вейтко писал, что «польский корпус объединит польские силы и поляков, воюющих на стороне демократических государств»².

Итак, как видим, с конца апреля – начала мая 1917 г. началась практическая подготовка к созданию польского корпуса, который многими влиятельными элементами, прежде всего, в русском военном руководстве рассматривался как основной кадр будущего Войска Польского.

Польские инициаторы плана создания польской армии в России не скрывали, что они озабочены не только тем, чтобы ускорить разгром Германии, – хотя именно это постоянно выдвигалось ими в качестве основной задачи «демократии» и «славянства». Они, в частности, в докладе, сделанном Б. Матушевским в Генеральном штабе 12 мая 1917 г., подчеркивали, что выросла новая большая «опасность» – «идеология немецкого социализма с ее проповедью беспощадной гражданской войны». Эта идеология грозит «погубить» Россию, а вместе с ней «погибнет» и Польша. Создание польской армии может помочь «вашей и нашей свободе» – уверял Матушевский своих русских слушателей³.

Наконец, имелась и третья позиция, условно определяемая нами как «левоцентристская». Ее выразители опасались как раз того, что создание польской армии в России в еще большей мере вовлечет и солдат-поляков, и другое польское население России в водоворот русской революции, и еще более запутает политические отношения между революционной Россией и поляками как в ней, так и вне ее.

В принципе, левые силы в отношении польских перспектив сперва были настроены оптимистично. 14 марта ИК Петроградского Совета принял декрет, подтверждающий право Польши на независимость. Текст декрета был написан рукой Н.Д. Соколова с поправками Н.С. Чхеидзе и М.И. Скобелева⁴. Все они были видными полонофилами в петроградской политической среде.

21 апреля 1917 г. в Петрограде прошло совещание лидеров ведущей польской левоцентристской силы – ШПС-«революционной фракции» (т.н. «фраки» в польском политическом жаргоне). Председательствовали на совещании Ю. Лукасевич, секретарь Ликвидационной комиссии, и штабс-капитан Белгородского запасного полка И. Матушевский (однофамилец Б. Матушевского, что периодически порождает изрядную путаницу в отечественных исследованиях). О перспективах создания польской армии собравшиеся высказались осторожно, но жестко осудили братание на фронте «как элемент анархии и своеволия». Конечное решение принято не было. Б.

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 328. ЛЛ. 49 – 52.

² Zatorski A. Op. cit. S. 34.

³ ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 409. Л. 8.

⁴ Wrzosek M. Op. cit. S. 16.

Сивик предупредил товарищей по партии: «Создание польской армии в России без соглашения с Регентским советом в Варшаве... станет шагом неумным и легкомысленным». Ему оппонировал Матушевский: «Независимость Польши будет достигнута не политическим путем, а путем революционной войны»¹.

С польскими левоцентристами были солидарны и русские. В «Социалистическом бюллетене» видный левый меньшевик и знаток польского вопроса Ф.Я. Кон не без оснований отмечал: «Царизм пал, но его военная программа не пала вместе с ним»². Ряд авторитетных эсеров и меньшевиков, по собственному признанию того же Кона, в первые несколько месяцев после Февральской революции «оказались очарованы легионерской идеей»³. Даже ряд крайне левых – группа социал-демократов во главе с И.С. Уншлихтом – оказался под воздействием программы «революционного оборончества»⁴.

Как ни странно, положительное значение для решения проблемы польских вооруженных сил роковой для остальной армии приказ № 1. Причина проста – политическое руководство будущих польских войск получило возможность большей акцентуации польскости, хотя бы на уровне символов. Делопроизводство польских частей переводилось на польский язык, русские фуражки заменялись польскими конфедератками с белыми орлами. Мобилизационное управление Генерального штаба отмечало увеличение числа добровольцев, желавших служить под польскими знаменами⁵.

Вопрос о польской армии, равно как о позиции Временного правительства России в нем, стоял в центре переговоров, происходивших в Стокгольме 5–10 мая (нового стиля) 1917 г. между представителями Временного государственного регентского совета и представителями польских общественно-политических организаций из России. Со стороны России делегацией руководил социалист Б. Сивик, а с польской стороны – член Регентского совета В. Куновский. В переговорах участвовали также лица, непосредственно уполномоченные для этого Временным правительством – А. Бабяньский и И. Гливиц. К абсолютному взаимопониманию стороны не пришли. «Петроградцы», со ссылкой на участвовавшего в переговорах директора Департамента общих дел Регентского совета В. Ростоворовского, сообщили, что Временное правительство России «присоединяется к мнению большинства о необходимости создания армии». Ростоворовский в докладе Регентскому совету 31 мая изложил несколько иной взгляд на проблему. Он отметил, что делегация из России имела в виду политическое решение, базу для создания польской армии в будущем, а не конкретную фронттовую часть. «Они в вопросе об армии как главный мотив выдвигают то, что польское войско в России может оказаться в неприятном положении в самой России, – отмечал Ростоворовский. – Поскольку должно будет высказаться либо про-

¹ Zatorski A. Op. cit. S. 35.

² Tych F. PPS – lewica w latach wojny, 1914 – 1918. Warszawa, 1960. S. 116.

³ Ibid. S. 152.

⁴ Zatorski A. Op. cit. S. 35.

⁵ Wrzosek M. Op. cit. S. 26.

тив Временного правительства, либо за него, а тем самым косвенно против Совета солдат и рабочих; в России, несомненно, существуют сейчас два правительства, и, таким образом, польская армия могла бы быть втянута во внутренние конфликты в России и превратится в контрреволюционную армию тем более, что в России поляков вообще считают если не реакционным, то, во всяком случае, консервативным элементом, и поэтому прогрессивные русские круги в некоторой мере опасаются польского войска; кроме того, они боятся, что выделение поляков в отдельную армию при наличии подобных стремлений со стороны украинцев, а также других национальностей окончательно деморализует армию и ослабит воинскую дисциплину.

Независимо, однако, от этой политической позиции поляков совершенно стихийно происходит концентрация польских солдат в единое целое, введение в местах этих скоплений польского командования и т.д. Таким образом, как бы создается польская армия. Армия эта не принимает, однако, политического характера <...> Я подчеркнул также, что агитация за создание польского войска в России против Германии считается выгодной для Германии, так как она ослабляет Россию в военном отношении. Ведь создание польской армии не увеличит численности солдат, а вызовет только некоторую перегруппировку и ослабит сплоченность армии. Военная мощь России не увеличится, кроме того, эта агитация выгодна Германии и в политическом отношении, так как она может быть использована ею против Польши. Немцы могут заявить, что если часть поляков создает против них армию, то это перечеркивает все немецкие обязательства в отношении Польши»¹. Проблему формирования армии, как видим, участники Стокгольмской конференции охотно перекладывали на плечи друг другу.

К сказанному следует добавить, что и западные союзники России в тот момент начали уделять гораздо большее внимание не только польскому вопросу в целом, но и вопросу о польских военных формированиях. Английское посольство в Петрограде 25 мая (7 июня) 1917 г. обратилось в русское министерство иностранных дел с памятной запиской, в которой высказывалось в пользу формирования, по меньшей мере, по «одной дивизии из поляков на каждом фронте русской армии»². В поисках военных резервов правительства Англии, США и Франции подготавливали создание «польской армии», которая сражалась бы под американским флагом на французском фронте. В эту армию предполагалось направить некоторое число солдат и офицеров – поляков из России³.

Подводя итог, следует отметить, что в течение весны 1917 г. единый взгляд на проблему формирования польской армии в России так и не был выработан. Вокруг Временного правительства кипела достаточно оживленная дискуссия, и сталкивались разные точки зрения. Правительству же, очевидно, недостаточно осведомленному обо всех нюансах проблемы, прихо-

¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1963. Т. 1. С. 76 – 78.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 328. Л. 137.

³ Там же. ЛЛ. 131, 138.

дилось действовать практически наугад, пользуясь экспертными оценками лиц, в той или иной степени ангажированных и заинтересованных в реализации вполне определенных проектов, рожденных не столько в русской, сколько в польской политической среде.

Николаев А.Б.

*Милиционеры перед Временным судом
(Петроград, март – июль 1917 г.)*

История Петроградской городской милиции, а также и ее борьба с преступностью в 1917 году, не обойдена вниманием отечественных исследователей. Некоторые из них приводят сведения о милиционерах, совершивших правонарушения¹. Историки отмечают, что в большинстве случаев эти милиционеры увольнялись от службы². Вместе с тем историки не пишут о том, что протоколы на милиционеров, совершивших правонарушения, передавались и в Петроградский временный суд. Осталось выяснить, сколько их было и какие приговоры были вынесены милиционерам этим судом. Укажем, что в статье не будут изучены дела милиционеров Петергофского района, переданные в Петергофский временный суд, т.к. он не входил в состав Петроградского временного суда.

Петроградская милиция, созданная в дни Февральской революции 1917 года, в марте 1917 года насчитывала 20 тыс. человек, а в июне была доведена до 4 тыс.³ Она первоначально отличалась весьма пестрым составом. Среди милиционеров были, в том числе и секретные сотрудники Петроградского охранного отделения, и лица с уголовным прошлым, а также и те, кто не обладал высокими моральными качествами и т.д. Многие из них за свои проступки в дальнейшем лишились своих должностей и даже понесли судебную ответственность. Так, выяснилось, что Ф.И. Ушаков, «который с первых дней революции по 9-е апреля состоял сначала членом Совета, затем помощником комиссара и, наконец, заместителем председателя Совета Василеостровской городской народной милиции» являлся секретным сотрудником Петроградского охранного отделения (кличка «Матвеев»)⁴. В начале апреля получило известность дело помощника начальника 24-го летучего отряда милиции Александрово-Невского района Шмуклера, который «соста-

¹ Аксенов В.Б. Милиция и городские слои в период революционного кризиса 1917 г. Проблемы легитимности // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 41; его же. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: Дис. ... к. ист. н. М., 2002. С. 69; Ерещенко Д.Ю. Преступность в Петрограде в 1914 – 1917 гг.: Дис. ... к. ист. н. СПб., 2003. С. 145 – 148; Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917 – 1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001. С. 36 – 37.

² См., напр.: Мусаев В.И. Указ. соч. С. 37.

³ Ерещенко Д.Ю. Указ. соч. С. 145, 151.

⁴ Письма в редакцию // Биржевые ведомости. 1917. 11 апреля (веч. вып.).

вил подложное требование от имени отряда в магазин фирмы “Скорород” с требованием 30 пар обуви». Требование было удовлетворено, Шмуклер, получив обувь, отправил ее не в отряд, а в провинцию, видимо, для продажи. 5 апреля 1917 г. это мошенничество было раскрыто, а Шмуклер арестован. Кстати, по сообщению «Биржевых ведомостей», начальник Петроградской городской милиции распорядился расформировать отряд¹. Газеты сообщали об уголовниках, служивших в милиции. «Российская республика» писала, что 24 мая 1917 г. в уголовную милицию прибыл милиционер 2-го Литейного подрайона Борнгардт, в котором был опознан лишенный прав и отбывающий шестилетнее тюремное заключение «за ряд мошенничеств и подлогов». Борнгардт был арестован. Любопытно, что он «состоял в милиции со дня революции»². Как видно, милицейское начальство так и не взглядело в Борнгардте бывшего уголовника. Иначе сложилась на первых порах милицейская карьера Н. Дроздова. По сообщению прессы, утром 9 мая «в уголовную милицию был доставлен в форме вольноопределяющегося задержанный на месте кражи зарегистрированный вор Н. Дроздов. В нем был опознан бывший милиционер 1-го Александро-Невского подрайона. «Биржевые ведомости» писали, что Дроздов был удален из милиции комиссаром по подозрению в совершении им ряда краж «у приходивших в комиссариат граждан». То, что комиссар 1-го Александро-Невского подрайона не сумел, во-первых, распознать в Дроздове уголовника, во-вторых, собрать на него материал о кражах у посетителей комиссариата для передачи дела во Временный суд, а ограничился лишь его увольнением из милиции, свидетельствовало о низких профессиональных качествах самого комиссара. Кстати, из уголовной милиции дело Дроздова было передано во Временный суд³.

Доставляли много хлопот и милиции, и временным судам т.н. «бывшие милиционеры». Например, в комиссариат 2-го Рождественского подрайона поступил запрос от начальника Петроградской городской милиции о милиционере И.К. Кузьмине. Помощник комиссара 17 марта 1917 г., отвечая на него, писал, что «милиционер Кузьмин был исключен из состава милиционеров ввиду не исполнения им его обязанностей и продолжительной неявки в комиссариат». Кроме этого, в этом письме сообщалось, что Кузьмин некоторое время по распоряжению министра юстиции А.Ф. Керенского находился под арестом в Николаевском госпитале. На момент же составления ответа на запрос начальника милиции Кузьмин был под арестом в Луге⁴. 24 апреля 1917 г. начальник милиции 3-го Рождественского подрайона обратился во Временный суд с просьбой привлечь бывшего милиционера Бориса Левина, отказавшегося после увольнения сдать повязку и удостоверение, «к ответ-

¹ Раскрытие мошенничества в летучем отряде милиции / Происшествия // Биржевые ведомости. 1917. 6 апреля (утр. вып.).

² Тоже милиционер / Происшествия // Российская республика. 1917. 25 мая.

³ Раскрытие злоупотреблений в комиссариатах // Биржевые ведомости. 1917. 9 мая (веч. вып.).

⁴ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 202. Л. 1.

ственности по ст. 29 Устава о наказаниях»¹. 26 апреля председатель Временного суда сообщил в комиссариат, что протокол по подсудности препроводил начальнику милиции города Петрограда². VII временный суд вызвал на заседание 10 июня к 11 час. утра милиционера Симакова (№ 3739), предупреждая, что «в случае неявки» он будет подвергнут «приводу»³. Как выяснилось, Симаков выбыл из состава милиции еще в апреле 1917 г.⁴ Комиссариат 2-го Лесного подрайона 11 июня 1917 г. препроводил во Временный суд протокол на бывшего милиционера Авдеева по обвинению его «в укрывательстве воров»⁵. А 16 июня комиссариат 2-го Рождественского района направил в XIX временный суд протокол на бывшего милиционера 1-го Рождественского подрайона по обвинению его в краже⁶.

В суточных милицейских рапортах содержатся сведения о действующих милиционерах, находившихся и в трезвом, и в нетрезвом виде, на которых были составлены протоколы, направленные во временные суды.

Что касается пьяных милиционеров, то записи о них встречаются в суточных рапортах достаточно часто. В рапорте комиссара 1-го Василеостровского подрайона за 8 и в ночь на 9 апреля 1917 г. указывается о задержании нетрезвого милиционера (повязка № 21844), дело о котором препровождено во Временный суд⁷. В суточном рапорте комиссара 3-го Московского подрайона за 8 и 9 апреля до 16 час. дня содержится запись об арестованном милиционере того же подрайона Дмитриии Зуеве (№ 35153), который «был в пьяном виде». Зуев был вызван в XIII временный суд 11 апреля «к часу дня»⁸. 27 апреля помощник комиссара 2-го Выборгского подрайона Панов во время обхода застал в гостинице «Выборг» пьяного милиционера Семена Федорова (№ 34749). 28 апреля протокол на Федорова был передан в VI временный суд. 29 апреля коллектив милиции 2-го Выборгского подрайона постановил отстранить Федорова от должности милиционера⁹. 15 мая на территории 3-го Спасского подрайона было задержано два пьяных милиционера того же подрайона: одного из них – Николаева – задержали на улице, а второго – в ресторане «Зеленка». Протоколы о них направлены в XX временный суд¹⁰. В этот же день в комиссариат 2-го Нарвского подрайона доставлен милиционер Ильин по обвинению в распитии ханжи. Протокол на Ильина вместе с ним направлен в XV временный суд¹¹. 23 мая в Большеохтенский комиссариат поступило заявление М.В. Хоревой (ул. Георгиевская, д. 23, кв. 15) о том, что милиционер Кондратьев с другими лицами пьянству-

¹ Там же. Д. 284. Л. 4.

² Там же. Л. 4 об.

³ Там же. Оп. 4. Д. 42. Л. 55.

⁴ Там же. Л. 55 об.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 99. Л. 89 об.

⁶ Там же. Д. 202. Л. 19 об. Фамилия бывшего милиционера написана неразборчиво.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 43. Л. 4.

⁸ Там же. Д. 123. Л. 2.

⁹ Там же. Оп. 4. Д. 57. Л. 48.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 220. Л. 26.

¹¹ Там же. Д. 135. Л. 29.

ет у Васютиной. Протокол на Кондратьева был препровожден в VII временный суд¹. 26 мая в комиссариате 2-го Нарвского подрайона составили протокол на милиционера 3-го Нарвского подрайона Кузьму Владимирову, «обв[иненного] в появлении на улице в пьяном виде». Протокол на Владимирову направлен в XV временный суд². В суточном рапорте комиссариата Крестовского района за 11 – 12 июня сообщалось о задержании пьяного милиционера 1-го подрайона Петроградской стороны М. Валкхмана, протокол на которого направлен в XVII временный суд³. 27 июня в комиссариат 3-го Нарвского подрайона «был доставлен в нетрезвом виде» милиционер 2-го Александро-Невского подрайона Андрей Мельников. Протокол о нем был отправлен в XV временный суд⁴. 29 июня составлен протокол на милиционеров Королева и Федорова, доставленных в тот же комиссариат «в сильно нетрезвом виде». Протокол о них передан тоже в XV временный суд⁵. 2 июля с Суворовского пр. в комиссариат 3-го Рождественского подрайона был доставлен милиционер Охтинского района А.И. Алешин (удостоверение № 28488). После того, как Алешин протрезвел, его отпустили с обязательством явиться во Временный суд. В рапорте указано, что «о случае будет сообщено комиссару Охтенского района»⁶. 18/19 июля 1917 г. в комиссариате 2-го Рождественского подрайона составлен протокол на задержанного в пьяном виде милиционера того же подрайона Александра Ивановича Шлилева. Протокол направлен в XIX временный суд, а Шлилев уволен от службы⁷.

Среди милиционеров, задержанных и отданных под суд по «пьяным делам» были и те, кого обвиняли в скандальном и буйном поведении⁸. Так, 4 июня 1917 г. пьяный милиционер 4-го Литейного подрайона Павел Баранов производил на Спасской площади скандал, за что и был доставлен в комиссариат 3-го Литейного подрайона. Протокол о нем комиссариат направил в X временный суд⁹. В милицейском рапорте 3-го Петроградского подрайона за 17 и 18 июня значится задержанный за пьянство и буйство милиционер рабочей организации Ратников (повязка № 25950). При задержании от него была отнята винтовка. Протокол, составленный в комиссариате, направлен в XVI временный суд¹⁰. 3 июля в 1-м Александро-Невском подрайоне был задержан старший милиционер Смирнов «в нетрезвом состоянии за буйство

¹ Там же. Д. 151. Л. 25 об.

² Там же. Д. 135. Л. 40 об.

³ Там же. Д. 91. Л. 5 об.

⁴ Там же. Д. 139. Л. 45.

⁵ Там же. Л. 46 об.

⁶ Там же. Д. 206. Л. 28.

⁷ Там же. Д. 202. Л. 52 об.

⁸ 21 мая 1917 г. был задержан в состоянии сильного опьянения у себя на квартире милиционер 3-го Рождественского подрайона Михаил Мишин, который «сильно буйствовал». В комиссариате того же подрайона протокол на него по неизвестным причинам составлять не стали (ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 206. Л. 7).

⁹ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 111. Л. 17.

¹⁰ Там же. Д. 182. Л. 59.

в магазине Чистякова». Протокол о нем передан во Временный суд¹. В сучетном рапорте комиссариата Большеохтинского района за 6 июля содержится запись о милиционере Смирнове (№ 37391) (Ст. Всеволожская, ул. Сергиевская, д. Тробинова), который «на Пороховской ул. в пьяном виде производил беспорядки». Протокол на Смирнова отправлен в VII временный суд, а сам «милиционер уволен от службы»². В ряде случаев дела о пьяных милиционеров во Временный суд не передавались³, а решения по ним принимались, например, коллективами милиции⁴.

Пьяные милиционеры занимались самоуправством, кражами, оскорбляли граждан, грозили им оружием и даже применяли его. Так, 21 апреля 1917 г. в комиссариате 2-го Выборгского подрайона был составлен протокол о скандале, который произошел в чайной (ул. Сердобольская, д. 70/25) между солдатом Иосифом Иосифовичем Вериго, начальником летучего отряда милиции завода Новый Лесснер и рабочим В. Чичваркиным. По словам владельца чайной Т.С. Рябова, Вериго и Чичваркин пришли в чайную «часов в 9 утра» «подвыпившими», заказали чай и ушли играть на биллиарде. Через некоторое время Вериго стал кричать, что у него пропал револьвер, обвинив, видимо, в пропаже Чичваркина. Владелец чайной, видя, что скандал ему самому не остановить, отправился за милицией. Вериго показал, что когда он обнаружил пропажу револьвера, то «никого не выпускал из чайной до прихода милиции». Вериго говорил: «Чичваркин меня стал толкать в грудь и тогда я задержал его». Чичваркин утверждал, что пришел в чайную один и был в нетрезвом состоянии. По его словам, «Вериго был пьяный». Чичваркин также показал, что во время обыска Вериго похитил у него из кармана «расчетную книжку завода Струк[,] в которой было 56 руб. денег». Протокол был направлен 25 апреля в VI временный суд⁵. 2 мая в том же комиссариате был составлен протокол на помощника начальника милиции завода Новый Лесснер Федора Дмитриева и солдата запасного батальона гв. Московского полка Ивана Дмитриева. По словам милиционера Иванова, Федор Дмитриев «шел в нетрезвом виде (по Нейшлотскому пер. – А.Н.) и держал револьвер в руке с взведенным курком», «револьвер был заряжен». Когда милиционеры попросили Ф. Дмитриева пройти в комиссариат, то за него вступился солдат

¹ Там же. Д. 32. Л. 53.

² Там же. Д. 151. Л. 96.

³ 21 мая 1917 г. был задержан в состоянии сильного опьянения у себя на квартире милиционер 3-го Рождественского подрайона Михаил Мишин, который «сильно буйствовал». Протокол на пьяного милиционера Мишина составлен не был (ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 206. Л. 7).

⁴ Так, 26 апреля 1917 г. в комиссариат 2-го Выборгского подрайона был доставлен милиционером 4-го Гаванского подрайона И. Гасиловым милиционер Василий Зайцев (№ 34878), арестованный на Васильевском острове «пьяным с винтовкой». Протокол на Зайцева был передан 27 апреля в коллектив милиции. На протоколе стоит пометка – «уволен» (ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 4. Д. 57. ЛЛ. 68 – 68 об.). Можно предположить, что Василий Зайцев был уволен по решению коллектива милиции 2-го Выборгского подрайона.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 4. Д. 57. ЛЛ. 127 – 127 об.

И. Дмитриев, «говоря, что вас [-] милиционеров [-] завтра не будет». Федор Дмитриев, объясняя свое поведение, заявил, что накануне он «производил аресты в Нейшлотском пер.», «а сегодня, проходя в 11 часов вечера со свадьбы в нетрезвом виде», опасаясь нападения со стороны хулиганов, «вынул револьвер и взвел курок». 3 мая протокол на Федора и Ивана Дмитриевых был передан в VI временный суд¹. В суточном рапорте комиссара I Александро-Невского подрайона за 10 – 11 мая 1917 г. указывалось, что солдатом был доставлен милиционер Ильин «за пьянство, буйство и угрозу револьвером». Протокол на Ильина передан во Временный суд². В рапорте не указаны ни имя милиционера, ни подрайон, в котором он служил. 14 мая 1917 г. в комиссариат Полюстровского подрайона милиционерами Строгановым и Н. Ефимовым был доставлен в пьяном виде милиционер 1-го Выборгского подрайона Василий Ильин (№ 3457). Он был задержан на Александровской ул. «по просьбе публики». По словам полюстровских милиционеров, «Ильин придирался к прохожим и угрожал револьвером». Когда же милиционеры Строганов и Ефимов отобрали от Ильина револьвер системы «Браунинг», то он два раза ударил по лицу Строганова³. «Браунинг», удостоверение на право приобретения, хранения и ношения оружия, а также милицейская повязка были переданы в 1-й Выборгский подрайон⁴. Милиционеры-рабочие комиссариата Полюстровского подрайона 15 мая направили письмо с копией протокола, составленного на милиционера Ильина, рабочего Петроградского металлического завода, на заключение Совета старост этого предприятия. В письме сообщалось, что Ильин по доставлении в комиссариат Полюстровского подрайона «вел себя не как милиционер-рабочий, а скорее как хулиган». Милиционеры-полюстровцы также предупредили, что протокол во Временный суд не будет направлен до принятия решения по Ильину Советом старост. Авторы письма просили дать заключение: «отправлять ли протокол в суд или же Совет старост применит к Ильину, как к рабочему, какую-либо иную меру воздействия»⁵. В тот же день комиссариат Полюстровского подрайона обратился в комиссариат 1-го Выборгского подрайона с письмом, в котором сообщил, что копия с протоколом о милиционере Ильине направлена в Совет старост Петроградского металлического завода «с просьбой о рассмотрении этого дела». Кроме этого, в письме сообщалось, что Ильин вел себя в комиссариате «как хулиган, поэтому просим принять меры к изъятию его из среды милиционеров, т.к. он[,] по нашему мнению[,] не достоин носить звание милиционера, а тем более рабочего района»⁶. Не дожидаясь решения Совета старост, помощник комиссара О. Игнатович препроводил копию отношения Полюстровского подрайона и копию с копии протокола на Ильина в VII Временный суд с просьбой рассмотреть это

¹ Там же. Д. 58. ЛЛ. 12 – 12 об.

² Там же. Оп. 1. Д. 32. Л. 4.

³ Там же. Оп. 4. Д. 30. Л. 163.

⁴ Там же. Л. 163 об.

⁵ Там же. ЛЛ. 164 – 164 об.

⁶ Там же. Л. 165.

дело. Игнатович от себя добавил, что «Ильин и в 1-м Выборг[ском] подр[айоне] вел себя буйно и вообще неоднократно был замечен в скандалах»¹. В комиссариат 3-го Нарвского подрайона 2 июня 1917 г. был доставлен из Екатеринбургского сада милиционер 3-го Каменноостровского подрайона Александр Александров. Он, находясь в нетрезвом состоянии, оскорбил Екатерину Хотову. Протокол на Александра направлен в XV временный суд². 12 июня в комиссариате 2-го Василеостровского подрайона был составлен протокол на милиционера того же подрайона Николая Абрамовича Абрамова (повязка № 585) за появление на улице в нетрезвом виде и стрельбу из револьвера. Протокол на Абрамова передан в IV временный суд³. В рапорте комиссара 1-го Казанского подрайона за 17 и 18 июня сообщалось о заявлении младшего унтер-офицера л.-гв. Павловского полка А. Васильева на милиционера того же подрайона Павлова, который «будучи сильно в нетрезвом виде, задержал Васильева без всякого к тому повода и доставил в комиссариат». Заявитель также указал, что милиционер «грубо с ним обходился и грозил застрелить». Протокол на Павлова направлен во Временный суд⁴. В рапорте комиссариата 1-го Коломенского подрайона за 20–21 июня есть запись о составлении протокола на милиционера 2-го Адмиралтейского подрайона Шумахера, который в нетрезвом виде влез к своему товарищу милиционеру Вишневному «в окно квартиры и взял у него винтовку». Дело о Шумахере комиссариат направил в IX временный суд⁵. В рапорте комиссара 2-го Нарвского подрайона за 7 июля сделана запись о доставке в комиссариат милиционера 1-го Нарвского подрайона Григория Гришина (повязка № 30), который обвинялся «в буйстве в пьяном виде и в выстрелах на улице». Дело о нем комиссар передал в XV временный суд⁶. 10 июля милиционер 3-го Нарвского подрайона Викентий Францевич Стрельчик преследовал девочку «лет 9-ти с шашкой вынутой наголо, будучи в нетрезвом виде». В комиссариате 2-го Нарвского подрайона на него был составлен протокол, направленный в XV временный суд⁷.

Теперь о трезвых милиционерах, протоколы на которых за совершение тех или иных правонарушений были препровождены во Временный суд. Единственным раз в милицейском делопроизводстве встречается запись о деле, связанном с проигранным спором. Обстоятельства возникновения его таковы: 17 мая 1917 г. милиционер Шемякин (повязка № 17674), стоя на посту, поспорил на 10 рублей с милиционером Спиридоновым (повязка № 17725). Шемякин спор проиграл, 10 рублей Спиридонову отдал, но плату признал не правильной и решил судиться с товарищем. В комиссариате 1-го Александро-Невского подрайона был составлен протокол, отправленный во

¹ Там же. Л. 166.

² Там же. Оп. 1. Д. 139. Л. 27.

³ Там же. Д. 51. Л. 25.

⁴ Там же. Д. 70. Л. 37.

⁵ Там же. Д. 82. Л. 27.

⁶ Там же. Д. 135. Л. 99.

⁷ Там же. Д. 135. Л. 105 об.

Временный суд¹. Это, пожалуй, самое безобидное дело, по которому в качестве обвиняемого проходил милиционер.

Установлен случай, когда милиционер нарушил правило входа в трамвай. В суточном рапорте за 23 мая 1917 г. указывается, что в Большеохтинский комиссариат был доставлен милиционер Лесного подрайона Степанов за то, что он, «нарушив правила[,] вошел в вагон с женщиной с передней площадки». Протокол препровожден в VII временный суд².

Милиционеры наказывались и за доношительство. В частности, 5 июня 1917 г. из Большеохтинского комиссариата в VII временный суд препровождено заявление Г.Д. Морякова (ул. Георгиевская, д. 45, кв. 4) и И.Н. Зарина (ул. Георгиевская, д. 45) на милиционера Голубева (ул. Георгиевская, д. 45, кв. 11), который «не донес в милицию», «о скандале[,] происшедшем в доме»³.

Милиционеры нарушали общественный порядок, устраивая скандалы, неправомерно используя угрозу оружием или применяя его, занимаясь самоуправством. Так, в 10 часов вечера 16 марта 1917 г. милиционер Орудийного завода Петр Константинов был задержан в столовой (Васильевский остров, 3-я линия, д. 4) «за дебош и скандал». Константинов «вместе с протоолом» отправлен из комиссариата 1-го Василеостровского подрайона в V временный суд⁴. 5 мая 1917 г. контролерша Городского лабаза № 2 Мария Ефимовна Лившиц подала заявление в комиссариат 3-го Спасского подрайона «по поводу грубого обращения милиционера Бродского». Протокол на Бродского предполагалось направить во Временный суд⁵. 14 мая в комиссариате 2-го Выборгского подрайона составлен протокол на милиционера Дометина по заявлению Сусанны Михайловны Руберт. Заявительница обвинила милиционера в том, что он приставал к ней и грозил застрелить. Дометин был временно отстранен от службы, а протокол отправлен в VI временный суд⁶. 20 мая 1917 г. в Общественном градоначальстве было зарегистрировано заявление жителей Песков Московского района, в котором сообщалось о «варварском» отношении милиционеров против очереди, стоявшей 16 мая у городской лавки № 37 на ул. Мытнинской⁸ (угол 8-й Рождественской и Мытнинской улиц⁹). Заявители писали: «в восьмом часу утра милиция велела дворникам обливать народ из пожарной кишки и разогнала хвост. Многие от страха падали, давили друг друга, беременные женщины захворали». 1 июня заявление было препровождено в комиссариат 1-го Рождественского подрайона¹⁰. Милиционер Александр Болеславович Билевич (№ 33472)

¹ Там же. Д. 37. Л. 22.

² Там же. Д. 151. Л. 24.

³ Там же. Л. 45 об.

⁴ Там же. Д. 43. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 220. Л. 17.

⁶ Там же. Д. 63. Л. 16.

⁷ Там же. Д. 273. Л. 127.

⁸ Там же. ЛЛ. 126 – 126 об.

⁹ Там же. Л. 129.

¹⁰ Там же. Л. 126.

позднее показал, что очередь обливали водой мальчишки, которые отняли шланг от дворника. Билевич подчеркнул, что мальчишки, по просьбе людей, стоявших в конце очереди, поливали водой «стоявших впереди». Кроме этого, он заявил, что распоряжение поливать «публику водой не исходило ни от одного милиционера»¹. Милиционер Степан Александрович Астанович признался в том, что, когда он отнимал шланг, тот лопнул и обдал водой «стоявших вокруг людей»². 6 июня комиссар 1-го Рождественского подрайона сообщил в Управление начальника Петроградской городской милиции, что «изложенный в анонимном заявлении факт частично имел место», а дело передано в XIX временный суд³. 22 мая в 4 часа дня в Удельнинском парке был задержан милиционер Трубочного завода Иван Макарович Горанчаков «за стрельбу в цель в многолюдном месте». Милиционер представил удостоверение на право ношения оружия и был освобожден. Протокол же, составленный в комиссариате Коломенского района, препровожден в XVI временный суд⁴. 4 июня в комиссариат 3-го Литейного подрайона доставили милиционера 1-го Литейного подрайона Мирона Маличева, на которого подал заявление извозчик. Конфликт возникло из-за того, что Маличев отказался оплатить проезд и грозил извозчику револьвером. Протокол на милиционера Маличева комиссариат направил в X временный суд⁵. В 2 часа ночи 8 июня в комиссариат 3-го Казанского подрайона доставлен милиционер 2-го Адмиралтейского подрайона Сергей Иванов (знак № 28760), который попытался войти с револьвером в руках в казармы 3-го стрелкового полка, «не имея на то разрешение и не смотря на не допуск его в казармы, стоявшим у ворот дневальным». В комиссариате составили протокол, препровожденный в VIII временный суд⁶. В суточном рапорте комиссариата 1-го Коломенского подрайона за 18–19 июня сообщалось о составлении протокола на милиционера Гандлина «по обвинению его в неисправных действиях, выражающихся в неправильном арестовании гражд[анина] Вершинина[,] бывшего в нетрезвом виде». Среди заявителей и свидетелей по делу Гандлина указан милиционер Коломенского района Сидоров (№ 13046). Протокол направлен в IX временный суд⁷. 1 июля в комиссариате 1-го подрайона Петроградской стороны был составлен протокол на милиционера рабочей организации С.С. Верещагина «за самоуправство и возбуждение толпы при продаже сливочного масла по Зверинской ул.», которая осуществлялась под наблюдением представителя продовольственного комитета. Протокол на Верещагина направлен во Временный суд⁸. 6 июля в комиссариат 1-го подрайона Петроградской стороны явилась Ольга Игнатьевна Богданова, которая подала заявление «об оскорблении ее милиционером № 3702»,

¹ Там же. Л. 127.

² Там же. Л. 127 об.

³ Там же. Л. 128.

⁴ Там же. Д. 90. Л. 18.

⁵ Там же. Д. 111. Л. 17.

⁶ Там же. Д. 78. ЛЛ. 68 – 68 об.

⁷ Там же. Д. 82. Л. 24а об.

⁸ Там же. Д. 173. Л. 150.

находившегося у очереди на Большой Пушкарской улице. Протокол об оскорблении Богдановой комиссариат направил во Временный суд¹. 7 июля комиссариат 2-го Рождественского подрайона принял заявление Елизаветы Корниловой, Ольги Колгановой, Матрены Михайловой и Эдуарда Поздило «на грубое обращение» милиционера того же подрайона Емельянова. Протокол на Емельянова передан в XIX временный суд². В суточном рапорте с 12 час. дня 12 июля и до 12 час. дня 13 июля комиссариата 3-го Василеостровского подрайона в разделе «Случаи по милиции» содержится запись о заявлении Веры Васильевны Пименетти «о безобразном поведении на ее квартире и оскорблении словами» милиционером того же подрайона Ютиным. Заявление Пименетти «в порядке частного обвинения по 131 ст. Уст[ава] о нак[азаниях]» препровождено в IV временный суд. Комиссар никаких мер дисциплинарного характера по отношению к милиционеру не принял, дожидаясь решения Временного суда³. 23 июля в саду «Олимпия» задержан «за буйство» милиционер 2-го Казанского подрайона Сергей Иванович Васин. В комиссариате 4-го Московского подрайона на него составили протокол, направленный в XIII временный суд. Копия его была отправлена и в комиссариат 2-го Казанского подрайона⁴. Заметим, что во всех приведенных случаях в милицеских рапортах не указывается на то, что милиционеры находились в нетрезвом состоянии.

Милиционеры совершали нарушения по службе при охране различных объектов. В ночь с 11 на 12 апреля 1917 г. при дежурстве милицеского наряда из Резерва в винном складе № 1 Акцизного управления милиционер Георгий Марков (№ 1823) произвел три выстрела. При расследовании выяснилось, что Марков и милиционер Тоффало (№ 18236) напились спиртом, а «выстрелы были произведены в нетрезвом виде». Комиссар резерва Петроградской городской милиции сообщил начальнику милиции Д.А. Крыжановскому, что солдаты Марков и Тоффало «были приняты в состав резерва по рекомендации выборного комитета при Военно-окружном управлении по квартирному довольствию войск П[етроградского] военного округа». Марков и Тоффало были исключены из состава резерва, а дела о них переданы во Временный суд⁵. 26 апреля в комиссариате 2-го Выборгского подрайона был составлен протокол на милиционера Крестьянова, который должен был стоять на посту у ворот комиссариата с 12 час. ночи и до 8 час. утра, но в 5 час. утра оставил пост и ушел домой спать. Протокол на Крестьянова был передан в VI временный суд⁶.

Милиционеры оказывались перед Временным судом за нарушения по службе, в результате которых арестованные и осужденные лица оказывались на свободе. Так, 15 мая 1917 г. в комиссариате 2-го Нарвского подрайона

¹ Там же. Л. 83 об.

² Там же. Д. 202. Л. 40.

³ Там же. Д. 51. Л. 51 об.

⁴ Там же. Д. 127. Л. 36.

⁵ Там же. Д. 16. Л. 8а.

⁶ Там же. Оп. 4. Д. 57. ЛЛ. 68 – 68 об.

был составлен протокол на милиционера Климента Феликсовича Шефа по обвинению «в незаконном поступке по службе» – «отпустил арестованного». Протокол направлен в XV временный суд¹. 22 июня во 2-м Спасском подрайоне составлено 2 протокола на милиционеров, первый из них – Адамович (№ 18292) – упустил обвиняемого по делу № 1146 Исидора Ивановича Брейниковского, а второй – Ясинский (№ 18311) – обвиняемую по делу № 1143 Александру Ивановну Федорову. Протоколы на милиционеров отправлены в IX временный суд². 6 июля милиционер 2-го Московского подрайона Зайцев небрежно отнесся к своим служебным обязанностям, в результате чего совершили побег Васильева и Малцужинский. Протокол на Зайцева направлен в XIII временный суд³.

Отклик в прессе получило дело о покровительстве тайной виноторговле со стороны, в том числе, и комиссара 1-го Московского подрайона Николая Андреевича Опделя. Дело возникло следующим образом: 25 марта в комиссариат 1-го Московского подрайона явились служители Николаевского военного округа Василий Мухин и Дмитрий Варигин, которые сообщили помощнику комиссара о том, что в одной из квартир в д. 22 по Николаевской ул. производится торговля вином и «спрятано такого более 20-ти ящиков». Заявители просили произвести обыск или дать им ордер и милиционеров, обещая все в точности указать. Помощник комиссара выдал ордер на обыск одному из милиционеров и он, в сопровождении заявителей, отправился по указанному ими адресу. Но в квартиру № 6, где проживала владелица нескольких трактиров Анисья Ивановна Наумова, их не пустили. Наумова обратилась с просьбой о помощи к живущему в квартире на той же лестничной площадке гласному Петроградской городской думы Н.П. Зеленко. Тот «не долго думая, вызвал из расположенного против д. 22 военного гаража человек двадцать солдат, предупредив их, что надо арестовать грабителей». Прибывшие солдаты задержали заявителей и студента-милиционера и доставили их в комиссариат. Комиссар Оппель приказал арестовать заявителей и милиционера. Помощник комиссара приказ Опделя выполнил, но заметил, что «обыск все-таки следовало произвести и пока что опечатать квартиру». Зеленко и Оппель на это предложение помощника комиссара ответили, что «ручаются своими головами за лживость заявителей». Милиционеры и помощник комиссара, «видя подозрительное отношение к делу своего комиссара, постановили третейским судом устранить Опделя и обыск у Наумовой [...] произвести». На следующий день милиционер и заявители были освобождены, а обыск у Наумовой произведен. В результате его было найдено 57 ящиков вина⁴. 7 апреля «Маленькая газета» сообщала, что Оп-

¹ Там же. Оп. 1. Д. 135. Л. 29.

² Там же. Д. 216. Л. 17.

³ Там же. Д. 119. Л. 68.

⁴ Уайт Дж. Тайные виноторговцы – Зеленко, Оппель, Наумова и Ко // Маленькая газета. 1917. 5 апреля.

пель «за всю эту грязную историю» «был немедленно же устранен от должности комиссара», а дело о нем и Зеленко передано во Временный суд¹.

Милиционеры совершали и другие правонарушения, за которые попадали во временные суды в качестве обвиняемых. Так, 29 мая в комиссариате II Василеостровского подрайона был составлен протокол на милиционера 4-го подрайона Петроградской стороны, задержанного «с подложным рецептом, подписью и печатью» комиссариата 1-го Василеостровского подрайона. По этому рецепту милиционер пытался получить алкогольные напитки. Протокол направлен во Временный суд². 17 июля в комиссариате I Рождественского подрайона составлен протокол о покупке спирта милиционерами 5-го Александро-Невского подрайона Семеном Филипповичем Филипповым и Тимофеем Дмитриевым. Об их проступке было сообщено в комиссариат 5-го Александро-Невского подрайона, а дело передано в XIX временный суд³. Милиционеры в некоторых случаях сами занимались хранением и продажей политуры⁴, а также производством и продажей ханжи⁵. Так, 21 мая 1917 г. в Большеохтинский комиссариат был доставлен вместе с другими лицами милиционер Выборгского района Василий Матвеев, жилец кв. 1, д. 8 – 49 по ул. Чернавской, «за хранение и продажу политуры». Протокол, составленный в комиссариате, был препровожден в VII временный суд⁶. Известность получило дело милиционера заводской милиции Петра Худякова (ул. Большая Болотная, д. 8, кв. 17), на которого в комиссариате 2-го Рождественского подрайона 29 июня был составлен протокол о том, что он варит ханжу и торгует ею. Протокол направлен в XIX временный суд⁷. Кстати, об этом деле сообщали петроградские газеты. «Маленькая газета», объясняя причины, по которым Худяков занялся варкой и продажей «ханжи», писала, что ему милиционное жалование «показалось маловатым»⁸. «Новое время» утверждало, что милиционер открыто продавал «ханжу», «пользуясь своим “милицейским” положением»⁹. «Петроградская газета» рассказала, что при обыске на квартире Худякова «были найдены приспособления для варки “ханжи”»¹⁰. Заметим, что ни в милицейском делопроизводстве, ни в периодической печати нет сведений о том, какие приговоры вынесли временные

¹ Укрыватели // Маленькая газета. 1917. 7 апреля.

² ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 43. Л. 63.

³ Там же. Д. 198. Л. 33. В поисках алкоголя милиционеры шли на незаконные обыски. В частности, Александр Добряков заявил 8 или 9 апреля о том, что к нему (Обводный кан., д. 56, кв. 2) пришли два милиционера с обыском, требуя политуру (ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 123. Л. 2) Чем закончился обыск, сказать трудно, т.к. запись в суточном рапорте комиссара 3-го Московского подрайона об этом происшествии сделана неразборчивым почерком.

⁴ Политура – спиртовой лак, употребляемый при полировке.

⁵ Ханжа – алкогольный напиток на основе денатурированного спирта, лака или политуры.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 151. Л. 19.

⁷ Там же. Д. 202. Л. 31.

⁸ Приватное занятие / Случаи и происшествия // Маленькая газета. 1917. 2 июня;

⁹ Происшествия / Хроника // Новое время. 1917. 7 июля.

¹⁰ Милиционер-винокур / Происшествия // Петроградская газета. 1917. 4 июля.

суды ни по делам милиционеров, пытавшихся тем или иным способом приобрести алкогольные напитки, ни по делу милиционера П. Худякова.

Милиционеры проходили также по антисемитским и политическим делам. Так, 6 июля 1917 г. в комиссариате 2-го Лесного подрайона составили протокол на милиционера того же подрайона Крылова по обвинению его «в распространении антисемитских убеждений». Протокол был направлен во Временный суд¹. В рапорте комиссариата 1-го Казанского подрайона за 25 и 26 мая сообщается о протоколе, составленном на милиционера 4-го Нарвского подрайона М. Новикова, по обвинению его в том, что «он проповедовал взгляды Ленина и угрожал толпе револьвером». Милиционер был задержан и доставлен в комиссариат моряками, пропагандирующими «Заем свободы» и другими гражданами. Протокол на Новикова направлен в VIII временный суд². По сообщению «Нового времени», М. Новиков пропагандировал взгляды Ленина и призывал толпу к бойкоту «Заема свободы» во время уличного митинга, который проходил на углу Невского пр. и Казанской ул.³ В комиссариате I Коломенского подрайона 14/15 июля по заявлению Петра Гаврилова (Дровяной пер., д. 8, кв. 15) составлен протокол на милиционера 2-го Василеостровского подрайона Степана Карнягина (удостоверение № 149) (В.О., Малый пр., д. 48, кв. 14) по обвинению его в оскорблении «военно-морского министра гражд[анина] Керенского. Протокол направлен в IX временный суд⁴.

Укажем, что о том, какие приговоры вынесли временные суды по делам об указанных выше милиционерах, совершивших нарушения по службе, в милицейских протоколах и газетах не сообщалось.

Временные суды в ряде случаев или оставляли дела о милиционерах без последствий, или отказывались их рассматривать из-за нарушения подсудности. Известность получил случай с милиционером Скугаревским, который во время обыска Козыбаева, ночевавшего в одной из гостиниц Коломенского района, изъял у него несколько ломбардных квитанций. Утром Скугаревский явился в ломбард и попытался выкупить не принадлежащие ему вещи. Управляющий ломбардом задержал милиционера и доставил его в комиссариат 4-го Спасского подрайона, откуда он вскоре был освобожден. Потерпевший подал заявление во Временный суд на милиционера, но суд «оставил дело без последствий»⁵.

Оказался перед Временным судом в качестве обвиняемого комиссар 2-го Нарвского подрайона. Начало этому делу было положено 20 марта 1917 г. В этот день у Натальи Ильиной, проживающей по ул. Лейхтенбергской, д. 3д, комната № 36, милиционеры 2-го Нарвского подрайона произвели обыск и изъяли принадлежащие ей «вещи, состоящие из полотна льняного, пару-

¹ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 99. Л. 84.

² Там же. Д. 70. Л. 22.

³ Арест милиционера-«ленинца» / Происшествия / Хроника // Новое время. 1917. 28 мая.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 82. Л.

⁵ «Подвиги» всесильной милиции // Маленькая газета. 1917. 30 июня.

сины, мадаполаму и пары белья мужского»¹. 25 апреля XIV временный суд оправдал Ильину и «постановил возратить ей отобранные вещи». Но комиссар II Нарвского подрайона отказался исполнить приговор Временного суда, сославшись на то, что «кладовые, где хранились вещи, взломаны и вещи похищены неизвестными лицами». Ильина тогда «предъявила гражданский иск во Временный суд о взыскании [с] комиссара 2-го Нарвского подрайона за утраченные ее вещи, которые были отобраны милицией». Временный суд, по словам Ильиной, постановил «дело передать начальнику милиции»².

Известны обвинительные приговоры всего лишь по трем милицейским делам. Так, VII временный суд препроводил 12 апреля за № 267 начальнику Городской милиции удостоверение № 18056 милиционера Охтинского участка Выборгского района Ивана Ивановича Терентьева³, приговоренного «за появление в нетрезвом виде к аресту на две недели»⁴.

К. Антипов, рассказал о случае со студентом-милиционером, который, охраняя винный погреб, «не выдержал и хлебнул лишнее». Во время судебного процесса выяснилось, что «обвиняемый принимал участие в политическом движении, был, по терминологии полиции, “неблагонадежным”». Председатель Временного суда предложил приговорить милиционера к неделе ареста. Но выборный судья от рабочих обратил внимание «на интеллигентность и политическую идейность обвиняемого», что, по мнению судьи, «предполагает известную нравственную высоту». В связи с этим судья от рабочих предложил «наказание повесить вдвое»⁵, т.е. приговорить студента-милиционера к двум неделям ареста.

Среди документов комиссариата 2-го Казанского подрайона есть справка о милиционере 2-го Нарвского подрайона Николае Платоновиче Платонове (повязка № 39560), который 15 апреля 1917 г. был задержан и доставлен в комиссариат «за покушение на кражу со взломом д. № 3[,] кв. 1 по Мещанской улице». 17 апреля милиционер Платонов был отправлен вместе с протоколом в VIII временный суд, который приговорил его «на один год и шесть месяцев тюремного заключения». В этот же день он был препровожден в Петроградское исправительное отделение (Петроградская сторуна, ул. Пеньковская) «для отбытия срока наказания»⁶.

Таким образом, можно утверждать, что протоколы о милиционерах Петроградской городской милиции передавались в ряде случаев во Временный суд. Всего таких милиционеров за март – июль 1917 г. оказалось 66 человек. Учитывая многотысячный состав Петроградской городской милиции, число милиционеров, совершивших правонарушения и оказавшихся перед Временным судом, совершенно незначительно. Например, в июне

¹ Ильина оценила вещи, отобранные у нее милицией, в 150 руб. 75 коп. (ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 3. Д. 21. Л. 84).

² ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 3. Д. 21. Л. 84.

³ Удостоверение датировано 13 марта 1917 г. (ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 2. Л. 13).

⁴ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

⁵ Антипов К. В камере Временного суда (с натуры) // Рабочая газета. 1917. 26 марта.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 74. Л. 16.

1917 г. во Временный суд было направлено протоколов на 19 милиционеров, что составляет 0, 475 % от общего состава Петроградской городской милиции. Наибольшее количество правонарушений, совершенных милиционерами, относятся к т.н. «пьяным делам» – пьяные милиционеры, пьяные и буйные и т.д., всего 28 человек. Насколько можно судить по выявленным обвинительным приговорам, временные суды не делали поблажек милиционерам, а даже удваивали сроки наказания за интеллигентность и идейность. Вместе с тем настораживает тот факт, что известно только три обвинительных приговора по милицеским делам. Не исключено, что временные суды, получив из комиссариатов протоколы на милиционеров, направляли их начальнику Петроградской городской милиции.

Соколов А.В.

Законность или революционное правотворчество: попытка реквизиции имущества Варнавинского народного общества трезвости (апрель – июнь 1917 года)

В условиях революции сила права неминуемо уступает праву силы, а законность подменяется революционным правотворчеством. Так и после Февраля, несмотря на заявления Временного правительства о сохранении в силе всех действующих норм закона, «не противоречащих новому строю», события как в центре, так на местах разворачивались совершенно по иному сценарию. Всевозможные революционные органы власти стремились навести «порядок», исходя из своих собственных представлений о должном, и, кроме того, появились широкие возможности для действий криминальных элементов, часто прикрывавшихся красивыми лозунгами.

Однако Февраль 1917 г. был не просто отрицанием «старого режима», но он на короткий момент объединил население бывшей империи в надежде на создание нового, свободного и в то же время справедливого общества. Глашатаями этих идеалов выступили, прежде всего, представители социалистических партий, и именно социалистические идеи получили широчайшее распространение, оттесняя «буржуазные», а «праздники социалистического движения воспринимались как официальные государственные праздники новой России»¹. «Всепартийные» (в рамках социалистического спектра) или зачастую даже «внепартийные» Советы образца 1917 г., которые еще не стали ширмой для легитимации решений верхушки одной партии, были определенной попыткой реализации провозглашаемых идеалов. И выбор между «законностью» и «революционным правотворчеством» для советских деятелей нередко представлял собой трудноразрешимую проблему. И если, например, Советы на местах не видели ничего зазорного в отчуждении чьей-

¹ Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Анатомия революции. СПб., 1994. С. 191.

либо собственности (особенно, принадлежащей представителям эксплуататорских классов) для «народных» целей, то среди высших советских лидеров в Петрограде и Москве нередко звучали призывы к необходимости соблюдения законности (во имя справедливости) и недопустимости произвольных реквизиций. В этой связи характерен случай с попыткой занятия здания православного Варнавинского народного общества трезвости на Семеновской площади в Москве, вызвавший разбирательство в Московском Совете рабочих депутатов.

Варнавинское общество было создано в начале XX в., его целями провозглашались ограждение населения от пьянства и приобщение его к церковной жизни. После Февраля руководители Общества – иеромонах Алексей и миссионер Н.Ю. Варжанский – предоставили помещение Общества для периодических заседаний Благуше-Лефортовского районного Совета рабочих депутатов. Но через месяц, когда миссионеры решили активизировать свою деятельность, в отношениях между Обществом и Советом возникла напряженность из-за дальнейшего использования зала собраний. Кто именно стал инициатором разногласий – неизвестно, но в сохранившихся материалах Совета вся вина, конечно же, возлагается на Общество. В частности, там говорится, что предоставлением помещения революционной организации духовные отцы пытались избежать закрытия Общества и преследований за их прежнюю промонархическую деятельность. А, якобы, убедившись, в собственной безопасности, церковники пожелали избавиться от уже ненужных насельников, мотивируя это необходимостью ремонта и целевого использования здания¹. Это вполне возможно, но очевидно, что и сам Совет был не прочь завладеть данной недвижимостью, для чего предпринял определенные шаги.

Критическим моментом стало организованное Варнавинским обществом 24 апреля 1917 г. собрание московских православных миссионеров, на которое Благуше-Лефортовский Совет направил члена своего Исполкома Степанова для наблюдения за происходящим. Видимо, Совет заранее готовился к атаке, изготовив якобы предварительно поступивший донос от «рабочих и обывателей Благушинского района» (подписали всего 5 человек, в том числе – один член Исполкома Совета Селиванов), представлявший Общество в крайне нелицеприятном свете. Причем обвинялись миссионеры буквально во всем: и в политической неблагонадежности, и в сексуальной распущенности, и воровстве, что заставляет задуматься о действительном замысле авторов документа. В частности, в доносе говорилось, что в зале Общества собираются черносотенцы, и там «можно встретить мужчин со служащими чайной девушками в очень неловком положении», хотя в доме молитвы «не должно быть разврата». По словам доносчиков, миссионер Варжанский называл социалистов «сатаниными слугами и немецкими шпионами, очень гнусно отзывался об Чхеидзе, Чхенкели, Толстом и Керенском». А иеромонах Алексей якобы освятил аудиторию после одного из заседаний Совета рабочих депутатов, чтобы изгнать «сатанинский и хули-

¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 725. ЛЛ. 1 – 1 об.

ганский» дух. В доносе также значилось, что Варжанский разбил членов общества на дружины по 5 человек («видимо для погромов»), заявив, что «они» пойдут со своими «стягами» и запоют «то-то», а мы возьмем «свои» стяги и запоем Пресвятая Владычице Богородице и к нам все присоединятся, потому что у всякого христианина сердце еще «чисто». Также речь шла о том, что руководство Общества, возможно, намеренно не печатывает банку с пожертвованиями, чтобы бесконтрольно тратить деньги на собственные нужды¹.

Итак, 24 апреля в зале Общества собралась достаточно внушительная аудитория, присутствовало до 1000 человек, а в президиуме сидели Н.Ю. Варжанский и широко известный в церковных кругах присяжный поверенный Н.Д. Кузнецов (впоследствии – член Поместного Собора). После лекции самого Кузнецова о современном положении церкви, начались прения, а присланный районным Советом Степанов записывал все, что могло быть истолковано как контрреволюционные призывы. Так, Степанов отметил, что ораторы призвали присутствующих «не вступать ни в какие профессиональные союзы и партии, так как это все крамольники и мятежники... и лишь в православной церкви должно произойти объединение верных сынов родины и православия». Кто-то из присутствовавших даже, якобы, выразил сожаление по поводу свержения монархии, так как «только царь являлся сторонником церкви и духовенства»². Степанов высказал протест, но организаторы попросили его не мешать собранию. Тогда Степанов отправился напрямик в Исполком районного Совета, который, оказавшись в сборе, тут же вынес постановление о немедленной реквизиции помещения общества. Совет обратился в местное милицееское отделение, которое предоставило несколько вооруженных сотрудников. Вместе с ними Степанов вернулся на Семеновскую площадь, с шумом разогнал «сборище» и задержал докладчика Н.Д. Кузнецова и миссионера Н.Ю. Варжанского, а у иеромонаха Алексия провели обыск³. Кузнецова и Варжанского вскоре освободили, но, чтобы окончательно закрепить свою победу, ИК районного Совета на следующий день направил своего представителя в Реквизиционную комиссию Московского Совета рабочих депутатов с просьбой о санкционировании произведенного «захвата» для размещения в изъятом здании районного Народного дома. Об этом же запросили и Комитет общественных организаций города Москвы⁴.

¹ Там же. Донос не датирован, что позволяет предположить о его подготовке «задним числом».

² ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 725. Л. 7. При этом в деле имеется листок с короткими записями, скорее всего сделанными Степановым на заседании Варнавинского общества 24 апреля. Там отмечено, что «как говорил один священник, что церкви должны быть переданы в руки народа». Ничего контрреволюционного в этом, конечно же, не имелось (см.: Там же. Л. 3 об.) О разгоне собрания 24 апреля 1917 г. см. также: Дамаскин (Орловский), игумен. Мученик Николай (Варжанский) // Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Июнь – Август. Тверь, 2003. С. 173 – 183.

³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 725. Л. 7.

⁴ Там же. ЛЛ. 8 – 10, 12.

Однако дело приняло скандальный оборот. Резонанс от произошедшего оказался гораздо сильнее, чем предполагали члены районного Совета. Так, профессор Московского университета историк М.М. Богословский записал в своем дневнике 27 апреля: «Еще новость: в собрании, где говорил о церковных делах Н.Д. Кузнецов..., вошло несколько вооруженных членов Совета рабочих депутатов и, направив на Кузнецова револьверы, объявили, что, что он арестован, что он занимает народ церковными вопросами, тогда как народ должен заниматься политикой. Переполох в зале был страшный. Это – свобода слова»¹. Дело для Совета невероятно усложнилось тем, что Н.Д. Кузнецов не только был опытным юристом, но и имел связи с Временным правительством, поскольку уже приглашался новым обер-прокурором Синода В.Н. Львовым в Петроград для разработки церковных реформ. Возмущенный случившимся он стал работать сразу по нескольким направлениям. Во-первых, он подал жалобу гражданскому комиссару Москвы меньшевику А.М. Никитину на незаконное поведение милиции, действовавшей без соответствующего ордера. После этого Никитин на заседании Комитета общественных организаций назвал действия милиции «прискорбным случаем» и предложил помощнику районного начальника милиции, командированного сотрудников 24 апреля, подать в отставку². Во-вторых, Кузнецов обратился к прессе. Так, в интервью газете «Русское слово» он заявил, что лекцию прервали «неизвестные вооруженные лица в одежде солдат, милиционеров и рабочих». А 1 мая присяжный поверенный также обратился в Московский Совет рабочих депутатов, упирая уже на идеологические мотивы и отмечая, что «демократия уже ради успеха провозглашенной революцией идеей должна бы не только уважать чисто церковную общественную деятельность, но и всячески ей помогать», а подобные случаи дискредитируют новую власть и вносят в народ раздор³. В-четвертых, протест был передан и обер-прокурору Синода, который направил его в Главное управление по делам милиции. Правда, В.Н. Львов несколько преувеличил размах случившегося, добавив, что кроме разгона собрания и запечатывания дверей Общества также закрыли и храм при нем, чего на самом деле не было⁴. В результате Московский Совет назначил комиссию в составе И. Кочергина, Е.Н. Игнатова и Розенблома для расследования произошедшего, а московские «Известия» поместили статью, осуждающую поступок милиционеров⁵.

Тем временем, председатель Исполкома Совета рабочих депутатов Благушинско-Лефортовского района С.А. Егоров попытался отразить атаку, подготовив свой собственный доклад о событиях 24 апреля, где упирал на контрреволюционную деятельность Варнавинского народного общества, о чем якобы неоднократно сообщали комиссару города Москвы Н.М. Кишки-

¹ Богословский М.М. Дневники (1913 – 1919): Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011. С. 350.

² ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 725. Л. 6.

³ Там же. ЛЛ. 15 – 18.

⁴ ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 589. ЛЛ. 12 – 13 об.

⁵ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 725. Л. 13 об.

ну. Егоров доказывал, что «была прервана не лекция, а агитация отдельных лиц в пользу возвращения к старому строю»¹. Члены районного Совета единодушно одобрили тезисы председателя, постановив просить ИК Московского Совета ускорить следствие, а также напечатать доклад Егорова в «Известиях». Кроме того, было решено заявить А.М. Никитину, что он как член Президиума Совета рабочих депутатов не имел нравственного права порицать действия милиционеров, а тем более «увольнять их» до окончания следствия, проводимого Московским Советом². С этого момента при обсуждении в Советах вопроса о Варнавинском обществе в противопоставлении «законности» и «революционного правотворчества» (оправдываемого «черносотенной» деятельностью миссионеров) появился третий мотив – «нравственного права» и «морального облика» самих революционеров.

9 мая свой доклад для ИК Московского Совета подготовил И. Кочергин. После изучения обстоятельств и опроса свидетелей он тоже назвал действия районного Совета незаконными и предложил подыскать для его нужд другое помещение. Тем не менее, по поводу милиционеров Кочергин заключил, что «действовали лица, не банда, не толпа, а сознательные товарищи, работающие в разных общественных рабочих организациях, и даже состоящие в разных социалистических партиях – это видно не только из того, что при обыске ничего не было с целью присвоения вещей взято, но и из того, что все т.т. действующие не скрывают своего участия: но действия их с организационной стороны считаю неправильными». Так, «моральный облик» милиции был сохранен. Кочергин подтвердил наличие слухов о контрреволюционности Н.Ю. Варжанского, иеромонаха Алексия и некоторых других членов Варнавинского общества и рекомендовал «компетентным представителям» установить за этой организацией надзор «с точки зрения научного богословия». Следователь также отметил, что «относительно проф. Кузнецова ни с какой стороны... не слышал обвинения его в контрреволюционности»³.

Члены ИК Московского Совета согласились с мнением о неправильности действий районного Совета, но посчитали, что оставлять Варнавинское народное общество в покое не следует. 24 мая 1917 г. Исполнительный комитет за подписью А.И. Рыкова запросил Комитет общественных организаций о реквизиции «в срочном порядке» здания общества для нужд местного Совета, добавив, что речь идет лишь о части помещения, не прилегающей к церкви⁴. Вслед за этим в июне 1917 г. в Реквизиционной комиссии при Исполкоме Московских общественных организаций состоялось слушание, на которое пригласили и представителей Варнавинского народного общества во главе с Варжанским. Сторонники реквизиции называли общество «очагом контрреволюции – местом, откуда исходит открытая погромная пропаганда» и даже предлагали передать дело на рассмотрение Комиссии по

¹ Там же. ЛЛ. 5 – 6.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. ЛЛ. 13 – 14 об. На самом деле Н.Д. Кузнецов профессором не был.

⁴ Там же. ЛЛ. 45 – 46.

обеспечению нового строя¹. Но в результате голосования вопрос о реквизиции был решен отрицательно².

Таким образом, попытка изъятия имущества Варнавинского народного общества трезвости 24 апреля 1917 г. являлась актом революционного правотворчества местного районного Совета рабочих депутатов. Но в данном конкретном случае законность все-таки восторжествовала, и имущество не было отторгнуто от владельца. Можно назвать две причины такого исхода дела: во-первых, участие в нем Н.Д. Кузнецова – блестящего юриста, который задействовал все возможные рычаги воздействия на Совет; и, во-вторых, переведение дискуссий о возможности или невозможности реквизиции в абстрактную плоскость рассуждений о справедливости, свободе слова и моральном облике реквизиторов. Это сыграло важную роль в принятии решений Московским Советом рабочих депутатов и Реквизиционной комиссией при Исполнительном комитете Московских общественных организаций. Идеалы Февраля в тот момент помогли отстоять права собственника.

Совсем иначе обернулись события год спустя: 31 мая 1918 г. главу Варнавинского общества Н.Ю. Варжанского арестовали, долго держали в Бутырской тюрьме, а в декабре того же года его дело ликвидировали «вне-судебным порядком»: миссионера расстреляли³. 14 августа 1918 г. Президиум Благущо-Лефортовского Совета проинформировал Президиум Московского Совета, что им постановлено реквизировать помещения Варнавинского общества как очага контрреволюции для клуба рабочей молодежи «Заря новой жизни» под устройство детской столовой⁴.

Лаврова Е.М.

К вопросу об участии советских комиссий в расследовании обвинений против большевиков в июле 1917 года

Вопрос об инициаторах массовых выступлений 3 – 5 июля, о виновниках хаоса и кровопролития в Петрограде и о роли, которую в этих событиях сыграли большевики, стал подниматься уже непосредственно в дни кризиса⁵. С 5 июля, после появления известной публикации в газете «Живое сло-

¹ Создана в марте 1917 г. при Исполнительном комитете Московских общественных организаций для разбора архивов охранного отделения и жандармских управлений. В состав комиссии вошли представители социалистических партий, Московского Совета рабочих депутатов и Московского Совета солдатских депутатов, а также следователи и юристы.

² Вечерние новости. 1917. 14 июня.

³ Дамаскин (Орловский), игумен. Мученик Николай (Варжанский) // Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. С. 173 – 183.

⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 725. Л. 47.

⁵ В воззвании, принятом ВЦИК и ИК СКД 3 июля 1917 г., подчеркивалось, что агитацию за вооруженную манифестацию ведут «неизвестные лица», вопреки «ясно выраженной воле всех без исключения социалистических партий» (Ко всем рабочим и

во» в центре общественного внимания оказалась предполагаемая связь между большевиками и германским Генеральным штабом¹. В этих условиях умеренные социалисты, возглавлявшие Всероссийский Центральный Исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов, приняли 5 июля решение образовать две следственные комиссии. Н.Н. Суханов сообщает об этом: «В бюро [ВЦИК – Е.Л.], разумеется, назначили чрезвычайную следственную комиссию по расследованию событий последних дней. Не помню, кто вошел в нее. Но, как всегда, ее работы не привели ровно ни к чему. Впрочем, я даже не знаю, приступила ли она к каким-либо работам»². В тот же день в Таврическом дворце появился Г.Е. Зиновьев, который от имени ЦК большевиков просил ВЦИК принять «самые решительные меры» для реабилитации Ленина и пресечения последствий клеветы. С этой целью, пишет Суханов, «была тут же образована еще одна следственная комиссия», но затем «дело заглохло само по себе»³.

Упоминания о советских следственных комиссиях можно найти в работах О.Н. Знаменского, Г.И. Злоказова, О.А. Поливанова, А. Рабиновича⁴. Однако исследователи, в сущности, ограничивались сведениями о создании комиссий и их ликвидации, основным источником служила периодическая печать.

Публикация в 2012 г. материалов «Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3 – 5 июля 1917 г.» вводит в научный оборот документы советских комиссий, которые в 1917 г. были приобщены к следственному делу большевиков. В то же время комментарии к этим документам

солдатам города Петрограда // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 4 июля). В то же время, поскольку выступления проходили под большевистскими лозунгами, их, так или иначе, связывали с большевистской агитацией. После того, как в ночь на 4 июля лидеры петроградских большевиков решили поддержать выступление, умеренные социалисты оценивали их действия весьма жестко (см., напр.: Дейч Л. Им не стыдно // Единство. 1917. 5 июля; Нечестный лозунг // Рабочая газета. 1917. 5 июля; Призыв большевиков // Рабочая газета. 1917. 5 июля; Не губите революцию // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 5 июля; [Чернов В.] Масла в огонь // Дело народа. 1917. 5 июля; [Чернов В.] Демагогия – сестра провокации // Дело народа. 1917. 5 июля; Атака против Революции // Воля народа. 1917. 5 июля; Сорокин П. Чьи руки? // Воля народа. 1917. 6 июля).

¹ Ленин, Ганецкий и К° – шпионы! // Живое слово. 1917. 5 июля.

² Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 2. С. 344.

³ Там же. С. 345 – 346.

⁴ О.Н. Знаменский приводит некоторые сведения о Чрезвычайной следственной комиссии (см.: Знаменский О.Н. Июльский кризис. М.; Л., 1964. С. 210 – 211). Г.И. Злоказов и А. Рабинович упоминают советскую комиссию, которая рассматривала обвинение большевиков в связях с Германией (Злоказов Г.И. Петроградский Совет на пути к Октябрю. М., 1978. С. 28; его же. Большевикско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 г. М., 1997. С. 89 – 90; Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989. С. 44). О создании Бюро ВЦИК двух различных комиссий пишет О.А. Поливанов (см.: Поливанов О.А. Крушение соглашательской политики ЦИК Советов первого созыва (июль – октябрь 1917 г.): Дис. ... к. ист. н. Л., 1989. С. 76).

могут внести путаницу в уже изученные вопросы. В одном из примечаний приводятся, например, такие сведения: «5 (18) июля была образована Чрезвычайная следственная комиссия при Центральном Исполнительном комитете Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для расследования событий, имевших место в Петрограде и его окрестностях 3 – 5 июля 1917 г. Инициатива ее образования принадлежала большевикам, преследующим свои цели, однако членами комиссии были избраны меньшевики – члены Центрального Исполнительного комитета: А.Р. Гоц, Ф.И. Гурвич (Дан), М.И. Либер. Только позже в ее состав вошел большевик А.В. Луначарский. Хотя комиссия и не вела самостоятельного расследования, она осуществляла наблюдение за работой правительственной комиссии. К сентябрю 1917 г. работа комиссии практически сошла на нет»¹. Как видно, в данном случае Чрезвычайная следственная комиссия (ЧСК), задачей которой было изучение событий 3 – 5 июля в Петрограде, смешивается с комиссией, расследовавшей обвинение большевиков в связях с Германией². Следствием этой ошибки стали неточности и в атрибуции документов, и в определении состава комиссии. Кроме того, известно, что работа обеих комиссий прекратилась еще в июле 1917 г.³ Таким образом, задача данной статьи в реконструкции функционирования двух советских комиссий через раскрытие вопросов об их составе, направлениях их работы, времени и причинах их ликвидации. Изучение этой проблемы позволяет более полно обрисовать политику ВЦИК после событий 3 – 5 июля, а также отношение умеренных социалистов к обвинениям и к репрессивным мерам против большевиков.

Идея создать советскую комиссию для расследования событий 3 – 5 июля, в принципе, была вполне закономерной: Советам и раньше приходилось брать на себя расследование чрезвычайных происшествий в Петрограде. Так, 23 апреля 1917 г. Исполнительный комитет Петроградского Совета поручил своим представителям начать сбор материалов о событиях 20 – 21 апреля, а также постановил предложить правительству создать следственную комиссию с участием представителей Исполкома. 19 июня Исполнительный комитет Совета постановил создать комиссию из представителей районных Советов, партий и прокурорской власти для расследования событий на даче Дурново⁴. Уже вечером 4 июля объединенное заседание ВЦИК и ИК СКД признало необходимым образовать следственную комиссию «для выяснения условий возникновения манифестаций и случаев и жертв стрель-

¹ Следственное дело большевиков. М., 2012. Кн. 2. Ч. 1. С. 729.

² Стоит отметить, что периодическая печать 1917 года также иногда смешивала названия двух комиссий, именуя комиссию по делу большевиков «Чрезвычайной» (см., напр.: Чрезвычайная следственная комиссия // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 7 июля).

³ См.: Поливанов О.А. Указ. соч. С. 76.

⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций (27 февраля – 25 октября 1917 года). СПб., 1995. Т. 2. С. 352; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. М., 2002. Т. 3. С. 334 – 335.

бы»¹. На следующий день оба советских центра вынесли уже более конкретные постановления по этому вопросу. ИК СКД по предложению В.Я. Гуревича принял 5 июля резолюцию с требованием образовать следственную комиссию «для всестороннего выяснения причин и обстоятельств событий последних дней, а также виновников вывода на улицу вооруженных воинских частей и групп населения, виновников происшедших кровавых столкновений и насилий над представителями народной власти и частными лицами». Сформировать комиссию предлагалось из представителей ВЦИК, ИК СКД и Петроградского Совета². В тот же аналогичное постановление об образовании советской следственной комиссии приняло Бюро ВЦИК³. В сравнении с резолюцией ИК СКД это постановление отличалось заметной сдержанностью, что объясняется доминированием представителей «оборонческого» крыла партии эсеров. Целью комиссии Бюро ВЦИК называло «расследование событий, имевших место в Петрограде 3-го и 4-го июля», не давая этим событиям предварительной оценки. Сама комиссия именовалась при этом «чрезвычайной комиссией объединенных революционных организаций»⁴. В состав ЧСК предполагалось включить 10 членов ВЦИК, избранных Бюро,⁵ и 10 членов ИК СКД⁶, 5 представителей Петроградского Совета, по 1 представителю от центральных организаций меньшевиков⁷, эсеров и большевиков, по 1 – от местных организаций эсеров, меньшевиков, большевиков и межрайонцев, 5 представителей Городской думы⁸, а также представителей Центрального бюро профсоюзов⁹ и Центрального совета профессиональных союзов (по 2), центра заводских комитетов, союза рабочих кооперативов и страхового центра (по 1), присяжной адвокатуры (2) и представи-

¹ Объединенное заседание Центр[ального] Исп[олнительного] ком[итета] С[оветов] р[абочих] и с[олдатских] деп[утатов] и Исп[олнительный] ком[итет] кр[естьянских] деп[утатов] 4 июля // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 6 июля.

² Исполнительный комитет // Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 6 июля.

³ Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 345.

⁴ Следственная комиссия о событиях 3 и 4 июля // Дело народа. 1917. 6 июля.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 934. Оп. 1. Д. 5. Л. 67. Установить, кто именно был избран кроме А.В. Луначарского, пока не удалось. Возможно, представителями ВЦИК были А.А. Булат и Л.М. Брамсон (см.: ЦГИА СПб. Ф. 934. Оп. 1. Д. 5. Л. 2; ГА РФ. Ф. Р-6978. Оп. 1. Д. 250. Л. 7).

⁶ Были избраны 11 представителей: П.А. Сорокин, Н.В. Чайковский, М.А. Меркулов, А.А. Акимов, Я.Ф. Зверев, В.М. Дьяконов, В.Я. Гуревич, К.О. Васильев, П.С. Криворотный, Кузьмин, Кондратенков (Исполнительный комитет // Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 8 июля; см. также: ГА РФ. Ф. Р-6978. Оп. 1. Д. 250. Л. 4).

⁷ ОК меньшевиков 7 июля делегировал в комиссию М.С. Иоффе (ЦГИА СПб. Ф. 934. Оп. 1. Д. 5. Л. 64; РГАСПИ. Ф. 451. Оп. 2. Д. 5. Л. 61).

⁸ Городская дума 6 июля делегировала в комиссию А.С. Зарудного, П.В. Сидоренко, М.С. Урицкого, А.Н. Шапира, Я.Д. Щупака (ГА РФ. Ф. Р-6978. Оп. 1. Д. 250. Л. 10).

⁹ Центральное бюро профессиональных союзов 6 июля делегировало в комиссию В.В. Шмидта и З.М. Бельского (ЦГИА СПб. Ф. 934. Оп. 1. Д. 5. Л. 50).

телей Временного правительства. Однако наиболее многочисленную группу в комиссии должны были составлять представители низовых демократических организаций. Предполагалось, что в ЧСК войдут по два представителя от районных Советов Петрограда, а также Петергофа, Царского Села, Гатчины, Павловска, Красного Села, Ораниенбаума, Кронштадта¹ и по одному представителю от полковых и батальонных комитетов². Позднее на заседании ЧСК был поднят вопрос о привлечении в нее представителей рабочих организаций и фабрик и представителей фронта³. Хотя формирование комиссии, по-видимому, так и не было доведено до конца, решение, принятое Бюро ВЦИК 5 июля, позволяет сделать некоторые выводы о характере предполагавшегося расследования. Привлечение в состав комиссии представителей воинских частей и районных Советов свидетельствует о желании детально выяснить ход событий 3 – 4 июля, придав расследованию максимально демократический характер. Очень важно также, что в состав ЧСК на равных основаниях с меньшевиками и эсерами должны были войти представители большевиков и межрайонцев⁴. Помимо представителей от партийных комитетов, «крайне левые» могли войти в комиссию как выборные от других организаций⁵. Во многих случаях такой выбор был вполне ожидаемым.

¹ Районные Советы в июле 1917 г. существовали, по крайней мере, в 14 районах Петрограда (см.: Районные Советы Петрограда в 1917 году: Протоколы, резолюции, постановления общих собраний и заседаний исполнительных комитетов. М.; Л., 1964–1966. Т. 1–3). Вместе с семью Советами пригородных пунктов они имели право делегировать в ЧСК 42 представителей. Сохранились удостоверения представителей 2-го Городского и Петергофского районов и одного из представителей Рождественского района (ЦГИА СПб. Ф. 934. Оп. 1. Д. 5. ЛЛ. 54 – 56, 60 – 61). Сведения об избрании представителей в ЧСК есть также среди материалов Совета 1-го Городского района (Районные Советы Петрограда в 1917 г. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 218).

² Следственная комиссия о событиях 3 и 4 июля // Дело народа. 1917. 6 июля. Определить количество полковых и батальонных комитетов, имевших право делегировать своих представителей в ЧСК, можно только приблизительно. Исходя из сведений о воинских частях, располагавшихся в Петрограде и пригородах, можно предположить, что таких комитетов было около 40 (см.: Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 9 – 13). Среди материалов ЧСК сохранились удостоверения 20 представителей полковых, батальонных, дивизионных и дружинных комитетов, избранных в комиссию; вероятный делегат запасного батальона Петроградского полка представил только удостоверение личности (ЦГИА СПб. Ф. 934. Оп. 1. Д. 5. ЛЛ. 34 – 49, 57 – 59, 62 – 63).

³ ЦГИА СПб. Ф. 934. Оп. 1. Д. 5. Л. 2. Это предложение озвучил П.В. Сидоренко, представитель Городской думы, входивший во фракцию кадетов.

⁴ Такой подход к формированию комиссии, естественно, вызывал негативную реакцию «справа». Так, В.Н. Львов, вспоминая позднее о «попустительстве» Совета сторонникам Ленина, писал: «...и в довершение всего в следственную комиссию, учрежденную при совете по делу восстания, были включены большевики. Куда же было идти далее по линии единого демократического фронта?» (Львов В.Н. «Революционная демократия» и ее вожди в роли руководителей Временного правительства. Омск, 1919. С. 8).

⁵ Одним из них стал Г.И. Бокий, однако определить, какой организацией он был делегирован, не удалось (ГА РФ. Ф. Р-6978. Оп. 1. Д. 250. Л. 6).

Так, оба делегата от Центрального бюро профсоюзов были большевиками¹, а представителем полкового комитета 1-го пулеметного полка стал член ВО ЦК большевистской партии И.Н. Ильинский². Показательно и то, что среди членов ЧСК, делегированных ВЦИК, был А.В. Луначарский. Таким образом, руководители ВЦИК рассчитывали на сотрудничество всех революционных партий и, очевидно, были намерены провести объективное расследование июльского выступления, а не «показательный процесс» над большевиками. Однако представители «крайне левых», вошедшие в комиссию, могли чувствовать себя не слишком уверенно. Так, Луначарский 12 июля обратился к членам ЧСК с письмом, предлагая решить, находят ли они его участие в работах комиссии желательным. Причиной своих сомнений он называл газетную клевету вокруг своего имени, способную вызвать недоверие к нему, особенно в глазах представителей воинских частей, входящих в ЧСК³. Деятельность комиссии, по замыслу лидеров ВЦИК, должна была носить открытый характер. Было объявлено, что сведения о ее работе, так же, как и о работе комиссии по делу большевиков, будут дважды в день публиковаться в специальных бюллетенях⁴. Однако реализовать это намерение не удалось.

Хотя изначально Бюро ВЦИК называло целью комиссии расследование событий 3 – 4 июля, в сохранившихся удостоверениях членов ЧСК, подписанных Н.С. Чхеидзе, указаны более широкие хронологические рамки расследования: 2 – 6 июля⁵. Это говорит о том, что задачей комиссии должно было стать расследование не только самого выступления и предшествовавших ему событий, но и эксцессов «справа», происходивших уже после прекращения демонстраций⁶. Некоторые социалисты, видимо, предполагали, что ЧСК не ограничится только исследованием произошедших событий, но сможет также решать судьбу участников выступления. Так, меньшевистская «Рабочая газета», сообщая 7 июля о переговорах Б.О. Богданова с делегацией кронштадтцев, указывала, что вопрос о возвращении им конфискованного оружия, а также об арестах и судебном преследовании «будет решен впоследствии согласно решению Чрезвычайной следственной комиссии Центрального Исполнительного комитета»⁷.

Первое заседание Чрезвычайной следственной комиссии состоялось уже 5 июля в 8 часов вечера, следующее было назначено на 6 июля, а третье

¹ ЦГИА СПб. Ф. 934. Оп. 1. Д. 5. Л. 50.

² Там же. Л. 47.

³ Там же. Л. 67.

⁴ Ко всем гражданам // Рабочая газета. 1917. 7 июля; Воззвание // Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 8 июля.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-6978. Оп. 1. Д. 250. Л. 5.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 934. Оп. 1. Д. 5. ЛЛ. 11 – 11 об., 13 – 14, 28 – 29; Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. М., 1959. С. 70.

⁷ Сдача Петропавлов[овской] крепости // Рабочая газета. 1917. 7 июля.

– на 8 июля¹. Согласно протоколу заседания 8 июля², участие в нем приняли 26 человек. Председателем собрания, который, возможно, и занимал должность главы ЧСК, был трудовик А.А. Булат. Предметом обсуждения были задачи и полномочия комиссии. Позицию ВЦИК по этому вопросу обозначил Булат: «По духу Исп[олнительного] ком[итета] мы являемся следств[енной] комиссией для освещения происшедших событий и освещение должно носить общественный характер и в наши задачи не входит изболечение отдельных лиц»³. Один из участников заседания, некий Глазберг, ссылаясь на то, что «в газетах появились заявления о роли большевиков в этом движении», заявил, что цель комиссии – исследовать не только «события вообще», но и роль в них большевистских организаций⁴. Реакция других членов комиссии на это предложение весьма показательна. А.И. Лосев, представитель полкового комитета 4-го Донского казачьего полка, заявил, что комиссия «должна быть беспартийной»⁵. Против «следствия над большевиками», т.е. против придания работам ЧСК выраженной политической окраски, выступил и П.А. Сорокин, полагавший, что комиссия должна лишь выяснить роль «отдельных лиц»⁶. Резолюция, принятая по предложению Сорокина, объявляла задачей ЧСК «объективное обследование событий в широком их масштабе и всестороннее выяснение причин возникновения этих событий и обстановки их дальнейшего развития, в частности выяснение роли воинских частей, рабочих, политич[еских] и обществ[енных] организаций и отдельных лиц, принимавших участие в событиях 2 июля и последующих дней»⁷.

Как видно, уже 8 июля членов ЧСК беспокоило возможное соперничество с официальным следствием – и они были готовы к ограничению собственных полномочий. Интересно, что в начале заседания П.А. Сорокин высказался за то, чтобы комиссия получила большие полномочия, и, между прочим, была наделена правом проводить аресты и обыски, однако поддержки других участников заседания последнее предложение не получило⁸. В резолюции, которую затем предложил Сорокин, напротив, говорилось, что существование двух следственных органов, наделенных одинаковыми полномочиями и ставящих перед собой одинаковые задачи, может привести к «нежелательным конфликтам». Резолюция подчеркивала «чисто общественный» характер работы советской комиссии, объявляя, что она «не вмешивается в действия правит[ельственной] следств[енной] власти, не претендует на права последней, а берет на себя лишь всестороннее исследование собы-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 934. Оп. 1. Д. 5. ЛЛ. 57 об. – 57; Следственная комиссия о событиях 3 и 4 июля // Дело народа. 1917. 6 июля; Заседание чрезвычайной следственной комиссии // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 8 июля.

² ЦГИА СПб. Ф. 934. Оп. 1. Д. 5. ЛЛ. 2 – 2 об., 5.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 2 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 4 об.

⁸ Там же. ЛЛ. 2 – 2 об.

тий, путем осмотра, опроса и всеми доступными ей законными способами с целью наиболее полного освещения происшедших событий»¹.

Предметом отдельной дискуссии стал вопрос о предоставлении материалов, собранных ЧСК, официальному следствию. За предоставление правительственной комиссии всех материалов высказался М.С. Урицкий, единственный представитель «крайне левых», выступление которого зафиксировано в протоколе². В то же время А.А. Булат заявил, что сотрудничество с властями может вызвать недоверие к советской комиссии. Свое личное отношение к такому сотрудничеству Булат выразил так: «Не желаю быть в роли сыщика, раз для полноты освещения нужно сообщать правительственной Комиссии наш материал»³. Эти слова показывают, что даже после июльских событий умеренные социалисты считали предосудительным содействовать репрессиям против «товарищей по революции».

Основным направлением деятельности ЧСК должен был стать сбор информации о событиях 2 – 6 июля. В некоторых районах отдельные следственные комиссии создавались районными Советами. В частности, такие комиссии были созданы в Адмиралтейском и Нарвском районах⁴. Однако приступить к активной работе ЧСК, по-видимому, не успела. Анализ собранных ею материалов показывает, что инициатива обращения к комиссии практически во всех случаях принадлежала самим свидетелям. Некоторые из свидетелей стремились дать показания против большевиков, другие же, как солдат-большевик С.М. Контюряев, напротив, могли сообщать ЧСК о контрреволюционных попытках «справа»⁵. Показания в некоторых случаях принимали сотрудники Военного отдела ВЦИК⁶. Возможно, это объясняется тем, что сформировать собственный аппарат ЧСК не успела.

7 июля Временное правительство постановило сосредоточить «все дело расследования организации вооруженного выступления в Петрограде» в руках прокурора Петроградской судебной палаты и обязать «все правительственные и общественные учреждения, равно как должностных и частных лиц, в распоряжении которых окажутся имеющиеся по этому делу сведения и материалы, немедленно доставить их прокурору Петроградской судебной палаты». В заседании 7 июля участвовали Г.Е. Львов, А.Ф. Керенский, М.И. Терещенко, В.М. Чернов, И.Г. Церетели, М.И. Скобелев, А.В. Пешехонов, Д.И. Шаховской, В.Н. Львов; присутствовал также И.В. Годнев. Подробности дискуссии по этому вопросу неизвестны, однако можно заметить, что члены кабинета, непосредственно связанные с ВЦИК – И.Г. Церетели, М.И. Скобелев и В.М. Чернов – заведомо находились в

¹ Там же. Л. 4 об.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 2 об.

⁴ Районные Советы Петрограда в 1917 г. Т. 1. С. 27; ЦГИА СПб. Ф. 934. Оп. 1. Д. 5. ЛЛ. 69 – 73.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 934. Оп. 1. Д. 5. ЛЛ. 8 – 10 об., 19 – 21 об.

⁶ Там же. Л. 8.

меньшинстве. 9 июля это постановление было опубликовано¹. Это решение фактически означало упразднение и Чрезвычайной следственной комиссии, и советской комиссии по делу большевиков. Здесь следует учитывать, что 9 июля объединенное заседание ВЦИК и ИК СКД предоставило Временному правительству неограниченные полномочия для спасения революции².

Открытый конфликт с правительством из-за расследования событий 3 – 5 июля, очевидно, не мог не подрывать созданную конструкцию власти. Однако если о ликвидации советской комиссии по делу большевиков было объявлено уже 9 июля, то вопрос о судьбе ЧСК был решен не сразу. Возможно, лидеры ВЦИК пытались найти компромисс, позволяющий не подрывать авторитет правительства и в то же время обеспечить влияние «демократии» на ход расследования. 11 июля на заседании Бюро ВЦИК было решено «предложить Вр[еменному] правительству образовать при себе Штаб для расследования событий 2 – 4 июля, куда должны стекаться все полученные сведения и куда должны быть направлены все относящиеся к этим событиям материалы, поступившие в Ц.К.». Прозвучало также предложение привлекать исполнителей в этот Штаб по рекомендации ВЦИК, но этот вопрос был «временен снят»³. Однако успеха обращение к правительству по этому вопросу, очевидно, не имело.

Тем временем, работа ЧСК продолжалась еще несколько дней: на 9 июля было назначено заседание Бюро комиссии⁴, на 12-е – заседание Бюро, а затем комиссии в целом⁵. 14 июля вопрос о ЧСК был вновь поднят на заседании Бюро ВЦИК. Были озвучены две точки зрения членов комиссии. Одни, «исходя из наличности правительственной комиссии», считали деятельность советской комиссии законченной, другие же настаивали на продолжении ее работы, «в виду значения ее, как органа общественно-политического, имеющего возможность, в отличие от чисто Следственной комиссии, заняться еще и общим анализом условий выступления». Однако в итоге Бюро постановило считать деятельность комиссии ликвидированной⁶.

В «Известиях» после ликвидации ЧСК было опубликовано сообщение, что ее документация передана юридическому отделу ВЦИК. Членам комиссии, занимавшимся «обследованием воинских частей, фабрик и заводов»,

¹ Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года. М., 2004. Т. 3. С. 61 – 63; Постановления Временного правительства // Вестник Временного правительства. 1917. 9 июля.

² Учреждение революционной диктатуры // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 11 июля.

³ ГА РФ. Ф. Р-6978. Оп. 1. Д. 156. Л. 16.

⁴ Заседание Бюро Чрезвычайной следственной комиссии // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 9 июля.

⁵ Общее собрание Чрезвычайной следственной комиссии // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 12 июля.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-6978. Оп. 1. Д. 159. Л. 2; В Бюро Центр[ального] Исп[олнительного] комитета. Заседание 14 июля // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 15 июля.

предлагалось передать все материалы секретарю отдела¹. При этом еще 13 июля Следственная комиссия Военного отдела ВЦИК направила прокурору Петроградской судебной палаты «шесть дел о событиях 2–6 июля <...>, направленные ранее в Особую Следственную Комиссию Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов». По-видимому, речь здесь шла о материалах ЧСК². Позднее прокурору Петроградской судебной палаты были переданы и другие материалы. Согласно сохранившейся в ЦГИА справке, три документа были затем направлены следователю П.А. Александрову, а ряд других – прокурору окружного суда, а также главнокомандующему Петроградским военным округом³.

Еще более короткой оказалась деятельность советской «следственной комиссии для расследования дела по обвинению некоторых членов фракции большевиков в сношениях с Германией». Решение о ее создании было принято на заседании Бюро ВЦИК 5 июля после просьбы Г.Е. Зиновьева. Причины обращения большевиков к заступничеству ВЦИК в критический для партии момент понятны. Советская следственная комиссия должна была, с точки зрения большевиков, выполнить вполне определенную задачу. «Мы были убеждены, что следственная комиссия Ц[ентрального] Исп[олнительного] ком[итета] разберется в этом гнусном обвинении и выступит с авторитетным опровержением и вместе с тем привлечет к позорному столбу авторов инсинуации», – писал в августе 1917 г. один из большевистских публицистов⁴. Очевидно, большевики не ошибались, предполагая, что лидеры ВЦИК расценят обвинение против их партии как «новое дело Дрейфуса»: об этом говорят еще попытки Н.С. Чхеидзе и И.Г. Церетели воспрепятствовать публикации «разоблачительных» документов в ночь на 5 июля⁵. От имени Бюро ВЦИК и ИК СКД было объявлено, что «ими приняты меры к полному и строгому расследованию всего дела как судебными органами, так и особой комиссией, выделенной из состава Ц.И.К.», и результатом расследования станет «либо привлечение виновных к ответственности, либо преследование распространителей этих слухов за клевету»⁶. До окончания работ комиссии ВЦИК призывал «воздержаться от распространения позорящих обвинений и от выражения своего отношения к ним», объявив недопустимыми «всякого

¹ Извещения // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 19 июля; То же. 20 июля.

² ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 4. Д. 2. Л. 36.

³ Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 1. С. 202 – 204; ЦГИА СПб. Ф. 934. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁴ Данишевский Н. О клевете и насилии // Пролетарское дело. 1917. 11 августа.

⁵ [Ленин Н.] Где власть и где контрреволюция? // Листок «Правды». 1917. 6 июля; Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы. М., 1958. С. 19; Церетели И.Г. Кризис власти. Воспоминания лидера меньшевиков, депутата II Государственной думы. 1917 – 1918. М., 2007. С. 219 – 220.

⁶ Заседание Бюро Центр[ального] Исп[олнительного] комитета 4 июля // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 6 июля.

рода выступления по этому поводу»¹. Таким образом, лидеры ВЦИК – в крайне сложной для Советов обстановке – взяли на себя защиту своих политических противников. Следует подчеркнуть, что 5 июля речь шла еще не об официальном обвинении большевиков в государственной измене, а лишь о слухах, появившихся «в отдельных органах прессы и в уличных листках»². Руководителям Советов и до июля 1917 г. приходилось сталкиваться с «позорящими обвинениями» против известных революционеров и проводить их негласную проверку³. Однако теперь работа комиссии должна была носить публичный характер, что делало ее особенно ответственной. Возможно, именно поэтому в комиссию, помимо Ф.И. Дана, А.Р. Гоца и М.И. Либера, членов руководящей группы ВЦИК, которые обычно брали на себя подобные расследования, вошли также двое членов ВЦИК с юридическим образованием – В.Н. Крохмаль и М.Я. Гендельман⁴.

Очевидным условием работы советской комиссии должно было стать согласие большевиков безоговорочно сотрудничать со следствием. Характерно, что большевики, имена которых фигурировали в материале «Живого слова», публично подчеркивали свою готовность предоставить ВЦИК «соответствующие и исчерпывающие объяснения». С таким заявлением 5 июля выступил М.Ю. Козловский⁵. Я.С. Ганецкий, В.В. Воровский и К.Б. Радек, члены Заграничного бюро ЦК большевиков в Стокгольме, узнав об образовании Советом следственной комиссии, 9 июля направили в Петроград телеграмму, требуя, чтобы представители Совета допросили их по делу Ленина⁶.

Сообщая об образовании комиссии по делу большевиков, «Известия» ссылались на решение Бюро ВЦИК и ИК СКД⁷. Ссылка на оба советских центра, очевидно, должна была придать заявлению больший политический вес. Однако выборы в комиссию были проведены в отсутствие членов ИК СКД⁸. 7 июля члены ИК СКД выразили желание избрать в комиссию своих

¹ От Центр[ального] Исп[олнительного] комитета // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 6 июля.

² Заседание Бюро Центр[ального] Исп[олнительного] комитета 4 июля // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 6 июля.

³ См. подробн.: Лаврова Е.М. Обвинения в связях с Германией как внутренняя проблема революционного сообщества в 1917 г. // Герценовские чтения 2015. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2016. С. 210 – 229; Лаврова Е.М. Петроградские социалисты и проблема расследования обвинений в «провокации» в 1917 г. // Клио. Журнал для ученых. 2014. № 8 (92). С. 85 – 93.

⁴ Чрезвычайная следственная комиссия // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 7 июля.

⁵ Письмо т. Козловского // Листок «Правды». 1917. 6 июля.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2338. Л. 18. 15 (28) июля члены ЗБ ЦК опубликовали текст этой телеграммы, отметив, что не получили на нее ответа (Воробцова Ю.И. Деятельность представительства ЦК РСДРП (б) в Стокгольме. (Апрель – ноябрь 1917 г.). М., 1968. С. 64).

⁷ Заседание Бюро Центр[ального] Исп[олнительного] комитета 4 июля // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 6 июля.

⁸ Исполнительный комитет // Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 9 июля.

представителей и поручили Бюро комитета выяснить «количество членов, которое должно быть избрано»¹. Однако на следующий день Н.В. Чайковский сообщил, что это намерение вызвало резкий протест членов комиссии: они «обещали в таком случае уйти» – и Н.Д. Авксентьев от имени ИК СКД обязался «ничего не предпринимать»². Информация о категорическом нежелании членов комиссии допустить в нее представителей ИК СКД представляется довольно любопытной. Можно предположить, что последние в той или иной степени расходились с руководителями ВЦИК в оценке обвинения большевиков в связях с Германией. Г.Е. Зиновьев позднее утверждал, что Н.В. Чайковский на заседании Бюро 5 июля открыто выразил сочувствие обвинению, заявив, «что дыма без огня не бывает»³. Зиновьева сложно считать беспристрастным свидетелем, а выступления «правых» народников в печати по поводу обвинения Ленина были довольно сдержанными. В то же время, с учетом «германофобии» в правозсеровских кругах, вполне вероятным кажется, что лидеры ИК СКД считали обвинение против большевиков куда более серьезным, чем руководители ВЦИК⁴. Последние, по словам Суханова, полагали, что расследовать надо «не вопрос о продаже России Лениным, а разве только источники клеветы»⁵. Однако для публичной реабилитации большевиков комиссия должна была противопоставить обвинениям, озвученным в «Живом слове», конкретные аргументы.

Первое и, по-видимому, единственное заседание комиссии состоялось 6 июля. Присутствовали все члены комиссии кроме А.Р. Гоца. На заседание был приглашен Б.А. Веселовский, сотрудник секретариата ЦК большевиков, отвечавший за телеграфную переписку с Заграничным Бюро ЦК в Стокгольме⁶. Материалы его допроса позволяют заключить, что советская комиссия стремилась, прежде всего, проверить сообщение, что «немецкие деньги» поступают к большевикам через посредничество Я.С. Ганецкого⁷. В своих показаниях Веселовский описал порядок пересылки корреспонденции в Стокгольм, а также передал комиссии тетрадь со счетами по отправке телеграмм в Стокгольм и копии некоторых из них. Комиссия задавала также вопросы о коммерческой деятельности Ганецкого и его отношениях с

¹ Исполнительный комитет // Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 8 июля.

² Исполнительный комитет // Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 9 июля.

³ Годовщина 3 – 5 июля. Речь Г. Зиновьева на заседании Петроградского Совета р[абочих] и кр[асно]армейских депутатов // Бухарин Н.[И.], Зиновьев Г.[Е.] Июльские дни 1917 г. М., 1918. С. 11; Зиновьев Г.[Е.] Ленин и июльские дни // Пролетарская революция. 1927. № 8 – 9. С. 64.

⁴ См. подробн.: Лаврова Е.М. Обвинения в связях с Германией как внутренняя проблема революционного сообщества в 1917 г. С. 210 – 229.

⁵ Суханов Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 346.

⁶ Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 509.

⁷ Сходной логики придерживался и В.И. Ленин (см. подробн.: [Ленин Н.] Где власть и где контрреволюция? // Листок «Правды». 1917. 6 июля).

А.Л. Парвусом¹. Кроме того, 6 июля члены советской следственной комиссии присутствовали на допросе бывших руководителей Департамента полиции и Охранного отделения в Петропавловской крепости². Основной целью допроса была проверка сведений о принадлежности Л.Б. Каменева к секретной агентуре Киевского охранного отделения³. Одновременно проверялось предположение о причастности к «провокации» других большевистских лидеров⁴. Такое объяснение действий большевиков, по-видимому, было довольно распространенным. Допрос проводили члены Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, но присутствие членов советской комиссии на этом допросе, говорит, что в тот момент их полномочия сомнений не вызывали⁵.

7 июля советская комиссия должна была провести допрос Ленина, Зиновьева и Каменева. С просьбой назначить час для допроса руководители большевиков сами обратились в письме к А.Р. Гоцу⁶. Утром 7 июля они получили ответ, что комиссия придет на условленную квартиру (вероятно, квартира С.Я. Аллилуева (10-я Рождественская ул., д. 17, кв. 20), где Ленин находился с утра 7 июля до вечера 9 июля) в 12 часов дня. Вечером 7 июля В.И. Ленин и Г.Е. Зиновьев составили письмо, в котором констатировали, что «до сих пор комиссия не явилась и ничего не дала о себе знать» и снимали с себя ответственность за замедление расследования⁷. Лидеры ВЦИК ни в 1917 г., ни позднее не объясняли, почему допрос Ленина не состоялся. Однако с учетом обстановки в Петрограде, это представляется вполне объяснимым. В ночь на 7 июля Временное правительство отдало приказ об аресте организаторов и руководителей вооруженного выступления. С этим – после сопротивления – вынуждены были согласиться и лидеры умеренных социалистов⁸. В таких условиях проведение конспиративных встреч с лидером большевиков неизбежно поставило бы руководство ВЦИК в двусмысленное и даже опасное положение, полученные таким путем сведения не-

¹ Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 509–510.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 377. Л. 12.

³ См. подробн.: Лаврова Е.М. Обвинение Л.Б. Каменева в «провокации» в 1917 году: два расследования // Герценовские чтения 2012. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2013. С. 153 – 163.

⁴ Блок А.А. Дневник. М., 1989. С. 226.

⁵ Членом этой комиссии был и В.Н. Крохмаль, одновременно входивший в советскую комиссию по делу большевиков.

⁶ В.И. Ленин. Известные документы, 1891 – 1922. М., 1999. С. 212. Роль посредника, возможно, сыграл эсер В.Н. Каплан, который, по просьбе большевиков, вместе с И.С. Ашкенази сопровождал Ленина при переезде с квартиры М.В. Фофановой на квартиру Н.Г. Полегаева в ночь на 7 июля (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3443. Л. 2).

⁷ В.И. Ленин. Известные документы. С. 212.

⁸ См. подробн.: The Catastrophe: Kerensky's own story of the Russian Revolution [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <https://www.marxists.org/reference/archive/kerensky/1927/catastrophe/ch10.htm>;

Львов В.Н. «Революционная демократия» и ее вожди в роли руководителей Временного правительства. С. 8.

возможно было использовать для публичной реабилитации большевиков. Необходимым условием работы советской комиссии становилось подчинение В.И. Ленина приказу об аресте. Как известно, именно 7 июля лидеры большевиков обсуждали этот вопрос, а В.П. Ногин и Г.К. Орджоникидзе вели переговоры об условиях содержания Ленина в тюрьме с руководителями ВЦИК¹. Однако в результате большевики приняли решение, что Ленину следует уклониться от ареста². А. Рабинович полагает, что на решение Ленина повлияла информация об отказе ВЦИК от собственного расследования обвинений³. В письме в редакцию «Пролетарского дела» Ленин действительно объяснял свой отказ подчиниться приказу об аресте в том числе и тем, что ВЦИК «под давлением сил контрреволюции» распустил созданную ранее комиссию⁴. Однако это письмо было написано не раньше 9 июля⁵, то есть уже после того, как о ликвидации советской комиссии было объявлено в печати⁶. Само решение о роспуске комиссии, вероятно, было принято 8 июля, поскольку еще в этот день ее работа обсуждалась на заседании ИК СКД⁷. Нельзя, конечно, исключать, что еще 7 июля Ленин мог, оценив политическую обстановку, сделать вывод о предстоящем решении ВЦИК⁸. Однако в его заметках «К вопросу о явке на суд большевистских лидеров», которые датируются 8 июля, этот аргумент упомянут не был⁹. Более вероятным поэтому кажется, что большевистский лидер постфактум сослался на ликвидацию комиссии для оправдания своего решения.

В свою очередь, руководители ВЦИК имели основания считать, что, уклонившись от ареста, В.И. Ленин и Г.Е. Зиновьев нарушили обязательства, вытекавшие из согласия ВЦИК образовать комиссию по их делу, и это могло ускорить решение о ликвидации комиссии¹⁰. С другой стороны, после начала официального расследования дела Ленина советская комиссия едва ли могла играть самостоятельную роль. Ее возможности, в сравнении с возможностями официальных следственных органов, были весьма ограниченными. В сущности, советская комиссия могла только опрашивать самих большевиков и изучать те документы, которые они были готовы добровольно передать комиссии. Доказать *отсутствие* связи между большевиками и

¹ Орджоникидзе Г.К. Ильич в июльские дни // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1990. Т. 4. С. 240 – 241.

² Там же. С. 241.

³ Рабинович А. Указ. соч. С. 60.

⁴ Ленин Н., Зиновьев Г. Письмо тт. Ленина и Зиновьева // Пролетарское дело. 1917. 15 июля.

⁵ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 287.

⁶ От следственной комиссии Вс[ероссийского] Исп[олнительного] комитета // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 9 июля.

⁷ Исполнительный комитет // Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 9 июля.

⁸ Именно так впоследствии интерпретировал события Л.Д. Троцкий (см.: Троцкий Л.Д. История русской революции. М., 1997. Т. 2. Ч. 1. С. 93).

⁹ Ленин В.И. К вопросу о явке на суд большевистских лидеров // Ленин В.И. ПСС. М., 1969. Т. 32. С. 433 – 434.

¹⁰ Церетели И.Г. Кризис власти. С. 234.

Германией таким способом было бы крайне непросто. К тому же, события 3–5 июля резко усилили позиции противников Советов, и их отношение к расследованию изначально было негативным. По свидетельству Н.Н. Суханова, через два дня после образования комиссии был поставлен вопрос о ее переизбрании, «поскольку в ее члены первоначально попали одни только евреи» и реабилитация В.И. Ленина таким составом комиссии «могла послужить только источником новой черносотенной кампании против Совета»¹. О том, что участие в комиссии «лиц с иностранными фамилиями» вызывает недовольство, упоминал и Н.В. Чайковский на заседании ИК СКД 8 июля². Однако, проблемой, вероятно, был не только и не столько национальный состав комиссии. Правосудие революционеров, авторитетное для представителей «левого» лагеря, после июльских событий не могло удовлетворить общественное мнение. «Справа» открыто раздавались обвинения, что единственная цель советской следственной комиссии – выгородить и спасти большевиков³. ЦК кадетской партии публично требовал от Временного правительства обеспечить «правильную деятельность государственного суда», подчеркивая, что она «не может быть ни заменяема, ни останавливаема какими бы то ни было расследованиями партийными или иных организаций»⁴. Еще более откровенными были высказывания «правой» печати. «Партийные суды? Негласные разбирательства? Мы их знаем и мы должны заранее заявить: им не верим. Сколько времени суды покрывали Евно Азефа! Не партийный ли суд оправдал Малиновского? Пусть подобного рода суд оправдает Ленина хотя бы единогласно. Его приговору цена будет грош!», – писала «Русская воля»⁵. В таких условиях противодействовать распоряжению Временного правительства от 7 июля было практически невозможно. Уже 10 июля В.Н. Крохмаль передал все материалы, собранные советской комиссией, прокурору Петроградской судебной палаты⁶.

Итак, расследование событий 3 – 5 июля, а также обвинений большевиков в государственной измене перешло в руки официальных властей. В соответствии с требованием Бюро ВЦИК, выдвинутым 8 июля⁷, представители Советов были включены в состав «Особой следственной комиссии для расследования степени участия воинских частей в восстании 3 – 5 июля 1917 г.»⁸, однако ролью, отведенной этой комиссии, даже умеренные социалисты

¹ Суханов Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 345 – 346.

² Исполнительный комитет // Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 9 июля.

³ Сокольников В. Позор // Живое слово. 1917. 7 июля.

⁴ Воззвание ЦК. 7 июля 1917 г. // Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. М., 1998. Т. 3. С. 382.

⁵ Гримм Э. Суд идет // Русская воля. 1917. 7 июля (утр. вып.).

⁶ Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 1. С. 12.

⁷ Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. С. 61.

⁸ От ВЦИК: А.А. Булат (трудовик) и М.С. Бинасик (меньшевик), от Петроградского Совета: Г.Б. Скалов (меньшевик) и А.В. Сомов (трудовик), а в качестве их заместителей – эсеры В.Г. Заварин и Е.И. Огурцовский, от ИК СКД: И.П. Пасечный и М.Л. Турабин (Июльские дни // Красный архив. 1927. Т. 4 (23). С. 4).

были откровенно недовольны. На заседании солдатской секции Петроградского Совета 21 июля Е.И. Огурцовский сообщил, что комиссия крайне стеснена в своих действиях: не она «указывает по выяснению всех обстоятельств, какой полк подлежит расформированию, а Штаб [Петроградского военного округа – Е.Л.] указывает комиссии и предлагает поставить свой штамп под распоряжением Штаба»¹. Как видно, члены руководства ВЦИК понимали отрицательные последствия ликвидации советских комиссий. Так, на заседании Бюро ВЦИК 4 августа Б.О. Богданов с сожалением отметил, что в следственную комиссию не были привлечены «общественные элементы», а прокурорская власть, проводящая расследование, сосредоточилась не на обвинении большевиков в вооруженном восстании, а на обвинении их в шпионаже². У рядовых представителей «демократии» официальное следствие изначально вызывало куда меньше доверия, чем советская комиссия. Уже 22 июля члены районного Совета 1-го Городского района обратились во ВЦИК с предложением возобновить работу ЧСК³. 7 августа рабочая секция Петроградского Совета приняла резолюцию, требующую создания «гласной Следственной комиссии с участием представителей Совета», а 18 августа это требование поддержало общее собрание Совета⁴. Большевики также требовали от ВЦИК создать «комиссию из представителей всех революционных партий» по делу Ленина⁵. По-видимому, большевики отчетливо понимали, что имеют куда больше возможностей оправдать себя перед такой комиссией, чем перед государственным судом. Выступая 27 июля на партийном съезде по вопросу о явке В.И. Ленина на суд, Н.И. Бухарин заявил: «На этом [государственном] суде будет ряд документов, устанавливающих связь с Ганецким, а Ганецкого с Парвусом, а Парвус писал о Ленине. Докажите, что Парвус – не шпион! Чтобы распутать все, нужны совершенно иные условия <...> Мы должны <...> категорически требовать не суда присяжных, а суда и следствия из представителей революционных партий»⁶. В то же время ликвидация советских следственных комиссий позволяла большевикам дискредитировать лидеров ВЦИК, обвиняя их в нарушении собственных обещаний⁷. Передачу материалов, собранных ЧСК, официальным властям они и вовсе трактовали как предательский шаг¹.

¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. М., 2003. Т. 4. С. 67.

² Большевики в 1917 году. М., 1995. Т. 2. С. 225, 227.

³ ГА РФ. Ф. Р-6978. Оп. 1. Д. 250. Л. 24. См. также: Районные Советы Петрограда в 1917 г. Т. 1. С. 221.

⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 4. С. 116, 136.

⁵ Резолюция съезда РСДРП о суде по делу Ленина и др. // Рабочий и солдат. 1917. 28 июля.

⁶ Шестой съезд РСДРП (большевиков). С. 34.

⁷ См. выступления В.П. Ногина на заседаниях ВЦИК и ИК СКД 9 и 13 июля (Учреждение революционной диктатуры // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 11 июля; Объединенное заседание Цен[ального] Комит[ета] Сов[ета] раб[очих] и с[олдатских] д[епутатов] и Исп[олнительного] ком[итета] кр[естьянских] деп[утатов] // Известия Петроградского Совета рабочих и

А.Г. Шляпников позднее писал: «ЦИК, вернее его соглашательское бюро, обещало произвести расследование всего дело, но так как расследование это им было политически невыгодно, то все их обещания остались невыполненными. Все соглашатели стремились использовать события 3 – 4 июля для ликвидации самого существования нашей партии»². Г.И. Злоказов также связывал ликвидацию советской комиссии по делу большевиков с стремлением лидеров ВЦИК «освободиться от нежелательного критического оппонента»³. Однако решения, принятые Бюро ВЦИК 5 июля, а также высказывания умеренных социалистов, входивших в ЧСК, показывают, что руководство ВЦИК стремилось к объективному расследованию событий 3 – 5 июля, не предвещая вопрос о виновности большевиков в организации выступления. Также лидеры ВЦИК приняли доступные им меры, чтобы опровергнуть обвинения большевиков в государственной измене. Ликвидация советских следственных комиссий едва ли была продиктована желанием руководства ВЦИК осложнить положение большевиков. Решающую роль здесь сыграло требование Временного правительства передать расследование в руки официальных властей, а также откровенное недоверие значительной части общества к расследованию обвинений против большевиков социалистами.

Лаврова Е.М.

«Принять пожертвование мы согласимся лишь после тщательнейшей проверки...»: новые документы о взаимоотношениях большевиков с Карлом Моором в 1917 году

Вопрос о финансировании Германией партии большевиков в 1917 году остается, по словам Г.Л. Соболева, «одной из наиболее запутанных и политизированных тем в нашей новейшей истории»⁴. Предположения о масштабных германских субсидиях, полученных большевиками через посредничество А.Л. Парвуса, до сих пор не получили прямых документальных подтверждений⁵. Тем не менее, версия о «немецких миллионах» и сейчас повторяется даже в научной литературе⁶. Отчасти, вероятно, это объясняется

солдатских депутатов. 1917. 14 июля; Ответ т. Н. Ленина // Рабочий и солдат. 1917. 26 июля.

¹ Солдат Б. Они не предатели революции // Рабочий и солдат. 1917. 30 июля.

² Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1994. Т. 3. С. 645.

³ Злоказов Г.И. Меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 г. С. 90.

⁴ Соболев Г.Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914 – 1918. СПб, 2009. С. 5.

⁵ Там же. С. 309.

⁶ См., напр.: Иванцова О.К. «Германский фактор» в русской революции: по материалам следственного дела большевиков в июле – октябре 1917 года // Следственное дело большевиков: Материалы Предварительного Следствия о вооруженном выступлении 3 – 5 июля 1917 г. в Петрограде против государственной власти. Июль – октябрь 1917

тем, что готовность Германии субсидировать антивоенное и революционное движение в России сомнений не вызывает¹. В то же время, очень немногие документы позволяют судить о действительном отношении большевиков к подобным субсидиям. Сами они – что вполне естественно – публично отрицали возможность сотрудничества с Германией и немецким «социалшовинистом» Парвусом², но эти заявления зачастую вызывают недоверие у историков³ и, действительно, не могут служить убедительным доказательством. Воспоминания большевиков, демонстрирующие, по едкому выражению С.П. Мельгунова, их «позднюю “принципиальность”»⁴, также могут быть не слишком искренними. С другой стороны, свидетельства о неразборчивости В.И. Ленина по отношению к источникам средств для партийной работы придают – с точки зрения некоторых исследователей – определенную убедительность версии о «немецких деньгах»⁵. На эту неразборчивость уже в 1917 году обращали внимание многие из социалистов, опрошенных во время следствия по делу большевиков. Здесь они ссылались, например, на участие большевиков в экспроприациях и присвоение ими наследства Н.П. Шмидта⁶. Именно исходя из этих фактов Г.В. Плеханов предположил, что Ленин «для интересов своей партии мог воспользоваться средствами, заведомо для него идущими из Германии»⁷. Однако подобные предположе-

г. М., 2012. Кн. 1. С. 73 – 75. Автор полагает, что большевики получили из германских источников около миллиона рублей – сумму, которая была необходима для постановки и издания «Правды» и «Солдатской правды» и иных издательских целей (Там же. С. 73). Обосновывая это предположение, О.К. Ивандова ссылается на заключение экспертов, изучавших в 1917 г. финансовую документацию большевистских газет и определивших «вероятностную долю “германского капитала”» в их финансировании (Там же. С. 63). Однако в указанных документах какие-либо упоминания о «германском капитале» отсутствуют: напротив, эксперт пришел к заключению, что «посторонних поступлений» в кассу «Правды» не было, а выручка от реализации газеты и суммы, собранные в фонд типографии и в «железный фонд “Правды”», оправдывали расходы и на издание газеты, и на приобретение типографии (Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 332). Расходы по изданию «Солдатской правды», по заключению эксперта, также полностью покрывались подписной платой и выручкой от розничной продажи газеты (Там же. С. 347 – 348).

¹ Соболев Г.Л. Тайный союзник. С. 117 – 122.

² См., напр.: Ленин Н., Зиновьев Г., Каменев Ю. Письмо в редакцию // Новая жизнь. 1917. 11 июля; Ленин Н. Ответ т. Н. Ленина. (Окончание) // Рабочий и солдат. 1917. 27 июля.

³ См., напр.: Мельгунов С.П. «Золотой немецкий ключ» к большевизской революции // Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевизской революции. М., 2014. С. 540 – 541; Земан З., Шарлау В. Парвус – купец революции. Нью-Йорк, 1991. С. 267 – 269.

⁴ Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. С. 532.

⁵ Там же. С. 551; Фельштинский Ю.Г. Вожди в законе. М., 2008. С. 52.

⁶ Интересны, например, показания Г.А. Алексинского (Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 115), А.И. Любимова (Там же. С. 516 – 517), Л.Г. Дейча (Там же. С. 610 – 611), а также письмо Д.Ф. Сверчкова (Там же. С. 606 – 607).

⁷ Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 1. С. 217.

ния, даже высказанные людьми, хорошо знавшими Ленина, также не могут сами по себе служить доказательством его вины.

В то же время, один факт получения большевиками денег от агента германского правительства в 1917 году имеет строгое документальное подтверждение. Этим агентом был видный деятель швейцарского и международного социал-демократического движения Карл Моор (1852 – 1932)¹. В отличие от Парвуса, в годы мировой войны Моор не скомпрометировал себя открытыми прогерманскими симпатиями². Он примыкал к интернационалистскому течению в социал-демократии, а в 1915 году принял участие в Циммервальдской конференции³. Внимания русской контрразведки и «союзных» спецслужб, искавших в 1917 году доказательства связи большевиков с Германией, Моор не привлек. Впрочем, в так называемых «документах Сиссона», сфабрикованных журналистом А.М. Оссендовским, некий «Мор» или «Мир» был упомянут в роли сообщника Парвуса и одного из посредников между ним и большевиками⁴. По предположению В.И. Старцева, Оссендовский услышал фамилию Моора, когда собирал информацию и слухи о «подозрительных» людях в Стокгольме и Копенгагене – и таким образом, сам не зная об этом, «попал пальцем в большое место»⁵. Публикация указанного документа в газете «Le Petit Parisien» в феврале 1918 года⁶ привлекла к Моору интерес французской разведки, но ничего определенного ей обнару-

¹ Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 г. // Отечественная история. 1993. № 2. С. 128. Биографии Моора посвящены две специальные работы (см.: Haas L. Carl Vital Moor 1852 – 1932. Ein Leben für Marx und Lenin. Zürich, 1970; Schurer H. Karl Moor – German agent and friend of Lenin // Journal of Contemporary History. 1970. Vol. 5. № 2. P. 131 – 152).

² Именно сочувствие национальным интересам Германии могло, по мнению биографов Моора, подтолкнуть его к тайному сотрудничеству с германскими властями во время мировой войны. В то же время, Моор мог руководствоваться и корыстными соображениями (см. подробнее: Шюддекопф О.Э. Германия между Востоком и Западом. Карл Моор и немецко-русские отношения в первой половине 1919 г. // Германия и революция в России. 1915 – 1918. Сборник документов. М., 2013. С. 299 – 302; Schurer H. Karl Moor – German agent and friend of Lenin. P. 135; Haas L. Carl Vital Moor 1852 – 1932. S. 150 – 151).

³ Темкин Я.Г. Циммервальд – Кинталь. (Из истории борьбы В.И. Ленина за объединение социалистов-интернационалистов). М., 1967. С. 50; Schurer H. Karl Moor – German agent and friend of Lenin. P. 136.

⁴ The German-Bolshevik Conspiracy // War information series. 1918. № 20. P. 28. Документ с упоминанием «Мора» принадлежал к первой серии документов, изготовленных Оссендовским, которая начала распространяться в России с декабря 1917 г. В публикации «документов Сиссона» эти материалы помещены в приложении № 1 к основному тексту (Старцев В.И. Немецкие деньги и русская революция: Непубликованный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2006. С. 38 – 39).

⁵ Там же. С. 229. Можно добавить, что «подозрительными» с точки зрения Оссендовского могли быть все деятели, так или иначе связанные с Циммервальдом.

⁶ Documents allemands inédits. Lenine, Trotzki, etc... // Le Petit Parisien. 1918. 8 février.

жить не удалось¹. Известно также, что в 1918 году Моор стал вызывать подозрения и у некоторых большевиков. В письме к Ленину в августе 1918 года Г.Л. Шкловский прямо назвал Моора «купленным за деньги» немецким агентом². Однако никаких последствий для Моора это резкое заявление не имело: он подолгу жил в Советской России и пользовался явным расположением большевистских властей³.

О сотрудничестве Моора с германским правительством стало достоверно известно после публикации документов германского Министерства иностранных дел во второй половине 1950-х гг.⁴ Среди этих документов обращали на себя внимание отчеты и сообщения агента Байера, который, как видно, поддерживал контакты со многими представителями русских революционных партий в эмиграции. Переезды этого агента полностью совпадали с путешествиями Моора, что позволило доказать тождество Байера и видного швейцарского социалиста⁵. Документы давали основания предполагать, что Моор мог оказывать большевикам финансовую помощь⁶; исследователи также обращали внимание на его последующую «карьеру» в Советской России⁷. Предположения получили документальное подтверждение в 1993 году, когда С.М. Ляндрес опубликовал документы из так называемых «особых папок» секретариата и Оргбюро ЦК большевиков за 1923 – 1927 гг. Как видно из этих документов, с 1921 года Моор пытался добиться возвращения ему денег, которые он передавал большевикам в 1917 году и позднее. Хотя долг был признан большевистскими лидерами, выдача Моору денег растянулась почти на шесть лет, и в фонде ЦК отложилась подробная переписка по этому поводу. На основании расчетов, приведенных в этих документах, Ляндрес пришел к выводу, что в 1917 году Моор передал большевикам сумму, равную 113 926 шведским кронам; получателями субсидии были

¹ Попова С.С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде по французским и российским архивным источникам. М., 2010. С. 306, 308 – 309.

² Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 г. С. 130.

³ Там же. С. 131.

⁴ Halweg W. Lenins Rückkehr nach Russland 1917. Die Deutschen Akten. Leiden, 1957 (см. также: Хальвег В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. М., 1990); Germany and the Revolution in Russia 1915 – 1918. London, 1958 (см. также: Германия и русские революционеры в годы первой мировой войны // Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 233 – 411; Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны (в документах МИД Германии) // Германия и революция в России. С. 44 – 258).

⁵ Schurer H. Karl Moor – German agent and friend of Lenin. P. 137. В одном из документов за 1917 год, сохранившихся в архиве Министерства иностранных дел Германии, «Байер» описывался как журналист, известный швейцарский социал-демократ, участвовавший в Стокгольмской конференции (Haas L. Carl Vital Moor 1852 – 1932. S. 148). Одновременно Моор негласно сотрудничал и с австрийскими властями (Ibid. P. 149).

⁶ Haas L. Carl Vital Moor 1852 – 1932. S. 173.

⁷ Катков Г.М. Февральская революция. М., 2006. С. 137.

члены Заграничного бюро ЦК большевиков в Стокгольме¹. О происхождении этих денег существуют различные мнения. Большинство исследователей полагает, что их источником было германское правительство², однако С.С. Попова допускает, что Моор мог финансировать большевиков и из личных средств³. Представляется, однако, что этот вопрос не имеет принципиального значения: в любом случае Моор передавал большевикам деньги с ведома и с одобрения германских властей.

Итак, факт получения большевиками денег от Моора был доказан, однако подробности их сотрудничества до сих пор практически не были известны. Источником сведений об их взаимоотношениях служили обычно два документа: письмо В.И. Ленина членам Заграничного бюро ЦК от 17 (30) августа 1917 г.⁴, а также протокол заседания ЦК большевиков 24 сентября, на котором обсуждалось предложение Моора «передать в распоряжение ЦК некоторую сумму денег»⁵. Эти материалы не позволяли понять, когда и при каких обстоятельствах большевики все же согласились принять предложение Моора; высказывалось предположение, что Моор мог передать деньги еще весной 1917 г., в том числе финансировать возвращение Ленина в Россию⁶. При этом, по мнению Л. Хааса, большевики должны были догадываться о связях Моора с правительствами Центральных держав и о действительных источниках предложенных им денег⁷. Внести в исследуемый вопрос некоторую определенность удалось С.М. Ляндресу. Он обратил внимание на письмо К.Б. Радека Ленину от 16 (3) июля 1917 г., в котором Радек упоминал о деньгах, полученных членами ЗБ ЦК, и об их расходовании⁸. Ляндрес предположил, что речь шла о суммах, полученных от Моора; это позволило ему сделать вывод, что к указанному времени большевики получили по крайней мере часть денег Моора, а также определить, как эти деньги были использованы.

¹ Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 г. С. 130. Еще 15 тысяч марок (или 7 500 шведских крон) Моор, по просьбе К.Б. Радека, передал вдове германского коммуниста Э. Левине в 1919 г. Кроме того, Моор потребовал компенсировать ему убытки, вызванные просрочкой уплаты долга (Там же. 138 – 139); общая сумма, затребованная им, составляла 40 226 долларов США (Там же. С. 141).

² Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 г. С. 128. См. также: Haas L. Carl Vital Moor 1852 – 1932. S. 170; Фельштинский Ю.Г. Вожди в законе. С. 51 – 52.

³ Попова С.С. Между двумя переворотами. С. 39.

⁴ Ленин В.И. Заграничному бюро Центрального Комитета // Ленин В.И. ПСС. М., 1970. Т. 49. С. 445 – 451.

⁵ Протоколы Центрального комитета РСДРП (б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 69 – 70.

⁶ Haas L. Carl Vital Moor 1852 – 1932. S. 138, 174; Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 г. С. 129 – 130.

⁷ Haas L. Carl Vital Moor 1852 – 1932. S. 170, 176.

⁸ Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 г. С. 130. См. также: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 122. Л. 1.

Публикуемые ниже документы из фонда ЦК РСДРП (б) в РГАСПИ, позволяют установить некоторые дополнительные подробности сотрудничества большевиков с Моором в 1917 году. Документы сохранились в составе дела под заголовком «Стасова Е.Д. Письмо по поручению ЦК [РСДРП] неизвестному о согласии ЦК принять пожертвование в 100 тысяч франков лишь после дополнительной тщательной проверки и официального расследования его источника, с приложением 2-х писем по данному вопросу»¹. Дело включает в себя три документа:

1) Рукописное письмо от 1 июля 1917 г. на немецком языке, подписанное Карлом Моором и адресованное членам Заграничного представительства ЦК большевиков – Орловскому (В.В. Воровскому), Я.С. Ганецкому и К.Б. Радеку.

2) Рукописное письмо, судя по довольно небрежному оформлению – черновик. Письмо написано на бланке Handels-og Eksportkompagniet²; в нем нет ни обращения, ни подписи, но по его содержанию можно понять, что оно было составлено членами Заграничного бюро ЦК в Стокгольме и адресовано руководителям большевиков в Петрограде, вероятнее всего – непосредственно Ленину³. Почерк принадлежит, по всей видимости, В.В. Воровскому.

3) Рукописное письмо на бланке ЦК РСДРП от 29 июня 1917 г. за подписью Е.Д. Стасовой. Документ имеет исходящий номер и заверен печатью ЦК. Письмо начинается с обращения «уважаемый товарищ» и, очевидно, является ответом на письмо В.В. Воровского⁴.

Используя эти документы, можно попытаться реконструировать взаимоотношения большевиков с Карлом Моором в течение 1917 года. Это и стало задачей данной статьи.

Биографы Карла Моора по-разному отвечают на вопрос о том, когда именно он начал сотрудничать с германским правительством⁵. Однако после Февральской революции в России значимость тех услуг, которые он мог предложить Германии, очевидно, возросла. В конце апреля – начале мая

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1946.

² «Handels-og Eksportkompagniet» («Торгово-экспортная компания») – коммерческая фирма, директором которой был Я.С. Ганецкий.

³ Скорее всего, письмо было личным: об этом говорит использование местоимения «Вы» (с заглавной буквы) при обращении к адресату. В таком случае, получателем письма едва ли мог быть кто-то иной, кроме Ленина. Как известно, Заграничное представительство ЦК в Стокгольме было создано именно по его инициативе. В апреле – июне 1917 года Ленин поддерживал постоянную связь с членами ЗБ ЦК: за этот период он направил им по крайней мере пять писем и ряд телеграмм и регулярно получал от них сообщения о работе бюро (Воробцова Ю.И. Деятельность представительства ЦК РСДРП (б) в Стокгольме. (Апрель – ноябрь 1917 г.) М., 1968. С. 17 – 20).

⁴ Исходя из того, что в деле оказался именно такой набор документов – оригинал писем К. Моора и Е.Д. Стасовой и черновик письма членов ЗБ ЦК в Петроград, следует предположить, что документы поступили в архив в числе материалов Заграничного представительства ЦК.

⁵ Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 г. С. 129.

1917 года Моор направил Вальтеру Нассе – германскому военному атташе в Берне – по меньшей мере, два отчета о своих беседах с представителями российских революционных партий (по имени Моор назвал только двух собеседников – большевика Г.Л. Шкловского и меньшевика П.Б. Аксельрода). В этих разговорах он осторожно завел речь об оказании финансовой помощи российским интернационалистам – и сообщал Нассе, что его собеседники проявили «радостную готовность» такую помощь принять¹. Далее Моор описывал план, позволяющий передать деньги, не вызвав подозрений у российских революционеров; в качестве человека, наиболее подходящего для роли посредника, он предложил самого себя². В конце мая (по европейскому календарю) Моор приехал в Стокгольм, куда в тот момент перебрались члены Международной социалистической комиссии³, готовившиеся к открытию III Циммервальдской конференции⁴. В соответствии с планом, предложенным в письме к Нассе, Моор намеревался отправиться в Россию⁵. Этой поездке помешал скандал вокруг Роберта Гримма⁶, серьезно скомпрометировавший Циммервальдское движение в глазах российских властей⁷. Однако в Стокгольме Моор смог установить контакт с членами Заграничного бюро ЦК большевиков⁸ и предложить финансовую помощь

¹ Германия и русские революционеры в годы первой мировой войны // Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. С. 314 – 315. К этим утверждениям Моора, возможно, следует относиться с осторожностью. Часть информации, которую он сообщал Нассе в этом отчете, выглядит не слишком правдоподобной: так, он утверждал, что русские революционеры почти единодушно поддерживали идею сепаратного мира между Россией и Германией. Стремясь заинтересовать своего корреспондента, Моор, очевидно, мог преувеличивать и готовность российских интернационалистов принимать зарубежные субсидии для работы в пользу мира.

² Там же. С. 315 – 316.

³ Международная социалистическая комиссия – исполнительный орган Циммервальдского объединения.

⁴ Schurer H. Karl Moor – German agent and friend of Lenin. P. 139.

⁵ Из опубликованных С.С. Поповой документов видно, что Моор в мае – июне 1917 года добивался рекомендаций для въезда в Россию от руководителя русского пресс-агентства в Берне, но не получил их (Попова С.С. Между двумя переворотами. С. 306, 308).

⁶ Швейцарский социалист Р. Гримм, председатель Международной социалистической комиссии, был обвинен в попытке содействовать заключению сепаратного мира между Россией и Германией и 3 (16) июня выслан из России (см. подробн.: Платтен Ф. Ленин из эмиграции в Россию: Сборник. М., 1990. С. 67 – 77). Любопытно, между прочим, что в комиссию по делу Гримма, созданную в конце июня руководителями Циммервальдского объединения, первоначально вошел и Моор. Это говорит о доверии, которым пользовался Моор в европейской социалистической среде. Позднее его заменил швейцарский социалист Отто Ланг; по мнению Х. Шурера, Гримм мог возражать против участия Моора в комиссии, поскольку между ними существовала личная неприязнь (Schurer H. Karl Moor – German agent and friend of Lenin. P. 140 – 141).

⁷ Шюддекопф О.Э. Германия между Востоком и Западом. С. 304; Schurer H. Karl Moor – German agent and friend of Lenin. P. 140.

⁸ Стоит отметить, что с К.Б. Радеком Моор был знаком с 1904 года (Schurer H. Karl Moor – German agent and friend of Lenin. P. 133).

им. По-видимому, Я.С. Ганецкий, приехавший в Петроград в конце мая – начале июня, уже тогда проинформировал Ленина о контактах с Моором¹. Переговоры о передаче Моором определенной суммы в распоряжение ЦК большевиков завершились уже после возвращения Ганецкого в Стокгольм. 1 июля (18 июня ст. стиля) Моор зафиксировал достигнутую договоренность в письме, адресованном членам ЗБ ЦК. Он подтверждал свою готовность передать в распоряжение ЦК большевиков сумму «около 100 тысяч франков»²; речь, очевидно, шла о швейцарской валюте. Эта сумма, по курсу на июнь 1917 г.³, равна примерно 70 тысячам рублей. Оценить размер этой субсидии можно, сопоставив ее с расходами и доходами большевистских организаций в России. Финансовые документы редакции «Правды», приобщенные к следственному делу большевиков, показывают, что расходы редакции за четыре месяца (с начала марта до начала июля 1917 г.) составили 582 500 рублей, в том числе около 240 тысяч рублей были потрачены на приобретение типографии и оборудования для нее. Доходы за этот же период составили 676 047 рублей⁴. Таким образом, субсидия, предложенная Моором, выглядит не слишком значительной; серьезно повлиять на финансовое положение партии в целом она, очевидно, не могла. В то же время, для Заграничного бюро ЦК предложенная сумма могла быть существенной. Насколько можно судить, средства, находившиеся в его распоряжении, были довольно ограниченными. Так, в письме от 23 (10) апреля Я.С. Ганецкий специально запрашивал Ленина, какую сумму ЗБ ЦК может тратить на телеграфные сообщения для «Правды»⁵. Об ограниченности средств говорит и скромный характер выпускавшегося ЗБ ЦК бюллетеня «Russische Korrespondenz „Prawda”»⁶. Бюллетень первоначально выходил один раз в неделю⁷ (позднее – два раза в неделю), причем печатался кустарным способом, при помощи

¹ См. документ № 2.

² См. документ № 1.

³ Финансовый отдел. Корреспонденции // Торгово-промышленная газета. 1917. 21 июня.

⁴ Большую часть доходов давала подписная плата и выручка от розничной продажи газеты (Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 329 – 330). Кроме того, крупную сумму дал специальный сбор на типографию, принесший в двухмесячный период около 140 тысяч рублей (На типографию «Правде» // Правда. 1917. 5 июля; см. также: Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 336). Еще около 36 тысяч рублей дал сбор в так называемый «железный фонд» «Правды» (Там же. С. 331).

⁵ Воробцова Ю.И. Деятельность представительства ЦК РСДРП (б) в Стокгольме. С. 20. В телеграмме от 9 мая (26 апреля) Ганецкий вновь задавал Ленину этот вопрос, прося сообщить «присылать ли, [и] [в] каком размере телеграммы для Правды» (Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 1. С. 542).

⁶ Согласно показаниям Б.А. Веселовского, на издание бюллетеней «Правда» [в конце мая – начале июня] ассигновала под расписку Ганецкого 4500 руб. (Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 510, 620).

⁷ Первый номер бюллетеня был выпущен 3 июня 1917 г. (Воробцова Ю.И. Деятельность представительства ЦК РСДРП (б) в Стокгольме. С. 44).

ротатора¹. Поэтому заинтересованность Воровского, Ганецкого и Радека в деньгах Моора вполне объяснима. По-видимому, примерно тогда же, то есть около 1 июля (18 июня), они направили Ленину письмо, в котором информировали о договоренности с Моором и предлагали утвердить составленную ими смету расходования денег². Именно смету Радек, очевидно, упоминал в письме Ленину от 16 (3) июля, сообщая: «Мы не получили еще от Вас ответа насчет распределения денег, полученных нами»³. Таким образом, предположение С.М. Ляндреса оказалось совершенно точным: речь в этом письме шла о деньгах Моора.

Письмо Моора и письмо Воровского позволяют судить о том, каким образом швейцарский социалист объяснял происхождение денег и свое желание субсидировать большевиков. Источником денег Моор называл наследство, полученное им от матери⁴. Версию о наследстве приводил и Воровский в письме Ленину⁵. По-видимому, такое заявление звучало вполне правдоподобно. После смерти матери в январе 1908 года Моор действительно унаследовал значительное состояние⁶. Среди русских революционеров он имел репутацию богатого человека: это подтверждают не только слова К. Радека⁷, но и воспоминания Л.Г. Дейча⁸. Можно также отметить, что Моор играл свою роль весьма искусно. Как видно из письма членов ЗБ ЦК, первоначально он предлагал большевикам более скромную сумму – и согласился на крупный дар только «под давлением Радека и приехавшего в это время из России Ганецкого». Воровский также упоминал в своем письме о появлении в Стокгольме некоей «близко стоящей» к Моору особы, которая, «узнав о предполагаемом даре», будто бы пыталась «оберечь его от возможной раздачи всего имущества»⁹. Такой эпизод также мог придавать правдоподобие версии Моора. В своем письме Моор ссылался на то, что в прошлом помогал «деньгами и кредитными гарантиями» представителям всех российских революционных партий и течений; в этом ряду он упомянул и своего

¹ Воровский В.В. Как мы встретили октябрьский переворот в Швеции. Воспоминания // Воровский В.В. Сочинения. М., 1933. Т. 3. С. 358. Лишь с 15 сентября члены ЗБ ЦК начали выпускать журнал «Vote der russischen Revolution», который был ориентирован на более широкий круг читателей и издавался типографским способом (Воробцова Ю.И. Деятельность представительства ЦК РСДРП (б) в Стокгольме. С. 44).

² См. документ № 2.

³ Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 г. С. 130. См. также: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 122. Л. 1.

⁴ См. документ № 1.

⁵ См. документ № 2.

⁶ Naas L. Carl Vital Moor 1852 – 1932. S. 115–116. Сам Моор позднее заявлял, что наследство составляло около 800 тысяч швейцарских франков. Хотя проследить такую сумму по документам не удалось, Л. Хаас считает, что эти слова Моора вполне соответствовали действительности (Ibid. S. 116 – 117). О «солидном наследстве», полученном Моором, говорилось и в донесении французской разведки в 1918 году (Попова С.С. Между двумя переворотами. С. 309).

⁷ Радек К. Ноябрь. (Страничка из воспоминаний) // Красная новь. 1926. № 10. С. 164.

⁸ Дом Плеханова РНБ. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 135. Л. 56.

⁹ См. документ № 2.

«старого друга Плеханова»¹. По-видимому, эти утверждения вполне соответствовали действительности², а это, очевидно, также говорило в пользу Моора. Далее, Моор указывал, что первоначально хотел поделить деньги между всеми направлениями русской социал-демократической партии (здесь, как и в письме к Нассе, он ссылался на беседу с П.Б. Аксельродом, который, по его словам, отнесся к этому предложению «с большой радостью»), но в итоге принял решение «начать с большевиков». Такое решение Моор объяснял своими политическими симпатиями, подчеркивая, что «в течение всей своей жизни принадлежал к радикальному направлению в социал-демократии»³. Представляется, что членам ЗБ ЦК в июне – июле 1917 года едва ли могло казаться подозрительным предложение заслуженного швейцарского социалиста, известного своей щедростью и «левыми» политическими взглядами. Представляется также, что в конфиденциальном письме к Ленину они могли быть вполне откровенны⁴. Кроме того, следует отметить, что еще до июльского кризиса членам Заграничного бюро стало известно, что русская контрразведка ищет доводов, чтобы обвинить большевиков в получении немецких денег: об этом Радек, ссылаясь на «доверенный источник», предупредил Ленина в своем письме от 16 (3) июля⁵. В случае, если члены ЗБ ЦК знали – или подозревали – об истинной роли Моора, упоминать о полученной от него субсидии в этом письме было бы со стороны Радека большой неосторожностью. В то же время, заинтересованность членов ЗБ ЦК в получении денег, возможно, заставляла их снисходи-

¹ См. документ № 1.

² В справке, составленной в 1925 году сотрудниками ЦК ВКП (б), сообщалось, что Моор «был прибежищем всех русских революционеров в их нуждах и во всем был готов помочь советом и действием», «оказывал широчайшую поддержку движению и отдельным его представителям», только в 1908 году уплатив «свыше ста пятидесяти тысяч <...> швейцарских франков» (Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 г. С. 137; см. также: Б.И. Николаевский – Г.М. Каткову // Германия и революция в России. С. 482). Находит подтверждение и указание Моора на помощь, оказанную им Г.В. Плеханову: в 1910 – 1911 гг. Моор действительно оказывал ему финансовую поддержку или, по крайней мере, выступал поручителем при получении Плехановым ссуды в одном из банков в Швейцарии (см.: Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова М., 1973. Т. 2. С. 272, 406).

³ См. документ № 1.

⁴ Как известно, в 1917 году Я.С. Ганецкий стал одним из главных подозреваемых в деле о «немецких деньгах», причем его неоднозначная репутация придавала убедительность обвинению в глазах современников. Некоторые из историков считают Ганецкого и Радека наиболее вероятными посредниками между Лениным и Парвусом или даже прямыми агентами германских спецслужб (Бьеркегрен Х. Скандинавский транзит. Российские революционеры в Скандинавии. 1906 – 1917. М., 2007. С. 410; Фельштинский Ю.Г. Вожди в законе. С. 41 – 42, 52). Однако прямых доказательств эти предположения не имеют; веских оснований считать их сознательными сообщниками Моора не дают и публикуемые документы.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 122. Л. 1.

тельное смотреть на предложенные Моором объяснения и, между прочим, на его желание сохранить анонимность¹.

Как видно из письма членов Заграничного бюро в Петроград, они рассчитывали, что большая часть внесенных Моором денег будет находиться в их распоряжении. Сумму «сверх предполагаемых расходов» они предлагали передать в распоряжение ЦК, но рекомендовали не переводить эти деньги в Россию, а оставить на хранении за границей. Предложенная ими смета не сохранилась, однако в письме названы некоторые статьи расходов – издание бюллетеней (т.е. «Russische Korrespondenz “Prawda”»), выпуск французских изданий бюллетеня², поддержка «левых» интернационалистских групп в Европе (в том числе, журнала «Arbeiterpolitik», органа группы «бременских левых» в Германии) и «предварительные расходы по созыву конференции левых циммервальдцев»³. Последний пункт позволяет скорректировать вывод, сделанный С.М. Ляндресом на основании письма Радека⁴: деньги Моора предполагалось использовать не для финансирования III Циммервальдской конференции, а для организации отдельной конференции «левых», которая в 1917 году так и не состоялась.

Судя по всему, члены ЗБ ЦК не сомневались в том, что их соглашение с Моором будет сразу утверждено Лениным. Как видно, тот не стал решать этот вопрос единолично: ответное письмо было 29 июня составлено Е.Д. Стасовой («по поручению ЦК»). Кто из руководителей партии участвовал в обсуждении, нам неизвестно, но, очевидно, Ленин должен был играть в нем важную роль. Написанный Стасовой ответ показывает, что петроградские большевики не были готовы безоговорочно принять деньги Моора. Не ответив на просьбу утвердить смету расходования денег, члены ЦК заявили, что согласятся принять их «лишь после тщательнейшей проверки того, что ни прямо, ни косвенно источник не связан ни с одним империализмом, ни с чем-либо не совсем чистым вообще»⁵. Итак, отношение к предложенной субсидии оказалось – в данном конкретном случае – весьма осторожным, по крайней мере, более осторожным, чем предполагали противники большевиков. Сложно сказать, какую роль здесь сыграли принципиальные соображе-

¹ См. документ № 2.

² Некоторые номера «Russische Korrespondenz “Prawda”» были в 1917 г. выпущены в Женеве в переводе на французский язык (Воробцова Ю.И. Деятельность представительства ЦК РСДРП (б) в Стокгольме. С. 44).

³ См. документ № 2. Еще 29 мая в письме Радеку Ленин призывал членов ЗБ ЦК ускорить созыв международного «совещания левых», сообщая, между прочим, что деньги для этой цели – около 3 – 4 тысяч рублей – будут вскоре посланы из Петрограда (Ленин В.И. К.Б. Радеку // Ленин В.И. ПСС. Т. 49. С. 440).

⁴ Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 г. С. 133 (примечание 29); его же. Немецкое финансовое участие в русской революции // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Сборник научных статей. СПб, 1993. Вып. 1. С. 63. Вывод С.М. Ляндреса использовали в своих работах и другие исследователи (см.: Старцев В.И. Немецкие деньги и русская революция. С. 10; Соболев Г.Л. Тайный союзник. С. 26 – 27; Логинов В.Т. Неизвестный Ленин. М., 2010. С. 238 – 239).

⁵ См. документ № 3.

ния. Однако Ленину сложно отказать в способности трезво оценивать возможные последствия своих решений. Вопрос о «немецких деньгах» в 1917 году стоял необычайно остро, причем эпидемия подозрительности охватила и социалистические партии¹. В этих условиях субсидия из непроверенного зарубежного источника могла безнадежно скомпрометировать большевиков в глазах их собственных сторонников². Очень важно, что члены ЦК приняли это решение еще до июльского политического кризиса, то есть до того, как лидерам партии было официально предъявлено обвинение в связи с Германией. Впрочем, после возвращения Ленина через Германию возможность такого обвинения была довольно очевидной. Уже в июне до большевиков доходили слухи, что в определенных кругах существует план обвинить их в получении немецких денег. 10 июня сообщение об этом было опубликовано в «Правде»³. Неудивительно, что на таком фоне петроградские большевики могли опасаться «злостных провокаторских шагов». В то же время в письме Стасовой была от имени ЦК выражена уверенность, что члены Заграничного бюро «ни с каким источником, сколько-нибудь подозрительным, никогда бы и не связались»⁴. Это позволяет полагать, что члены ЦК в этот момент не имели каких-либо подозрений непосредственно против Моора.

События 3 – 5 июля и обвинение в государственной измене, выдвинутое против большевиков, не могли не повлиять на их отношение к предложению Моору. 17 (30) августа, «после долгих недель вынужденного перерыва», Ленин поднял вопрос о Мооре в письме к членам Заграничного бюро ЦК⁵. Вопросы о политической честности Моора, которые Ленин ставил в этом письме, заставляли исследователей предполагать, что у лидера большевиков были к этому времени «серьезные основания подозревать Моора в связях с немецким правительством»⁶. Новые данные, возможно, позволяют взглянуть на этот документ несколько иначе. Заметим, что четвертый пункт письма, в котором Ленин ставил вопрос о доверии Моору, следовал непосредственно после вопроса о «денежных делах» бюро. Представляется, что Ленин стремился – в несколько завуалированной форме⁷ – донести до чле-

¹ См. подробнее: Лаврова Е.М. Обвинения в связях с Германией как внутренняя проблема революционного сообщества в 1917 г. // Герценовские чтения 2015. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2016. С. 210 – 229.

² См. подробн.: Церетели И.Г. Кризис власти. Воспоминания лидера меньшевиков, депутата II Государственной думы. 1917 – 1918. М., 2007. С. 223 – 224.

³ Травля против интернационалистов // Правда. 1917. 10 июня.

⁴ См. документ № 3.

⁵ Ленин В.И. Заграничному бюро Центрального Комитета // Ленин В.И. ПСС. Т. 49. С. 447. Отправить письмо Ленину удалось лишь после 25 августа (7 сентября).

⁶ Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 г. С. 130.

⁷ Составляя это письмо, Ленин, как видно, считал необходимым соблюдать особенную осторожность. Только соображениями конспирации можно, например, объяснить сделанную им в письме оговорку: «Если правда, что Моор в Стокгольме и если Вы знакомы с ним» (выделено мной – Е.Л.) (Ленин В.И. Заграничному бюро Центрального Комитета // Ленин В.И. ПСС. Т. 49. С. 447). Интересно также, что, набрасывая план письма, Ленин зашифровал Моора под именем «Шиллер» (как известно, швейцарский

нов ЗБ ЦК свое мнение о предложенной Моором субсидии. Считаясь с политической обстановкой, сложившейся после июльских событий, Ленин повторял – в более решительной форме – июньское требование ЦК провести «тщательнейшую проверку» относительно Моора¹. Однако, по-видимому, его слова означали, что после «строжайшей и документальной проверки», при отсутствии каких-либо «подозрений, нареканий, слухов и т.п.», предложенные Моором деньги все же могут быть приняты. В этом же письме Ленин требовал от членов Заграничного бюро активизировать издательскую и организационную деятельность, предлагая немедленно созвать «конференцию левых для основания III Интернационала» – и выражал надежду, что деньги на эту конференцию найдутся². Это не означает, что Ленин давал санкцию на сотрудничество с Моором вне зависимости от результатов расследования: недаром он несколько раз подчеркнул необходимость строжайшей проверки. Но, вероятно, это говорит о том, что какими-либо сведениями, компрометирующими Моора, лидер большевиков не располагал. Между тем, члены ЦК, находившиеся в Петрограде, заняли более жесткую позицию, чем Ленин³. 24 сентября они снова обсуждали предложение Моора, переданное на этот раз через Н.А. Семашко. Кто же инициатором нового обращения к ЦК – члены Заграничного бюро или же сам Моор, сказать сложно. На этот раз среди аргументов, приведенных в пользу предложения Моора, как видно, прозвучало указание на помощь, которую он оказывал Г.В. Плеханову⁴ (этот довод, как было показано, использовал сам Моор, но Воровский в письме к Ленину об этом не упоминал). Однако члены ЦК отклонили предложение Моора уже в категорической форме, объявив недопустимыми «всякие дальнейшие переговоры по этому поводу». Решение мотивировалось невозможностью проверить «действительный источник предлагаемых средств» и «истинные цели предложения Моора»⁵. Впрочем, с учетом позиции, занятой лидерами большевиков еще в июне, такое решение кажется вполне естественным.

Документы пока не позволяют точно определить, когда предложенные Моором деньги были в действительности переданы большевикам. В своем письме в Петроград (около 1 июля н. с.), Воровский сообщал, что фактиче-

социалист был тезкой героя знаменитой шиллеровской драмы). (План письма Заграничному бюро ЦК РСДРП (б) от 30 августа – 7 сентября 1917 г. // Ленинский сборник XXI. М., 1933. С. 72).

¹ Ленин В.И. Заграничному бюро Центрального Комитета // Ленин В.И. ПСС. Т. 49. С. 447.

² Там же. С. 448.

³ Как известно, ЦК большевиков был переизбран на VI съезде партии. В заседании, на котором повторно обсуждалось предложение Моора, приняли участие Я.М. Свердлов, И.В. Сталин, Л.Б. Каменев, Г.Я. Сокольников, Л.Д. Троцкий, М.С. Урицкий, А.И. Рыков, А.С. Бубнов и С.Г. Шаумян (Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). С. 69). Изменение состава ЦК могло повлиять на его позицию, наряду с обвинениями, открыто выдвинутыми против большевиков в июле 1917 г.

⁴ Там же. С. 70.

⁵ Там же.

ская передача денег «еще не произошла, но предполагается в ближайшее время»¹. А в письме Ленину от 16 июля Радек уже писал о «полученных» деньгах. Однако, вероятно, на тот момент члены ЗБ ЦК получили только часть обещанных денег. Моор заранее предупредил их, что может оказаться не в состоянии выплатить всю сумму сразу². В составленной в 1925 году справке об оказании Моором помощи русскому революционному движению указано, что деньги были выданы «частями, с неодинаковыми промежутками, в зависимости от поступающих срочных запросов». Приведенные в справке расчеты, показывают, например, что сумма в 73 000 шведских крон была выдана восьмью относительно небольшими частями. Две более крупные выплаты, равные соответственно 25 926 и 15 000 шведских крон, были произведены в швейцарских франках и германских марках³. Была ли большая часть этих денег выплачена летом 1917 года, как полагает С.М. Ляндрес⁴? Эту версию подтверждает письмо, в сентябре 1925 года направленное Я.С. Ганецкому Н.П. Горбуновым, управляющим делами СНК. Горбунов писал, что к нему явился Моор и поставил вопрос о возвращении «той суммы денег, которую он в июле – августе 1917 года одолжил партии»⁵. Если Моор в разговоре с Горбуновым назвал точные сроки передачи денег⁶, это означает, что члены ЗБ ЦК, вопреки требованию ЦК провести тщательное расследование относительно Моора, получали от него деньги на свой страх и риск. Полностью исключать такую версию не следует: члены Заграничного бюро могли вести себя довольно независимо по отношению к ЦК, тем более что после событий 3 – 5 июля связь ЗБ ЦК с Петроградом была затруднена⁷. Еще до фактической передачи денег, Воровский сообщал Ленину, что члены ЗБ ЦК уже приступили – не дожидаясь утверждения сметы – к расходованию по некоторым неотложным статьям⁸. Речь, очевидно, шла о расходовании денег в долг, и в результате члены Заграничного бюро могли быть вынуждены прибегнуть к средствам Моора.

Некоторые другие данные, однако, противоречат предположению, что основная сумма была выплачена Моором в июле – августе 1917 года. Впервые, как мы знаем, 24 сентября ЦК большевиков повторно обсуждал предложение Моора. Это позволяет заключить, что члены Заграничного бюро все же считали необходимым получить санкцию от Центрального Ко-

¹ См. документ № 2.

² См. документ № 2.

³ Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 г. С. 138.

⁴ Там же. С. 128.

⁵ Там же. С. 136.

⁶ В письменном обращении к Горбунову Моор эти сроки не называл (Там же. С. 135).

⁷ Известно, например, что они никак не отреагировали на принятое 8 августа решение ЦК отстранить от работы в бюро Я.С. Ганецкого. Позднее Радек объяснил это тем, что стокгольмские большевики не знали о решении ЦК (Амиантов Ю.Н., Ермолаева Р.А. Дело Ганецкого и Козловского (из Протоколов заседаний ЦК РСДРП (б) в июне – ноябре 1917 г.) // Кентавр. 1992. № 5 – 6. С. 89).

⁸ См. документ № 2.

митета. Далее, известно, что 15 ноября 1917 г. из Берна в Министерство иностранных дел Германии было направлено сообщение от имени Моора. Он уведомлял Нассе, что получил от В.В. Воровского следующую телеграмму: «Выполните, пожалуйста, немедленно ваше обещание. Основываясь на нем, мы связали себя обязательствами, потому что к нам предъявляются большие требования»¹. Острая потребность Заграничного бюро в деньгах в ноябре 1917 г. легко объяснима: после Октябрьского переворота в России большевики стремились принять все возможные меры, чтобы стимулировать революционное движение в Европе. В течение недели после переворота ЗБ ЦК выпустило три воззвания к международному пролетариату, призывавших поддержать русскую революцию². Чрезвычайные обстоятельства вполне могли заставить Воровского, Ганецкого и Радека³ пренебречь предостережениями ЦК относительно Моора, тем более что позиция Ленина в этом вопросе, как мы видели, была не такой категоричной. Но телеграмма Воровского также может означать, что «обещание» Моора в тот момент еще не было выполнено в полном объеме. И наконец, значительная часть денег Моора, по-видимому, осталась неиспользованной: к 1922 году в Советскую Россию вернулись 83,5 тысячи датских крон, которые Ганецкий назвал «остатком от полученных сумм Моора»⁴ (по какому в точности курсу производился пересчет, неизвестно, но в 1917 г. датская крона была практически равна шведской⁵ – следовательно израсходовано могло быть около трети полученной суммы). Исходя из этих данных, можно предположить, что основную часть денег Моора большевики получили уже после Октябрьского переворота.

Следует также сказать несколько слов об условиях передачи этих средств. В своем письме от 1 июля Моор указывал, что предоставит оговоренную сумму «в распоряжение ЦК»⁶. Используя такое выражение, он мог иметь в виду и безвозмездное пожертвование, и ссуду. Однако условия и

¹ Германия и русские революционеры в годы первой мировой войны // Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. С. 346. Составители сборника «Germany and the Revolution in Russia 1915–1918» выдвигали предположение, что Воровский имел в виду обязательство заключить сепаратный мир с Германией, взятое на себя большевиками в обмен на денежную помощь (Germany and the Revolution in Russia 1915 – 1918. P. 85). Однако, как видно, Воровский говорил о долговых обязательствах, т.е. о затруднительном денежном положении ЗБ ЦК.

² Воробцова Ю.И. Деятельность представительства ЦК РСДРП (б) в Стокгольме. С. 139–141.

³ Известно, что Радек и Ганецкий вскоре после Октябрьского переворота отправились в Россию, однако границу в Торнео они пересекли лишь 18 (5) ноября (Смолин А.В. 1917 год: Торнео – дорога в Россию // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 49). Таким образом, решение обратиться к Моору могло быть принято членами ЗБ ЦК совместно.

⁴ Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 г. С. 134.

⁵ См.: Финансовый отдел. Корреспонденции // Торгово-промышленная газета. 1917. 21 июня.

⁶ См. документ № 1.

сроки возвращения денег он не оговаривал, а Воровский в письме Ленину вполне определенно называл Моора «жертвователем», а предложенную им сумму – «даром»¹. О «пожертвовании» говорилось и в ответном письме, составленном Стасовой². Тем не менее, в 1920-е гг. никто из большевистских руководителей не пытался оспаривать долг перед Моором. При этом средства, фактические переданные Моором (без учета денег, переданных им в 1919 году), заметно превышают ту сумму, о которой шла речь в его письме от 1 июля 1917 года: 113 926 шведских крон, по курсу, приведенному в расчетах, примерно равны 150 тысячам швейцарских франков. Поэтому нельзя исключать, что Моор мог – вероятнее, уже после Октябрьского переворота – заключить новое соглашение с представителями ЦК РСДРП (б), согласившись увеличить субсидию при условии возврата всей суммы после закрепления большевиков у власти.

Итак, новые документы позволяют установить некоторые существенные подробности сотрудничества большевиков с Карлом Моором в 1917 году и дополнить выводы, сделанные ранее С.М. Ляндресом. Соглашение о предоставлении большевикам субсидии Моор заключил с членами Заграничного бюро ЦК большевиков в Стокгольме около 1 июля (18 июня) 1917 г. Таким образом, деньги Моора не могли быть получены и использованы большевиками ранее указанного времени. Субсидия, предложенная Моором, сводилась к сумме в 100 000 швейцарских франков. Использовать эти деньги члены Заграничного бюро ЦК предполагали для покрытия расходов на издательскую деятельность за границей, а также для финансовой поддержки «левых» интернационалистских групп в Европе, в том числе в Германии, и для организации конференции «левых» циммервальдцев. Предположение о финансировании из этих сумм III Циммервальдской конференции не подтверждается: как видно, члены ЗБ ЦК намеревались использовать деньги Моора в соответствии со специфическими партийными представлениями о задачах международного социалистического движения.

Документы не содержат сведений о том, когда предложенные Моором деньги были фактически переданы большевикам. Однако, с учетом всех имеющихся данных, более вероятным кажется, что основную часть денег члены Заграничного бюро ЦК получили уже после Октябрьского переворота.

Новые материалы позволяют сделать и некоторые общие выводы о возможности германо-большевистского сотрудничества в 1917 году. Очевидная заинтересованность членов ЗБ ЦК в предложенной Моором субсидии, а также внимание, которое уделили этому вопросу руководители ЦК партии, косвенно говорят против версии о получении большевиками крупных денежных сумм через посредничество ЗБ ЦК: распоряжаясь миллионами, едва ли стоило придавать серьезное значение сумме, равнявшейся в тот момент 70 тысячам рублей. Документы также дают ценный фактический материал для характеристики отношения большевиков, в том числе Ленина,

¹ См. документ № 2.

² См. документ № 3.

к субсидиям из-за рубежа. Очень важно, что, несмотря на сравнительно небольшой размер предложенной субсидии, члены ЗБ ЦК просили руководителей партии утвердить их соглашение с Моором, а решение по этому вопросу вырабатывалось членами ЦК большевиков коллегиально. Как показывают документы, еще в июне 1917 года руководители партии отнеслись к предложению Моора с большой осторожностью и потребовали предварительно убедиться в том, что «ни прямо, ни косвенно источник не связан ни с одним империализмом, ни с чем-либо не совсем чистым вообще». При этом, известные нам материалы не доказывают, что большевики в тот момент располагали сведениями, компрометирующими Моора. В любом случае, политическая репутация Моора, примыкавшего к Циммервальдскому движению, давала куда меньше оснований подозревать его в связях с Германией, чем репутация Парвуса. Важно также, что договоренность с Моором была зафиксирована письменно и более или менее открыто обсуждалась в переписке между Центральным Комитетом и Заграничным представительством ЦК.

Все это позволяет сомневаться в том, что большевики были в 1917 году готовы принимать крупные субсидии из непроверенных – и, тем более, заведомо сомнительных – зарубежных источников, и в том, что значительные суммы могли поступить к большевикам, не оставив никакого документального следа.

Документ № 1

Stockholm, 1 Juli 1917

An die ausländische Vertretung des Centralcomités der russischen Sozialdemokratischen Arbeiterpartei (Bolschewiki)

Werte Genossen Orłowski, Hanecki und Radek,

Ich bestätige Ihnen dass ich bereit bin dem CC Ihrer Partei eine beträchtliche Summe zur Verfügung zu stellen. Mein Vermögen ist nicht sehr groß, ich bin nicht was man reich nennt, aber ich hoffe doch mit dem was ich entbehren kann der Partei einen kleine Dienst und mich eine große Befriedigung gewähren zu können. Die Summe die ich in verschiedenen Raten zur Verfügung stellen kann, beläuft sich etwa auf 100.000 frs (ein hunderttausend franken). Sollte ich nicht in Lage sein, so viel flüssig machen zu können, so werde ich sie rechtzeitig davon benachrichtigen, dass sie nicht – im Vertrauen auf meine Zusicherung – Dispositionen treffen, die Sie in Verlegenheit setzen.

Es gereicht mir zu ganz besonderer Genugtuung, dass ich, der ich vierzig Jahre lang ein armseliges Problemerleben geführt habe, nunmehr seit dem Tode meiner lieben Mütter instande bin, auch der Partei materiell¹ nützen zu können. Ich habe von jeher den Genossen und Genossinnen von Russland privatim mit Bargeld und Bürgschaften auszuhelfen gesucht und zwar Genossen aller² Richtungen: Bolschewiks, Menschewiks, Sozialrevolutionären, Bundisten usw, auch meinen alten Freunden Plechanow und vielen andern, aber es ist eine ganz andere

¹ Здесь и далее подчеркнуто в тексте.

² Слово дважды подчеркнуто в тексте.

Sache, für die Bewegung selbst auch materiell sich nützlich erweisen zu können. Ich habe anfangs daran gedacht, die bei den Hauptberichtigungen der russischen Sozialdemokratie in gleicher Weise zu unterstützen und sprach mit dem Genossen Pawel Borissowitsch Akselrod hierüber, der mein Anerbieten mit großer Freude entgegennahm, es war dies kurz vor seiner Abreise in Zürich. Aber da ich mein Leben lang der radikalen Richtung innerhalb der Sozialdemokratie angehörte, so liegt es mir näher, mit den Bolschewiks den Anfang zu machen.

Mit Genossengruß, Karl Moor.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1946. ЛЛ. 3 – 3 об. Рукопись.

Перевод¹:

Стокгольм, 1 июля 1917

В Заграничное представительство Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков)

Уважаемые товарищи Орловский, Ганецкий и Радек,

Я подтверждаю, что я готов предоставить в распоряжение ЦК вашей партии относительно большую сумму. Мое состояние не очень велико, я не то что называется богатый человек, однако я надеюсь, что я могу, поделившись излишками, сослужить партии небольшую службу и вместе с тем доставить себе большое удовлетворение. Сумма, которую я могу предоставить в нескольких выплатах, составляет примерно 100 000 франков (сто тысяч франков). Если я не буду в состоянии сразу выплатить эти суммы, я своевременно поставлю вас об этом в известность, чтобы у вас не возникло – вследствие Вашего доверия к моим гарантиям – обязательств, которые поставили бы вас в затруднение.

Мне особенно приятно, что я, который на протяжении 40 лет вел бедную жизнь, полную проблем, имею теперь возможность после смерти моей любимой матушки, быть полезным партии в материальном отношении. Я уже давно частным образом старался помогать русским товарищам обоюго пола наличными деньгами и кредитными гарантиями, причем товарищам **всех направлений**: большевикам, меньшевикам, эсерам, бундовцам и т.д., а также моему старому другу Плеханову и многим другим, но другое дело доказать свою полезность в материальном отношении самому движению. Я думал сначала поделить эти деньги в равных долях между всеми главными направлениями русской социал-демократии и говорил об этом с товарищем Павлом Борисовичем Аксельродом, который отнесся к этому предложению с большой радостью; мы обсуждали это в Цюрихе незадолго до его отъезда. Но так как я течение всей своей жизни принадлежал к радикальному направлению в социал-демократии, мне ближе идея начать с большевиков.

С товарищеским приветом, Карл Мур.

¹ Перевод документа выполнен М.А. Семеновым-Тянь-Шанским.

Документ № 2

Наш приятель, о котором говорил Вам Ганецкий, решил дать в полное, безоговорочное распоряжение Ц.К. сумму (в разных валютах) до 100.000 франков. Первоначально его намерения были значительно скромнее, но под давлением Радека и приехавшего в это время из России Ганецкого удалось добиться более крупного дара. Вам полезно знать, что деньги, из которых поступит к Вам эта сумма, составляют личную собственность жертвователя и получены им путем наследства. Это известно, между прочим, близкой к нему особе, которая, узнав о предполагаемом даре, специально приехала сюда, чтобы оберечь его от возможной раздачи всего имущества. Кстати, давая эти деньги, он знает, что часть их поступит на поддержку революционного движения в Германии и Австрии. По целому ряду личных причин (ликвидирует свои финансовые дела в Германии, должен вернуться через Герм[анию])¹ он просил не упоминать, что деньги эти исходят от него.

При сем Вы найдете нашу смету на расходование этих денег, которую просим Вас рассмотреть и сообщить нам Ваше согласие. По некоторым пунктам однако мы вынуждены были приступить к расходованию, не дожидаясь Вашего утверждения, а именно: 1) по статьям, касающимся издания бюллетеней, – ибо здесь уже раньше было сделано много расходов в долг и издание должно продолжаться 2) на французское издание бюллетеней² 3) на поддержку Arbeiterpolitik и 4) предварительные расходы по созыву конференции левых циммервальдцев.

Суммы, предназначенные для поддержки левых циммервальдцев, будут расходоваться постепенно и, конечно, в зависимости от отношения их к нашей политике³.

Деньги будут храниться здесь, причем суммы, полученные в иностранных валютах, при наиболее благоприятных условиях будут разменяны. Вам будет ежемесячно посылаться отчет. Фактическая передача денег еще не произошла, но предполагается в ближайшее время⁴.

Сумма, остающаяся сверх предполагаемых расходов, будет находиться в Вашем распоряжении и будет положена на совместный текущий счет т. Ганецкого и П. Орловского. Мы думаем, что Вам удобнее всего было бы держать эти деньги здесь, во-первых, потому что у Вас будут здесь покупки и платежи (напр[имер] ротационные машины), а во-вторых, потому что вообще благоразумно иметь некоторую сумму денег за границей.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1946. ЛЛ. 2 – 2 об. Бланк Handels-og Eksporthandelskompaniet. Рукопись.

¹ Фраза в скобках вписана над строкой.

² Пункт 2 вписан над строкой.

³ Первоначальный вариант фразы: «в зависимости от поддержки ими нашей политики».

⁴ Первоначальный вариант фразы: «предполагается в ближайшие дни».

Документ № 3

Петроград, 29 июня 1917 г.

№ 748

Уважаемый товарищ!

По поводу Вашего сообщения о жертвователе мы сообщаем Вам следующее: принять пожертвование мы согласимся лишь после тщательнейшей проверки того, что ни прямо, ни косвенно источник не связан ни с одним империализмом, ни с чем-либо не совсем чистым вообще. Требуем официального расследования источника с этой стороны. Мы вполне убеждены, конечно, что Вы ни с каким источником, сколько-нибудь подозрительным, никогда бы и не связались. Но мы просим дополнительной проверки, ибо теперь возможны даже злостно провокаторские шаги.

По поручению Ц.К.

Секретарь Ц.К. Елена Стасова.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1946. Л. 1. Рукопись, бланк ЦК РСДРП, печать ЦК РСДРП.

Павленко А.П.***Конфликты офицеров с подчиненными на Черноморском флоте в «корниловские дни»***

27 – 31 августа 1917 г. верховным главнокомандующим генералом от инфантерии Л.Г. Корниловым и его сторонниками была предпринята попытка военного переворота. Попытка, завершившаяся неудачей. Это выступление сыграло значительную роль в истории Революции 1917 г., способствовал дальнейшему углублению политического кризиса и росту влияния радикальных сил. Оно также негативно отразилось на положении офицерства русской армии и флота. Черноморский флот не стал исключением. Однако в отечественной историографии, как советской, так и современной, авторы исследований по истории Черноморского флота в 1917 г., как правило, ограничивались констатацией факта, что после «корниловщины» ухудшились отношения офицерского корпуса с солдатами и матросами. Исключение составляют статьи советского историка П.И. Попова и современного севастопольского исследователя В.В. Крестьянникова. В них приводится краткое перечисление основных конфликтов на Черноморском флоте в конце августа 1917 г.¹ Поэтому для реконструкции более полной и достоверной картины событий, имевших место на Черноморском флоте в ходе Револю-

¹ Попов П. Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов // Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции. М., 1958. С. 180; Крестьянников В.В. Демократизация Черноморского флота в 1917 г. и события 23 февраля 1918 г. в Севастополе // Севастополь: взгляд в прошлое: научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2006. С. 185.

ции 1917 г., нам представляется важным подробнее изучить конфронтацию в среде личного состава, вызванную корниловским выступлением.

Обращает на себя внимание тот факт, что ни один из изученных нами источников не содержит информации о том, что 27 – 31 августа в главной базе Черноморского флота – Севастополе – были конфликты офицеров и матросов. В других портах были несколько весьма заметных эксцессов. Наиболее крупными из них стоит признать инциденты в Одессе и Очакове.

Конфликт в Одессе разворачивался вокруг начальника Транспортной флотилии Черноморского флота вице-адмирала А.А. Хоменко. События конца августа имели свою предысторию. Бывший генеральный комиссар Черноморского флота Н.А. Борисов вспоминал: «Управление перевозками [по Черному морю] было сосредоточено в Одессе. Там получились очень крупные трения офицерством во главе с адмиралом Хоменко и матросами. В это дело вмешался Севастопольский Совет... Комиссии, посланной советом, я дал полномочия от себя и настоял на подтверждении их командующим флотом»¹. Действительно, командующий Черноморским флотом контр-адмирал А.В. Немитц своим приказом от 14 августа 1917 г. назначил специальную комиссию «для производства ревизии сумм и отчетности Транспортной флотилии и баржевого отряда Дунайской флотилии, а также для обследования ее деятельности». В состав комиссии вошли четыре офицера (в т.ч. представитель генерального комиссара старший лейтенант Р.Р. Левговд), пять матросов – членов Севастопольского Совета, и трое специалистов (с правом совещательного голоса)².

21 августа в Одессе собрался митинг матросов, организованный, по сведениям из телеграммы Р.Р. Левговда, местной партией эсеров. На митинг были приглашены А.А. Хоменко и начальник его штаба капитан 1 ранга В.Ф. Волькенау. Собравшиеся матросы, «выслушав их объяснения по предъявленным им обвинениям, постановили выразить адмиралу Хоменко недоверие и требовать его немедленного удаления»³. Р.Р. Левговд в телеграмме особо отметил: «Несомненно, на флотилии существует определенное недовольство штабом. Причин не знаю. <...> Предвидеть размеры конфликта невозможно»⁴. Спустя пять дней, 26 августа, в связи с принятым на митинге требованием отстранить начальника флотилии, правительственный комиссар Западного района Черного моря М. Шрейдер издал приказ, осуждающий действия матросов и призвал их ожидать законного решения вопроса об А.А. Хоменко⁵.

Однако в дни корниловского выступления конфликт перешел в острую фазу. 30 августа 1917 г. командующему флотом пришла срочная секретная телеграмма от командующего Одесским военным округом генерал-майора П.Г. Фелицына: «Следственная комиссия [Одесского] революционного ко-

¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 795. Л. 7.

² Военно-исторический музей Черноморского флота. Инв. № 6956. Приказ № 3400.

³ РГАВМФ. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 73. Л. 81.

⁴ Там же. Л. 82А.

⁵ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 142. Л. 329.

митета постановила арестовать адмирала Хоменко по политическим соображениям»¹. Однако вскоре, после разговора по прямому проводу с Одессой, выяснилось: вице-адмирал не арестован и находится на борту своего штабного корабля транспорта «Руслан»².

А.В. Немитц постарался спасти своего подчиненного от ареста. 30 августа в 11.00 командующий отправил телеграмму: «Адмиралу Хоменко. Экстренно. Выходить немедленно на одном из находящихся в Одессе миноносцев в Севастополь для личного доклада мне».³ Одновременно А.В. Немитц отправил вторую телеграмму П.Г. Фелицыну, в которой просил его и Одесский ревком «воздержаться от каких-либо активных шагов в отношении чинов Транспортной флотилии» до прибытия представителей командующего флотом, Севастопольского совета и генеральского комиссара Черноморского флота⁴. Во второй половине дня из Одессы пришла телеграмма о том, что А.А. Хоменко, по соглашению с Одесским ревкомом и генерал-майором П.Г. Фелицыным в Севастополь не пойдет, а останется на своем посту, ожидая прибытия «правительственного комиссара» (очевидно, автор телеграммы имел в виду вышеуказанных представителей командования, комиссара и совета)⁵.

По данным советского историка В.Г. Коновалова, А.А. Хоменко в конце августа все-таки подвергся домашнему аресту по подозрению в связях с корниловцами⁶. В изученных нами источниках подтверждение этому факту пока не обнаружено.

В конечном итоге 4 сентября 1917 г. вице-адмирал А.А. Хоменко покинул свою должность начальника Транспортной флотилии. Сделано это было в форме направления его в служебную командировку с назначением временно исполняющего обязанности капитана 1 ранга И.И. Степанова⁷. Как и следовало ожидать, из этой командировки обратно на свою должность А.А. Хоменко уже не вернулся. В 1917 г. на Черноморском флоте командование часто убирало с занимаемых должностей офицеров, имевших конфликты с подчиненными. Причем это происходило как в виде прямого отстранения, так и имело замаскированные, «мягкие» формы: перемещение на другую должность, предоставление отпуска по болезни или служебной командировки⁸.

Запутанной выглядит история, произошедшая в «корниловские дни» в Очакове (Очаковские укрепления входили в структуру Черноморского фло-

¹ Там же. Ф. 609. Оп. 3. Д. 276. Л. 3.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 11. Датировано по соседнему документу (Там же. Л. 12)

⁶ Коновалов В.Г. Красный флаг над Одессой. Одесса, 1977. С. 141.

⁷ Военно-исторический музей Черноморского флота. Инв. № 6956. Приказ № 3738.

⁸ Павленко А.П. Офицеры Черноморского флота России в Революции 1917 г. и начале Гражданской войны (март 1917 г. – апрель 1918 г.): Дис. ... к. ист. н. Екатеринбург, 2015. С. 179.

та). В центре конфликта оказались два офицера – генерал-лейтенант Генерального штаба В.И. Чекмарев и полковник А.А. Романус.

Приказом командующего Черноморским флотом от 4 сентября 1917 г. была назначена комиссия для расследования произошедших в Очакове событий¹. В начале сентября 1917 г. комиссия активно работала по сбору следственной информации. Опираясь на эти документы, реконструируем конфликт в Очакове.

В.И. Чекмарев был назначен комендантом Очаковской крепости в 1909 г.² В 1917 г. его отправили в отставку, а вокруг должности коменданта, по показаниям капитана В.В. Стукова, развернулась борьба двух группировок: «первой за полковника [С.А.] Григорьева, другой – за полковника [А.А.] Романуса. Когда стало известно, что назначается не Григорьев, а Романус, партия, стоявшая за Григорьева, предприняла более решительные шаги к дискредитированию полковника Романуса и содействовала его удалению»³.

Большинство свидетелей, опрошенных комиссией, сообщили, что полковник А.А. Романус был непопулярной фигурой в гарнизоне. В числе претензий звучали: приверженец старого строя, не пользуется авторитетом среди солдат, плохо обращается с подчиненными, семья офицера ведет себя неподобающим образом (антисемитские высказывания и использование казенных лошадей в личных целях)⁴.

Приказ Временного правительства о назначении А.А. Романуса на должность коменданта был подписан 23 августа 1917 г.⁵ – перед самым началом корниловского выступления. Товарищ председателя Очаковского Совета капитан торгового флота В.К. Кортеневский сообщил следствию: «Почти одновременное назначение полковника Романуса на должность и выступление генерала Корнилова послужило мотивом для отыскивания связи между этими двумя фактами»⁶. Подозрение к новому коменданту усиливалось благодаря ряду его действий. А.А. Романус потребовал у секретаря Очаковского Совета список воинских чинов, являющихся членами этого учреждения⁷ (это легко могло быть интерпретировано как подготовка к их аресту). Комендант распорядился доставлять телеграммы и телефонограммы непосредственно ему на квартиру, минуя штаб⁸. В глазах членов Совета это выглядело как желание скрыть получаемую информацию, свидетельство возможного участия в контрреволюционном заговоре. Однако, со слов капитана В.В. Стукова, следует, что причиной этого была недисциплинированность А.А. Романуса. Комендант крепости, согласно показаниям офицера,

¹ Военно-исторический музей Черноморского флота. Инв. № 6956. Приказ № 3742.

² Список генерального штаба. Исправлен по 1 июня 1914 г. Пг., 1914. С. 118.

³ РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1240. Л. 50.

⁴ Там же. ЛЛ. 12, 13, 13 об., 15 об., 30, 52 об., 54.

⁵ Военно-исторический музей Черноморского флота. Инв. № 6957. Секретное приказание № 217.

⁶ РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1240. Л. 15.

⁷ Там же. Л. 16.

⁸ Там же. ЛЛ. 15, 50 об.

«...опаздывал приходиться вовремя в штаб, телеграммы не прочитывались и не исполнялись. А у себя на дому он это мог сделать скорее»¹.

Когда началось корниловское выступление, все эти мелкие факты в глазах революционно настроенных солдат и общественных деятелей выглядели свидетельством причастности полковника к контрреволюции. Сам офицер своим неосторожным заявлением еще более усилил это впечатление. На митинге он зачитал телеграмму из Ставки о том, что В.Н. Львов неправильно передал А.Ф. Керенскому мысли Л.Г. Корнилова и на основании этого «уверял солдат, что, возможно, Корнилов не изменник»². С точки зрения современных знаний о подоплеке событий августа 1917 г. можно сказать о том, что в словах о некорректной передаче информации есть доля истины. Однако у части очаковцев в августе 1917 г. эти слова явно могли вызвать негативную реакцию.

Другой фигурой, вызывавшей недовольство солдат гарнизона, был бывший комендант генерал-лейтенант В.И. Чекмарев. В конце августа 1917 г. его тоже стали подозревать в причастности к корниловскому выступлению. Солдаты прожекторной команды говорили члену Очаковского Совета: «Если вы не арестуете Чекмарева, то это мы сами сделаем»³.

Опрошенные комиссией представители войсковых комитетов частей и подразделений Очаковского гарнизона дали разные показания относительно того, какая была обстановка в городе в «корниловские дни». Часть из них отметила, что в Очакове было относительно спокойно⁴, другие свидетели показали: в среде солдат росло недовольство А.А. Романусом и В.И. Чекмаревым, по городу ходили группы солдат, часть из которых была настроена довольно решительно⁵.

В итоге в ночь с 30 на 31 августа, в связи с ухудшением обстановки в Очакове, местный Совет собрался на срочное заседание (продолжалось с 1:20 до 5:20 ночи). Собравшимся депутатам было доложено о том, что члены Совета установили караул у квартиры В.И. Чекмарева, а также предложено принять меры против некоторых лиц командного состава, вызывающих недовольство.

В отношении генерал-лейтенанта В.И. Чекмарева было принято решение: «послать к нему депутацию <...> с предложением <...> выехать в 24 часа из Очакова, поручив депутатам провести осмотр документов, и, если найдут необходимых, то выемку таковых»⁶. Кроме того, отобрать подписку об оставлении квартиры семьей в недельный срок». А.А. Романуса признали непричастным к контрреволюционному движению, но, принимая во внима-

¹ Там же. Л. 50 об.

² Там же. Л. 14.

³ Там же. ЛЛ. 53, 54.

⁴ Там же. ЛЛ. 52 об., 54.

⁵ Там же. ЛЛ. 53, 54.

⁶ Обыск не проводился (РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1240. ЛЛ. 22 – 22 об.).

ние отсутствие авторитета в гарнизоне, предложили ему самоустраниться от должности коменданта и постараться получить новое назначение¹.

Сам полковник А.А. Романус сформулировал свою позицию в телеграмме командующему флотом: «Желая избежать какого-либо эксцесса, я дал свое согласие на требование Совета, отдав приказ о передаче должности капитану [В.В.] Стукову на время моей болезни»². А.В. Немитц потребовал возвратить офицера к исполнению обязанностей. Очаковский Совет на это ответил очень дипломатично: поблагодарил за приветствие, отметил, что «вполне подчиняется вашему требованию», но и одновременно однозначно просил принять меры к скорейшему удалению А.А. Романуса с должности коменданта во избежание эксцессов³. К сожалению, приказ о переводе полковника на другую должность пока не обнаружен.

28 августа 1917 г. конфликт разгорелся в Батуме. Начальнику Южного района службы связи ст. лейтенанту С.С. Акимову были предъявлены обвинения в халатном отношении и к интересам команды, и к службе. Собрание команд потребовало освободить этого офицера от занимаемой должности и назначить комиссию для расследования его деятельности⁴. Обстановка накалялась. В ночь с 28 на 29 августа «ввиду серьезности положения» капитан 1 ранга А.Ю. Свиньин по просьбе комитета Южного района службы связи и по постановлению местного временного ревкома предложил С.С. Акимову сдать шифры подпоручику по Адмиралтейству Я. Баштанникову. Самого С.С. Акимова в целях предосторожности временно изолировали на посыльном судне «Александр Михайлович»⁵.

29 августа ст. лейтенант был освобожден, а уже 30 августа, «по минованию кризиса», по просьбе комитета Южного района службы связи продолжил исполнение своих служебных обязанностей⁶. В Батум из Севастополя 4 сентября была направлена телеграмма о том, что начальник штаба командующего флотом приказал произвести расследование по делу С.С. Акимова и предоставить ему результаты⁷. К сожалению, материалы расследования пока не обнаружены.

В Батуме 31 августа случился еще один инцидент, в котором «по разные стороны баррикад» оказались командир корабля, поддержанный командой, и его начальство. 31 августа командир транспорта № 149 «Родосто» штабс-капитан по Адмиралтейству С.Ф. Исаев не исполнил приказаания сра-

¹ РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1240. ЛЛ. 7А – 7А об. Председатель президиума Очаковского совета старого состава солдат И. Панкеев назвал этот протокол неправильным и тенденциозным, не стал его подписывать и составил свой вариант документа. Он отличается в пункте о полковнике А.А. Романусе. Ему просто предлагалось предпринять шаги к получению нового назначения, но ничего не говорилось о самоустранении от должности. (РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1240. Л. 7Б).

² РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1240. Л. 9 об.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Оп. 3. Д. 276. Л. 57.

⁵ Там же. ЛЛ. 58, 59.

⁶ Там же. ЛЛ. 56, 58, 59.

⁷ Там же. Л. 31.

зу трех начальников: коменданта пункта посадки, командира порта и начальника 3-го отряда транспортов. Следствие подтвердило факт умышленного неисполнения распоряжений со стороны С.Ф. Исаева. Однако за офицера вступилась команда его транспорта, которая не стала выполнять приказ начальника 3-го отряда об аресте штабс-капитана при каюте¹.

Хотелось бы отметить противоречивость информации о судьбе начальника Отряда судов обороны северо-западной части Черного моря контр-адмирала П.И. Патон-Фонтон-Де-Веррайона. В монографии советского исследователя В.Г. Коновалова отмечается, во время корниловского выступления по инициативе Одесского ревкома П.И. Патон-Фонтон-Де-Веррайон был смещен, как «не пользующийся доверием матросов»². Однако документы штаба командующего Черноморским флотом свидетельствуют, что этот офицер был отстранен от занимаемой должности 19 августа – еще до выступления Корнилова, а на его место назначен вице-адмирал А.Г. Покровский³.

Черноморские офицеры в «корниловские дни» вовремя заняли верную политическую позицию. Л.Г. Корнилов пользовался симпатиями у части командного состава, который рассматривал его как политическую фигуру, способную навести порядок в стране и остановить развитие революционного кризиса. Однако 28 августа 1917 г. командующий Черноморским флотом издает приказ о том, что флот остается верен Временному правительству⁴. Сам А.В. Немитц вспоминал об обстоятельствах принятия этого решения: «Собранный мною совет флагманов и капитанов высказался за генерала Корнилова. Я это предвидел и потому их собрал. Выслушав высказавшихся, я объявил: «Черноморский флот присягал Временному правительству и остается ему верен». Это было объявлено по радио во все части. Капитаны и флагманы повиновались. Единство флота на этот раз было сохранено»⁵. 29 августа 1917 г., когда уже, в принципе, становилось понятно, что корниловцы проиграют, объединенное собрание комитетов Союза офицеров Черноморского флота сделало заявление, что это объединение «будет всецело подчиняться Временному правительству и его представителю – командующему Черноморским флотом»⁶. Таким образом, командование флота и офицеры своевременно продемонстрировали свою лояльность власти Временного правительства.

В целом, корниловское выступление негативно отразилось на положении черноморских офицеров. Командующий контр-адмирал А.В. Немитц телеграфировал 4 сентября 1917 г. начальнику Морского генерального шта-

¹ Там же. Л. 52.

² Коновалов В.Г. Красный флаг над Одессой. Одесса, 1977. С. 140 – 141.

³ Военно-исторический музей Черноморского флота. Инв. № 6957. Секретное приказание № 203. Стоит оговориться, что нельзя исключить некоторую возможность того, что приказание подписано «задним числом».

⁴ Военно-исторический музей Черноморского флота. Инв. № 6956. Приказ № 3615.

⁵ Немитц А.В. Недавнее прошлое русского флота (по материалам воспоминаний) // Гражданская война в России: Черноморский флот. М., 2002. С. 321.

⁶ Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 31 августа.

ба об обстановке на флоте: «По внешнему виду – все спокойно, но в командах идет брожение, есть случаи выступления команд отдельных кораблей против своих офицеров»¹. 7 сентября он отправил телеграмму морскому министру, содержащую следующие слова: «В связи с последними событиями очень обострилось недоверие и недоброжелательство команд к офицерам. На этой почве судовые комитеты имеют тенденцию взять в свои руки наложение дисциплинарных взысканий на офицеров...»². В тот же день командующим было отправлено еще одно телеграфное послание, свидетельствующее о том, что матросы перешли в наступление на права офицеров: «На многих судах флота команда требует в свое распоряжение офицерские кают-компании и адмиральские помещения, создавая офицерам, флагманам и мне много затруднений при управлении флотом...»³.

В то же время непосредственно в ходе выступления Л.Г. Корнилова на Черноморском флоте конфликтов между офицерами их подчиненными было немного. В главной базе флота, по данным изученных источников, крупных конфликтов не выявлено, в других портах и крепостях произошли единичные инциденты, часть которых имела давние причины.

Это отличает Черноморский флот от Балтийского, на котором в период корниловского выступления даже имели место случаи убийств офицеров (на линкоре «Петропавловск» по постановлению собрания команды были расстреляны четыре обер-офицера, также был убит начальник воздушной станции Або⁴). На Балтийском флоте падение дисциплины, разложение личного состава, радикализация взглядов матросов было более выражено, чем на Черном море. Антиофицерские настроения, конфронтация матросов с офицерами на Черноморском флоте были слабее (имелись многочисленные конфликты командного состава с подчиненными, но случаев расправ над офицерами, в отличие от Гельсингфорса и Кронштадта, еще совсем не было).

Давыдов А.Ю.

Солдатская коммерция в 1917 году

Ход революционных событий 1917 г. в первую очередь зависел от того, в какой мере сохранялись организованность российской армии, устойчивость ее иерархической структуры. В конечном счете он определялся нарастанием анархических настроений среди военнослужащих, прежде всего «нижних чинов». Падение дисциплины в армии стало результатом дезорганизаторской деятельности солдатских комитетов (безответственно наделенных властями в марте 1917 г. контрольно-ревизионными и директивными

¹ РГАВМФ. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 333. Л. 79.

² Там же. Л. 85.

³ Там же. Л. 83.

⁴ Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. М., 1971. С. 358.

функциями), а также грубых ошибок военного руководства и распространения безответственной пропаганды леворадикальных политических партий.

Одним из существенных проявлений и факторов деморализации русской армии стала активная коммерческая деятельность солдат. Об этом явлении современные авторы (прежде всего, С.Н. Базанов) неоднократно упоминали. Однако, насколько известно автору, темой специального исследования фронтовая коммерция еще не становилась.

Сразу обратим внимание на то, что обращение солдат к разным видам торговли в большинстве случаев не было вызвано нуждой и голодом. Думается, более или менее часто встречавшиеся в повседневности 1917 года негативные факты современники обобщали и старались представить в виде массового явления. Вообще людям присуща абсолютизация первых проявлений любого социального зла (вспомним последствия сильно преувеличенного страха перед голодом февраля 1917 года). Особенно сказанное относится к революционным периодам; люди не успевали освоиться со стремительно сменявшими друг друга катастрофическими событиями, и им становилось страшно.

Материальные лишения фронтовиков – по крайней мере до середины осени 1917 г. – в целом представляются преувеличенными. В этой связи сошлемся на выразительный факт, приведенный в обстоятельном дневнике командующего корпусом Северного фронта генерала А.П. Будберга. Вот что он слышал во время встреч с представителями солдатских комитетов: «Жалобы раздавались самые слезливые: и устали мы, и рядов в ротах мало, и босые все, и от голода пухнем». Эти lamentации Будберг комментировал следующим образом: «...одним словом, привычные завывания русского попрошайки, когда он хочет выпросить побольше». И далее: «Я по пунктам разбивал все жалобы: заставил сознаться, что ни босых, ни голодных нет, да и быть не может... большинство возражавших смолкало и исчезало в толпе»¹. Автор в разных местах дневника указывал на распространение на фронте солдатской торговли и на свои тщетные попытки ее пресечь.

Коммерческая деятельность армейцев оказалась напрямую связанной с оригинальным явлением периода первой мировой войны – массовыми братаниями на фронте. Она возникла вместе с ними и в конечном счете стала их производной функцией.

История братаний была темой закрытой для советских исследователей. Причина вот в чем. В.И. Ленин в статье «Значение братанья» восторженно охарактеризовал рассматриваемое явление, заявив, что оно «есть революционная инициатива масс, есть пробуждение совести, ума, смелости угнетенных классов»².

На деле братания представляли собой яркие проявления нарастания анархии и деморализации. Весной 1917 г. они были эпизодическим явлением (первое обнаруженное автором упоминание о них относится к концу мар-

¹ Будберг А.П. Дневник. 1917 – 1919. М., 2016. С. 21.

² Ленин В.И. Значение братанья // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. М., 1969. Т. 31. С. 461.

та)¹. Зато летом (после провала июньско-июльского наступления) и – главным образом – осенью толпы русских солдат стали выходить на нейтральную полосу для общения с солдатами противника². Чем же на протяжении многих часов были заняты люди, не понимавшие языка друг друга? Неужели, следуя сформулированному в указанной статье будущим вождем октябрьской революции совету, посвящали эти часы совместному обсуждению «программы рабочих революций во всех странах»? Думается, дело обстояло вовсе не так. Оказывается, совместно проведенное время было посвящено гораздо более важному и интересному для вчерашних крестьян занятию – товарообмену. Последний нередко был настолько выгоден российским его участникам, что они предпочли его возвращению к семьям, отказывались воспользоваться правом демобилизоваться и вернуться в свои деревни – к тяжелому сельскохозяйственному труду.

Солдаты неплохо заработали, продавая германцам провиант, имущество. Немцы очень интересовались приобретением хлеба и сахара. В обмен они отдавали русские деньги, модные товары, галантерею, ботинки³. Русские покупали понравившийся им немецкий коньяк, который зачастую тут же, на нейтральной полосе и распивался⁴. Выразительную формулировку обнаруживаем в протоколе военно-революционного комитета 1-й Заамурской пограничной пехотной дивизии 8-й армии Румынского фронта (25 ноября 1917 года). Вот она: «Просить военно-революционные комитеты разъяснить товарищам солдатам и офицерам совершенную недопустимость злоупотребления спиртными напитками, получаемыми от противника»⁵. При этом товарообмен на нейтральной полосе нередко напоминал торговый процесс на праздничной ярмарке. В протоколе заседания одного полкового комитета Юго-Западного фронта читаем: «Завязалась меновая торговля с неприятелем, окопы украшены белыми флагами, раздается музыка»⁶.

В одном из региональных продовольственных бюллетеней (Нижегородском) автору удалось отыскать интереснейший документ, впервые всесторонне раскрывающий механизм фронтового товарообмена. В нем помещался доклад интендантства Северного фронта, направленный в ноябре 1917 г. в Ставку Верховного главнокомандования. В документе указываются местности, в которых на протяжении целых верст между «своими» и «чужими» окопами сооружены «форменные рынки с ларьками». Днем и ночью велась оживленная меновая торговля. Немцы покупали продукты питания. Из тыловых интендантских складов солдаты переправляли к передовым позициям подводы с продовольствием. Показательно, что начальники интендантства понимали бесполезность требований прекращения этой торгов-

¹ Войсковые комитеты действующей армии. Май 1917 г. – март 1918 г. М., 1982. С. 68.

² Базанов С.Н. От революционного патриотизма к полной утрате боеспособности (солдатские массы в марте – ноябре 1917 г.) // Власть и общество в истории России. Сб. ст. М., 2012. С. 68.

³ Будберг А.П. Дневник. С. 52.

⁴ Бумеранг братания // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 41; № 3. С. 54.

⁵ Там же. № 3. С. 54.

⁶ Там же.

ли и предлагали всего-навсего «обратиться к противнику ввести торг в надлежащие рамки»¹. Ясно, что торжище стало привычным атрибутом окопной жизни задолго до появления этого доклада.

Сошлемся на еще один впечатляющий факт. 5 декабря большевизированный войсковой комитет Торжокского полка Северного фронта, представлявший тогда полновластную структуру, в особом воззвании официально разрешил солдатский товарообмен на обозначенных белыми флагами участках нейтральной полосы². Важно подчеркнуть, что в документах предшествующего времени рассматриваемый феномен упоминался в исключительно негативном смысле, в контексте выработки мер по его искоренению. Как видим, сама армейская власть в последние месяцы революционного года официально признала осуществлявшуюся окопниками куплю-продажу неотъемлемой и естественной частью фронтовой действительности. Причем, в первые месяцы советской власти процесс стремительно развивался по нарастающей линии. «Братание превратилось в бойкую торговлю», – констатировал в январе 1918 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего М.Д. Бонч-Бруевич³.

Братания и фронтовой товарообмен представляли собой единое и внутренне связанное явление. Именно поэтому данные процессы стали важнейшим фактором окончательной дезорганизации армейского порядка. Сформулированное еще в 1920-е годы А.И. Деникиным утверждение о том, что братания главным образом использовались германским руководством в целях разложения русской армии справедливо лишь отчасти⁴. На первых порах так и было. Но со временем и австро-германские подразделения подверглись деморализации. Не случайно в ноябре 1917 г. противник старался (далеко не всегда удачно) отправлять к русским для братания офицеров и унтер-офицеров; при этом прекратить братания уже было невозможно, ибо они предполагались подписанными между отдельными дивизиями «локальными» договорами о перемирии. Остановить радикально ускоренным процессом фронтовой купли-продажи разложение своих войск германские и австрийские командиры оказались не в состоянии. Стоит согласиться с утверждением современной исследовательницы Н.Е. Быстровой о том, что «именно войсковые части, привезенные из России, внесли первые семена разложения в германские армии на Западе»⁵.

Между тем фронтовой торговлей солдатская коммерция отнюдь не ограничивалась. По свидетельству очевидца, улицы Петрограда, Москвы, Киева, Одессы, других городов были полны солдатами, выгодно продавав-

¹ Продовольствие. Орган Нижегородской губернской продовольственной управы. 1917. № 29. 31 декабря. С. 7.

² Войсковые комитеты. С. 459.

³ Цит. по: Базанов С.Н. От революционного патриотизма к полной утрате боеспособности. С. 68 – 69.

⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 320, 329.

⁵ Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г. Советская Россия и великие державы. М.; СПб., 2016. С. 89.

шими выменянные у немцев вещи¹. Кроме того, по мере накопления «первоначального капитала» солдаты все чаще обращались к очень прибыльной осенью 1917 г. поставке хлеба (иногда – самогона) из деревень в города. К этому времени стало ощущаться отрицательное влияние принятой Временным правительством хлебной монополии, содействовавшей частичному (пока еще – частичному) разрушению сложной продовольственной организации. Недостаток дефицитной провизии восполнялся усилиями мешочников, среди которых видное место занимали солдаты. Им не составляло труда получить отпускные документы и командировочные удостоверения от комитетов для поездок в сельскую местность. Отправляясь в деревни за хлебом, они не очень-то считались с твердыми ценами. А продовольственные комитеты в большинстве случаев опасались призвать их к порядку, ибо было известно: обидишь солдата, на его защиту примчится взвод, а то и рота. Когда же агенты государства пытались остановить мешочников, то солдаты «грозили убийством», блокировали помещения продовольственных управ и угрожали: «Возьмем на штыки»².

Министр продовольствия Временного правительства С.Н. Прокопович в октябре 1917 г. рассказывал: «С отпускными солдатскими билетами люди в серых шинелях, совершенно беззастенчиво врываясь в поезда, делают систематически один рейс за другим, закупают хлеб и привозят его»³. Отпускники примерно раз в неделю предпринимали мешочнические экспедиции; нередко их сопровождали жены и дети – вместе можно было больше привезти товара. При этом наряду с индивидуальным мешочничеством распространилось так называемое солдатское «ходачество». Подразделения посылали своих делегатов в хлебные губернии, снабжали их документами, деньгами из касс воинских частей. Иногда каждому «ходоку» выдавали по несколько сотен патронов, которыми тоже можно было приторговывать. Закупленную и выменянную в тылу провизию солдаты доставляли в свои гарнизоны, а затем часть ее продавали на городских базарах⁴. К концу революционного года все большее место в гешефтмахерстве военнослужащих стала занимать продажа приобретенных у крестьян или изготовленных самими солдатами партий самогона⁵. Газета «Питер», подводя итоги функционирования городских рынков на протяжении нескольких месяцев, 15 декабря 1917 г. писала: «Базарные торговцы, арендующие у города за бешеные цены на площадях столицы места под торговлю, хотят уже прикрывать лавочки

¹ Будберг А.П. Дневник. С. 52.

² Продовольственное дело. Изд. Моск. гор. прод. ком-та. 1918. № 1. 28 января. С. 10 – 11.

³ Речь министра продовольствия С.Н. Прокоповича на заседании Временного Совета республики об общем продовольственном положении в стране. 16 октября 1917 г. // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Документы и материалы. М.; Л., 1957. Ч. 2. С. 367.

⁴ Войсковые комитеты. С. 459; Продовольствие и снабжение. 1917. № 3. 15 августа; Продовольствие. 1917. № 25. 3 декабря. С. 8.

⁵ Письма во власть. 1917 – 1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 13.

из-за невозможности конкурировать с «товарищами» в серых шинелях, торгующими беспошлинно»¹.

Участие в нелегальном снабжении стало главным занятием определенной части солдат. Военнослужащие были сплочены и вооружены, не считались ни с какими властями². Разложившаяся армия становилась носителем разрушительных начал в общественной жизни. Мешочничество солдат усугубило дезорганизацию на железных дорогах, на водном транспорте. Однако оно содействовало отвлечению представителей «серошинельной» массы от участия в анархических акциях и при этом уже в последние месяцы 1917 г. стало каналом обеспечения провизией некоторых городов и сел хлебопотребляющей полосы. «Спекулирующие солдаты, обратившие мешочничество в особого рода промысел, приносят населению громадную пользу. Не будь их, ужасы голода проявились бы раньше и выявились бы с гораздо большей силой», – утверждало в самом начале 1918 г. авторитетное издание московского продовольственного комитета³.

Таким образом, солдатские «ходачество» и «отпускничество» представляли собой противоречивые явления. В экономической системе, приобретавшей все более извращенный характер, рядовые военнослужащие действующей армии стали выполнять по собственному почину и в целях личного обогащения функции рыночных посредников. Можно говорить о возникновении нового явления – солдатского гешефтмахерства. Аномальность данного процесса состояла: во-первых, в его разлагающем влиянии на армейские порядки; во-вторых, в систематичности обращения солдат к вооруженному насилию как к решающему методу. В итоге действовавшие при Временном правительстве легитимные коммерческие субъекты вынуждались уходить с рынка.

Несмотря на некоторые достоинства, присущие изучаемому в статье феномену, в целом солдатскую коммерцию 1917 г. следует отнести к явлениям антиобщественного характера. В 1918 г. ситуация радикально изменится. Из указанных «ходачества» и «отпускничества» вырастет масштабное профессиональное мешочничество. Но это тема другого исследования.

Деревнина Е.А.

Документы ЦГИА СПб и ЦГА СПб по истории Коломенской женской гимназии Мариинского ведомства в 1917 г.

Коломенская женская гимназия Мариинского ведомства, основанная в 1858 г., за 60 лет своей деятельности прошла сложный путь развития, стал-

¹ Цит. по: Петроград на переломе эпох. СПб., 2000. С. 195.

² См., напр.: Известия Уфимского губернского продовольственного комитета. 1917. № 16 – 17. 17 ноября. С. 13.

³ Продовольственное дело. 1918. № 1. 28 января. С. 9.

квиваясь с различными трудностями. Тем не менее, к 1917 г. в ней была выстроена четкая образовательно-воспитательная система.

События 1917 г. в России, безусловно, отразились на жизни учебного заведения. Однако в данном сообщении акцент хотелось бы сделать не на исторической стороне вопроса, а на источниковедческой. Широкий круг источников, находящихся на хранении, в основном, в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) и в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) еще не полностью введен в научный оборот. При изучении деятельности Коломенской женской гимназии интерес представляют делопроизводственные документы, отложившиеся в фондах: Коломенской женской гимназии (ЦГИА СПб. Ф. 405), Управления Петроградскими и Царскосельской женскими гимназиями (ЦГИА СПб. Ф. 15) и Отдела народного образования Смольнинского (Центрального) района и подведомственных ему школ и детских домов (ЦГА СПб. Ф. Р-2925, в котором имеется комплекс дел по истории 30-й (31-й и 33-й) советской школы, бывшей Коломенской женской гимназии). В этом массиве выделим несколько тематических групп – административная деятельность гимназии, ученический состав, учебная деятельность – и остановимся на их характеристике поподробнее.

Основным документом, раскрывающим административную деятельность гимназии в рассматриваемый период, является журнал заседаний педагогической конференции¹, состоящий из протоколов рассмотрения и решения намеченных проблем. Из журналов заседаний можно также узнать состав членов конференции: кто председательствовал (инспектор гимназии), кто присутствовал (главная надзирательница и преподаватели гимназии). В 1917 г. состоялось 10 заседаний, из них 2 – в марте, 5 – в апреле, по одному – в сентябре, октябре, ноябре. Их изучение показывает, что уже весной 1917 г. было начато обсуждение путей демократизации учебного заведения. Так, на заседании педагогической конференции гимназии 21 марта 1917 г.² обсуждался вопрос о расширении полномочий педагогических советов. По мнению членов конференции, только лица, близко стоящие к школе и преданные ее интересам, могли успешно руководить жизнью школы. На том же заседании было подтверждено, что в гимназии сохранялись должности инспектора и классных надзирательниц³. Протокол от 21 марта также содержит важные сведения о деятельности родительских комитетов. Отметим, что в женских гимназиях Маринского ведомства до 1917 г., в отличие от других учебных заведений, не существовало родительского комитета. На заседании педагогической конференции Коломенской гимназии 21 марта ин-

¹ Педагогическая конференция была одним из органов управления гимназией, которая созывалась начальником гимназий по мере необходимости. На ней обсуждались вопросы направления нравственного образования гимназисток, устройства и направления учебных курсов, выбор руководств и учебных пособий, вопросы приема, перевода и выпуска учениц.

² ЦГИА СПб. Ф. 405. Оп. 1. Д. 362. ЛЛ. 13 – 14 об.

³ Инспектором классов до 29 мая 1918 г. оставался П.М. Ивановский, главной надзирательницей – Н.М. фон Мец.

спектор П.М. Ивановский познакомил ее членов с «Положением о родительских организациях при средних учебных заведениях Министерства народного просвещения», утвержденным в 1916 г., и определил время наиболее удобное для собрания родительского комитета. Выборы решено было провести в воскресенье 26 марта. К сожалению, в документах гимназии не сохранилось сведений о проведении выборов, но из последующих протоколов заседаний педагогической конференции известно, что при учебном заведении существовал родительский комитет. Вопросы, рассматриваемые новым органом, были, в основном, посвящены улучшению быта учащихся, внесению некоторых изменений в учебный процесс. Отдельно выделим одну из просьб родительского комитета к руководству гимназии, которая отвечала духу времени: чтобы к ученицам обращались на «Вы», не давалось бы никаких прозвищ, не допускалось бы насмешек. В протоколе заседания педагогической конференции от 29 апреля 1917 г. значится: принять решение об отмене обращения на «ты», хотя некоторые ученицы просили, чтобы к ним продолжали обращаться на «ты»¹. В решении конференции от 16 апреля 1917 г.² имеется информация об образовании нового органа: Центрального комитета, который объединил все гимназии Ведомства, как временную меру «впредь до окончательного перехода гимназий к Министерству народного просвещения». Комитет должен был быть образован при комиссаре, поставленном во главе Ведомства. В его состав входили: инспектора гимназий, главные надзирательницы, по два выборных лица от педагогических конференций, председатели родительских комитетов, представители Министерства народного просвещения и Ведомства учреждений императрицы Марии, два представителя от города и земства. Прежние конференции инспекторов при начальнике гимназий упразднились. Председателем комитета являлся комиссар или выборное лицо (в случае отказа комиссара). Новому органу частично передавались функции Хозяйственного комитета. При этом члены конференции высказались за сохранение при гимназии Хозяйственного комитета, в состав которого входили бы инспектор и главная надзирательница, председатель родительского комитета, два выборных лица от педагогической конференции. Его деятельность заключалась в составлении предварительной сметы, денежных отчетов, наблюдение за имуществом и ремонтом гимназии.

Отмечалось, что педагогическая конференция «не нашла возможным предоставить Центральному комитету административных функций во избежание столкновений с педагогическими конференциями». Избираемые педагогическими конференциями начальствующие лица, преподаватели и врач гимназии утверждаются исключительно правительственным комиссаром. Неутверждение комиссаром выборных лиц должно было быть мотивировано. В этом случае проводились новые выборы. Таким образом, изучение данного массива источников дает возможность проследить, какие изменения происходили в сфере управления гимназией на протяжении 1917 г.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 405. Оп. 1. Д. 362. Л. 29 об.

² Там же. ЛЛ. 21 – 22.

Переходя к характеристике второй группы источников (по ученическому составу), выделим следующие документы: именной список учениц гимназии; ведомость учащихся и ведомость учениц, окончивших курс учения в гимназии; сведения о числе учениц; ведомость о поведении и успеваемости учениц. Информация в них, в основном, представлена в виде таблиц и списков, которые позволяют не только установить имена, фамилии, вероисповедание и сословную принадлежность девушек, обучавшихся в Коломенской гимназии в рассматриваемый период, но и проанализировать изменения, произошедшие в течение 1917 г. в составе учениц. Так, если в 1916/1917 учебном году в заведении обучалось 690 девушек¹, что на 200 – 215 учениц больше, чем среднее число учащихся в первые десятилетия XX в., то уже в следующем 1917/1918 учебном году наблюдается резкое снижение числа учащихся с 660 человек в сентябре – октябре до 590 человек в ноябре 1917 г. – мае 1918 г.² Причины подобной ситуации видятся в следующем: во-первых, «переезд учениц в другой город», что впервые стало фиксироваться в документах гимназии (дело со сведениями о числе учениц) в числе причин «выбытия учениц»³; во-вторых, отсутствие стипендий с 1918 г. Относительно сословной принадлежности учащихся отметим, что резких перемен не произошло. Изучение ведомостей учениц, окончивших курс учения в гимназии, показывает, что в течение 1917 г. среди девушек преобладали дочери купцов, мещан, дворян, ремесленников, в меньшей степени крестьян, священнослужителей⁴. Ведомости о поведении и успеваемости учениц содержат информацию о том, что в первой половине 1918 г. в гимназии обучались дочери купцов, потомственных и личных почетных граждан, мещан, дворян, значительно увеличилось количество дочерей крестьян⁵. Более заметные изменения произошли в конфессиональном составе учащихся. Если в предшествующем 1916 г. 87 % учениц были православными, 7 % – лютеране, 4 % – иудеи, по 1 % – католиков и старообрядцев⁶, то в 1917/1918 учебном году около 98 % воспитанниц были девочки православного вероисповедания и 2 % – лютеране, католики, иудеи⁷.

Дело со сведениями о стипендиатках Коломенской женской гимназии за 1917 г.⁸, состоящее, в основном, из уведомлений благотворителей, содержит информацию о стипендиатках (их имена, фамилии, род занятий родителей), о размерах стипендии и дает возможность рассмотреть, как учебное заведение осуществляло материальную помощь нуждающимся ученицам. Данные документы свидетельствуют, что в 1917 г. в учебном заведении существовали следующие стипендии: Человеколюбивого общества, Купеческой управы, Городской думы, имени Н.В. Гоголя, имени госпожи Соколо-

¹ ЦГА СПб. Ф. Р-2925. Оп. 1. Д. 2887.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 2923. ЛЛ. 19 об. – 28.

⁵ Там же. Д. 2929.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1707. Л. 35.

⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-2925. Оп. 1. Д. 2929.

⁸ Там же. Д. 2926.

вой, княгини Волконской, госпожи Пушиной, в память Отечественной войны 1812 года. Размер финансовой помощи составлял от 50 до 60 руб. в полугодие на воспитанницу. Также в течение 1917 г. в гимназии осуществлялась практика освобождения от платы на все время военных действий детей призванных на фронт. Сведения об оказании материальной помощи нуждающимся ученицам Коломенской гимназии в 1918 г. не выявлены, в связи с постепенным прекращением существования источников финансирования.

Документы третьей группы, посвященные учебному процессу, представлены циркулярами народного комиссара по Министерству государственного призрения и выше упомянутыми ведомостями учениц Коломенской женской гимназии, окончивших курс учения. Их изучение показывает, с одной стороны, какие изменения произошли в 1917 г., с другой стороны, что осталось без изменений.

Так, анализ циркуляров, рассматривавших разные вопросы, в т. ч. вопросы учебного процесса, свидетельствует, что в 1916/1917 учебном году отменялись переходные и выпускные экзамены. Перевод в следующий класс осуществлялся на основании годовых баллов. Аттестаты выдавались на основании годовых баллов и тех баллов, которые ученицы получили при переходе из второго класса в первый. Учебные занятия следовало завершить к концу апреля¹ (в предыдущие годы учебный год заканчивался к середине июня). Занятия в новом учебном году следовало начать с 1 сентября 1917 г.² (а не с 7 августа, как раньше).

Ведомости учениц Коломенской женской гимназии, окончивших курс учения, информируют также о круге изучаемых предметов и системе поощрений выпускниц. Из них становится известно, что перечень изучаемых предметов не претерпел изменений, как и прежде это были: Закон Божий, русский язык и словесность, французский язык, немецкий язык, математика, история, география, физика и космография, педагогика, рисование, рукоделие, чистописание, пение, гимнастика и танцы³. При выпуске в зависимости от успехов ученицы награждались золотыми и серебряными медалями, книги в 1917 – 1918 гг. девушкам не вручали⁴.

Подводя итоги, отметим, что в целом документы ЦГИА СПб и ЦГА СПб достаточно полно отражают историю деятельности Коломенской женской гимназии Мариинского ведомства в 1917 г. и те изменения, которые происходили в учебном заведении на протяжении всего года.

¹ Там же. Д. 2884. Л. 8.

² Там же. Л. 40.

³ Там же. Д. 2930. ЛЛ. 1 об. – 2.

⁴ Там же. Д. 2923. Л. 9 об.; Д. 2930. Л. 7.

Хуциева В.В.

Как П.А. Демидов и Д.Г. Левицкий в музей попали: к вопросу о судьбе художественных ценностей в октябре 1917 г.

1917 год в организации системы образования, а также музейного дела и охраны памятников культуры является очень важной вехой. Взаимоотношения властей и культурного достояния страны на переломных этапах ее истории отличались противоречивостью и далеко не всегда последовательностью. Развал устоявшихся механизмов поддержания на должном уровне и выполнения культурных и интеллектуальных кадров приводил к пересмотру вопроса о принадлежности и перераспределении культурных ценностей, находившихся до революции в собственности разных лиц и организаций, в том числе образовательных учреждений разных ступеней. Тем интереснее проследить, как решались вопросы размещения тех или иных предметов искусства, находившихся в собственности ведомственных учебных заведений, в условиях внешней угрозы и внутренней нестабильности 1917 г.

Музейное дело в первые годы советской власти базировалось на нескольких ключевых принципах: в музейные коллекции должны передаваться предметы, признанные национальным достоянием; музейная система должна развиваться на демократической основе; музейные коллекции должны быть неприкосновенны. Выработанные еще в дореволюционный период, эти принципы в 1917 г. получили свое реальное воплощение. Первые формы работы вновь создаваемых государственных органов подразумевали выдачу охранных грамот на коллекции и отдельные музеи, обследование и прием коллекций и экспонатов на хранение, распределение экспонатов по хранилищам. Уже в июле 1917 г. при Зимнем дворце была образована Художественно-историческая комиссия для описания художественных ценностей Эрмитажа и подготовки наиболее ценных экспонатов к эвакуации в Москву¹. В дальнейшем, 6 ноября 1917 г., на базе бывшего Министерства двора создается Комиссариат имущества Республики, целью деятельности которого объявлялась национализация, охрана, учет исторического и художественного достояния, памятников старины и произведений искусства, использования их в интересах народного просвещения, а также приобретение и систематизация художественных ценностей².

Охрана ценностей рассматривалась с точки зрения объявления их государственной собственностью, т.е. национализации, и процесс этот не был быстрым. В первую очередь национализировались самые выдающиеся произведения искусства. Можно сказать, что в годы революции и гражданской войны только этот путь мог стать единственной гарантией сохранения культурных ценностей. Одним из своеобразных «перевалочных пунктов» в процессе национализации художественных ценностей стал музей Академии

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1 – 3. 1917 – 1929 гг.

² Там же. Ф. 29. Отдел имущества Республики Наркомпроса РСФСР. Оп. 1 – 6. 1917 – 1922 гг.

художеств – одно из старейших художественных собраний и первый в России публичный музей. Первым национализированным музеем стала Третьяковская галерея, и ее фонды стали пополняться реквизируемыми произведениями искусства, в том числе и теми, которые мало чем рисковали в случае оставления их на прежнем месте. Однако возможно ли это было?

В центре нашего внимания в этих условиях оказывается одно из самых известных полотен кисти Д.Г. Левицкого, хранящееся до настоящего времени в Государственной Третьяковской галерее, – портрет П.А. Демидова 1773 г.

Сам портрет с точки зрения его художественных особенностей неоднократно попадал в поле зрения специалистов, описывался и толковался ими¹. Он представляет собой самобытное явление в так называемой «Опекунской серии» почитателей Воспитательного дома, опровергающее канон парадного портрета. Экцентричный меценат П.А. Демидов гротескно и контрастно представлен в повседневном образе в окружении своих увлечений и главного детища – Воспитательного дома. Ему же обьязано рождением и первое коммерческое училище, тесно связанное в будущем с портретом своего основателя. Также о «причудливо тасуемой колоде» напоминает и тот факт, что исследователь русского искусства XVIII в. и творчества Д.Г. Левицкого С.П. Дягилев² организовал при поддержке Великого князя Николая Михайловича в марте 1905 г. в Таврическом дворце выставку русского портрета. По итогам выставки увидело свет 5-томное иллюстрированное издание, в котором был представлен и портрет П.А. Демидова³.

Судьба этого портрета, как и иных художественных ценностей, в 1917 г. зависела от общего курса по отношению к культурному достоянию. У портрета местом постоянной прописки с конца XVIII в. до 1917 г. был актовый зал Санкт-Петербургского (Демидовского, Петроградского) коммерческого училища ведомства учреждений императрицы Марии. Именно в его архивных материалах мы и находим сведения об обстоятельствах передачи портрета П.А. Демидова и мозаичной иконы, завещанной училищу императрицей Марией Федоровной в 1829 г.⁴

Отметим, что напряженное внимание общественности к художественным ценностям, хранящимся в различных собраниях и учреждениях столицы, возникло после Февральской революции и обострилось к осени 1917 г. из-за возникшей угрозы приближения фронта. Возможность эвакуации становилась все более явной.

В октябре 1917 г. администрация Петроградского коммерческого училища в лице директора В.А. Вагнера получила уведомление из канцелярии Академии художеств о принятии и последующей отправке «вместе с акаде-

¹ См., напр.: Эфрос А. Два века русского искусства. М., 1969.

² Дягилев С. Русская живопись в XVIII в. СПб., 1902. Т. 1.

³ Русские портреты XVIII и XIX столетий. Издание Великого князя Николая Михайловича. СПб., 1905.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 239. Санкт-Петербургское коммерческое училище. Оп. 1. Д. 9129.

мическими вещами» в Москву, соответственно в ящике № 114 портрет и в ящике № 117 икона¹.

На последующие 7 лет данные художественные ценности из поля зрения бывшего владельца пропали, и восстановить их судьбу возможно с помощью более поздних документов. Ветер перемен охватил все стороны общественно-политической и культурной жизни страны, но некоторые явления дореволюционной жизни все же сохранились. Так, в частности, несмотря на трансформацию системы профессионального образования и смену статуса, бывшее Петроградское коммерческое училище, ставшее в первые годы советской власти Областным промышленно-экономическим техникумом, истоков и славного прошлого не забыло. Тем более, что руководил им в должности заведующего с 1922 г. все тот же профессор В.А. Вагнер. Именно он в январе 1924 г. направил в Государственный музейный фонд (Госфонд) прошение, приуроченное к 150-летней годовщине существования бывшего коммерческого училища: «В актовом зале искони висел портрет основателя Училища Демидова в виде садовника, ухаживающего за молодыми подрастающими растениями. ... В настоящее время миновала возможность гибели этого высокохудожественного произведения кисти Левицкого. В виде чего от имени Областного промышленно-экономического техникума прошу, выражая глубочайшую признательность за сохранение этого весьма ценного портрета – вернуть его по принадлежности на старое место, где он красовался в течение столь долгого времени»².

Рассмотрение дела затянулось на месяц. Среди архивных документов сохранилось удостоверение Государственного музейного фонда за № 166 от 02.02.1924 г., согласно которому В.А. Вагнер сдал, а сотрудник фонда С.Е. Лурье принял «разобранную багетную раму к портрету основателя коммерческого училища П.А. Демидова кисти Левицкого»³. В удостоверении дается подробное описание во избежание сомнений в подлинности и сохранности художественного произведения: «На раме имеется дощечка с надписью “Основатель Санкт-Петербургского коммерческого училища дворянин П.А. Демидов, пожертвовавший в 1772 г. капитал в 205 000 руб. на содержание 100 мальчиков из купеческих детей”. На обороте рамы № 951 и этикетка “Историческая выставка портретов 1905 г. Портрет основателя Императорского Санкт-Петербургского коммерческого училища П.А. Демидова работы Левицкого, собственность Коммерческого училища, Чернышев пер., 9”». Сам портрет Коммерческим училищем 5 октября 1917 г. был сдан на хранение в Академию художеств при отношении за № 2366 и в настоящее время находится в Русском музее»⁴.

В деле сохранилось датированное 4 февраля 1924 г. удостоверение научного сотрудника Государственного музейного фонда С.Е. Лурье, «уполномоченному на изъятие из помещения Промышленного техникума

¹ Там же. Л. 3.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 7.

(Чернышев пер., 9) и передачу в Русский музей рамы к портрету Демидова работы Левицкого, находящемуся уже в Русском музее» с резолюцией В.А. Вагнера «раму выдал под расписку, рама 231x168»¹.

Таким образом, окончательно определилась судьба этого художественного произведения. К прежнему владельцу оно уже не вернулось, тем более, что перспективы бывшего Коммерческого училища в начале 1920-х гг. уже определились. В статусе Промышленного техникума оно просуществовало 2 года, после чего было ликвидировано. Образовательная политика молодого государства вышла к этому времени на свой курс.

В настоящее время портрет в раме находится в Государственной Третьяковской галерее (г. Москва, Лаврушинский пер., 10, зал 5).

Гордеев П.Н.

Воровство в московских государственных театрах в 1917 году

Проблема воровства в петроградских государственных театрах во время революции поднималась несколько лет назад в одной из наших статей, причем было установлено, что кражи, в сравнении с дореволюционным периодом, стали в 1917 г. более дерзкими, похищаемые вещи – более ценными, а среди воров попадались не только нанятые для ремонта рабочие или низшие служащие, но и посетители театров². Вопрос же о воровстве в московских театрах и поныне остается белым пятном в истории русской сцены, хотя источниковая база (состоящая преимущественно из материалов, отложившихся в РГАЛИ) по этому предмету достаточно красноречива. Надежность охраны, отметим, беспокоила новое театральное руководство буквально с первых дней их открытия после Февральской революции. Так, знаменитый певец Л.В. Собинов, занимавший в то время пост товарища комиссара московских государственных театров, 16 марта отдал распоряжение коменданту последних Н.П. Штеру: «Ввиду переживаемых обстоятельств считаю необходимым обратить Ваше особое внимание на внешнюю охрану Большого театра, в целях которой прошу внушить всем сторожам, стоящим у входов, ведущих за кулисы, что никто из посторонних не может быть допущен внутрь здания без особого на то разрешения, как это и было установлено раньше»³. Однако воры гораздо менее интересовались театральным закулисным, чем зрительным залом и особенно гардеробами, на территории которых они действовали вполне успешно.

По выявленным архивным источникам складывается подробная картина воровства в Большом театре в 1917 г. Согласно рапорту Н.П. Штера

¹ Там же. Л. 10.

² Гордеев П.Н. Воровство и хулиганство в петроградских государственных театрах в феврале – октябре 1917 года // Новое литературное обозрение. 2013. № 123. С. 131 – 143.

³ РГАЛИ. Ф. 648. Оп. 2. Д. 1257. Л. 3.

Л.В. Собинову (тогда – уполномоченному по Большому театру) от 26 августа, «с 11-го Марта по настоящий день»¹ в театре было восемь² случаев воровства на общую сумму, по приблизительному подсчету, 2141 руб. (не считая пропажи ряда мелких вещей после проведения в здании Государственного совещания; общая стоимость потерь в последнем случае оценивалась Штером примерно в 50 руб.)³. Пять краж произошли в марте – апреле, в период театрального сезона; во всех подобных случаях воры поживились одеждой посетителей и сотрудников Большого.

Так, 23 марта из гардероба партера было похищено каракулевое пальто, принадлежавшее супруге капитана 1-й запасной артиллерийской бригады С.С. Супротивной. Владелица оценила пальто в 750 руб. и предъявила судебный иск к капельдинерам театра⁴. Следующий инцидент произошел 13 апреля и принадлежал к числу наиболее вопиющих, так как жертвами стали те, кто по должности был обязан оберегать покой публики и артистов. В этот день в Большой театр явились на дежурство комиссар по охране московских театров и зрелищ Я.Г. Злобинский и милиционер П.И. Митрофанов. Раздевшись, как гласил составленный в тот же день протокол, они «сдали свои пальто сторожу при комендантской комнате Ивану Шалдину. По окон-

¹ День 11 марта был выбран по требованию Л.В. Собинова – именно тогда комиссар московских государственных театров актер А.И. Сумбатов-Южин назначил его своим товарищем, поручив Собинову, избранному ранее труппой, управление Большим театром (РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 333. ЛЛ. 4 – 4 об.).

² Еще в одном Н.П. Штер не был уверен: «по имеющимся у меня сведениям, из Министерской ложи, где в настоящее время находится балетная канцелярия, пропали две пепельницы, но это еще подлежит проверке» (РГАЛИ. Ф. 648. Оп. 2. Д. 5. Л. 32 об.).

³ Там же. ЛЛ. 32–32 об. 17 августа, осмотрев Большой театр после окончания Государственного совещания, Н.П. Штер и вр. и. о. помощника заведующего постановками Д.В. Величкин отметили в составленном ими акте: «в верхних женских балетных уборных из запертого шкафа выдернуты кольца, причем пропали различные мелкие вещи; у г-ж артисток Буриной 1-й, Гостемиловой, Новиковой и Цаплевой – 4 маленьких зеркальца и бусы, принадлежащие Буриной 1-й, были перерыты и испорчены принадлежности грима. На площадке, ведущей на колосники, из-за запертой деревянной загородки, где сложены вещи, вышедшие из употребления, похищено: 1) часть балетной и мужской обуви, 2) шелковые шаровары, белье, полотенца, перчатки и пр., неподдающиеся подсчету, т. к. все находящееся за решеткою предназначалось к продаже, как негодное в дальнейшем к употреблению имущество. В столярной мастерской один из шкафчиков взломан, оторвана снаружи планка и выдернут внутренний замок. В мужских балетных уборных разбито 2 стальных зеркала. В помещении статистов взломан пустой комод. У г-на Лосского взломан письменный стол и похищены мелкие письменные принадлежности, как то: перочинный нож и др. Лестница, ведущая с Главного подъезда в фойе, залита чернилами, также как и паркет около нее. В главном фойе забрызганы стены и имеются остатки наклеенных ранее объявлений. В чайном буфете на полу жирные пятна и в некоторых местах стены обиты [так в тексте – П.Г.]. По ярусам местами отбита штукатурка. Сломано одно золоченое кресло и 3 стула. Кроме того, на письменном столе, принадлежащем Малому театру, находившемуся [так в тексте – П.Г.] в министерской ложе – сукно залито чернилами» (Там же. Д. 1257. ЛЛ. 29 – 29 об.).

⁴ РГАЛИ. Ф. 648. Оп. 2. Д. 5. ЛЛ. 32, 36.

чании спектакля эти пальто не нашлись»¹. На следующий день Н.П. Штер доложил об этом происшествии Л.В. Собинову, который распорядился допросить сторожа². 24 апреля Штер рапортовал о произведенном допросе: согласно показаниям И. Шалдина, он повесил пальто Злобинского и Митрофанова «в помещение, смежное с кабинетом Г-на Коменданта и кассою, где обычно раньше раздевались чины наружной полиции, бывшие в наряде»; за время, пока Шалдин находился «в вышеозначенных помещениях, во время спектакля никто туда не проникал, за исключением милиционеров, бывших в наряде, но раздевшихся в другом помещении, – их было в этот день человек 5-6-ть». Впрочем, следующая часть допроса фактически дезавуировала ценность указания Шалдина на вроде бы сузившийся до милиционеров и него самого круг подозреваемых – сторож, обремененный многочисленными заботами («одновременно несет обязанности помощника вахтера и курьера при комендантской комнате, исполняя всякого рода поручения по разноске денег вечерового расхода, охраняет в помещении кассы всякие подношения Гг-м артистам, равно как и исполняет служебные поручения Коменданта, а в случае надобности отыскивает его в театре, если он не находится, почему-либо, в своем кабинете; также Шалдину иногда приходится, в тех же целях, отлучаться и в Малый театр») заявлял о невозможности для себя «беспрепятственно находиться у вешалки и быть ответственным за пропажи платья лиц, самовольно оставляющих таковое на этой вешалке, тем более, что она находится в совершенно особом помещении, куда входить посторонним без служебной надобности не надлежит»³. Обращает внимание указание на «самовольность» оставления платья на вешалке, хотя в том же рапорте указывалось, что сам Шалдин непосредственно их туда и повесил; вероятно, он имел в виду, что в его служебные обязанности ни развеска, ни охрана платья не входила.

Тем временем, оба пострадавших напоминали о себе руководству Большого театра. 28 апреля к Собинову письменно обратился Я.Г. Злобинский с заявлением (на служебном бланке с шапкой «Управление делами Московской народной милиции»). Напомнив о краже пальто, стоившего, по словам Злобинского, 330 руб. и о поданном им уже заявлении о денежной компенсации (оставшимся пока без ответа), «комиссар по охране всех театров и зрелищ» просил «ускорить дело: или принять энергичные меры к розыску украденного, или, по возможности не задерживая, сделать распоряжение об уплате мне стоимости такового»⁴. Несмотря на определенную трагикомичность ситуации, в которой человек, отвечавший за охрану всех московских театров, требовал провести расследование кражи от выбранного труппой в свои руководители знаменитого тенора, последний не был склонен недооценивать серьезность требований Злобинского – одного из чиновников нового режима. Уже 30 апреля Собинов положил на его про-

¹ Там же. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. ЛЛ. 10 – 11 об.

⁴ Там же. Л. 12.

шение резолюцию: «Считаю необходимым уплатить немедленно», однако, согласно подготовленной бухгалтерией 3 мая справке оказалось, что по смете Большого театра на «непредвиденные расходы» имелось «свободного кредита <...> 25 р. 25 коп.». Собинов вновь ответил резолюцией (от 6 мая), велел запросить бывший Кабинет Его Величества, имеет ли он право возместить расходы Злобинского из «экстренного ассигнования в 5500 р.», данного ему, как уполномоченному, на необходимые расходы¹.

Пока шла переписка по делу Злобинского, 9 мая подал прошение о возмещении убытков и милиционер П.И. Митрофанов, оценивший стоимость своего пальто в 250 руб. Любопытно, что реакция Собинова на этот раз была иной – артист ограничился лишь резолюцией «Команданту на заключение»². Н.П. Штер представил доклад по данному вопросу 10 мая, в котором вновь повторил слова своего подчиненного И. Шалдина о том, что тот не имеет возможности «безотлучно находиться и охранять верхнее платье лиц, оставляющих таковое на вешалке в помещении, смежном с комендантской комнатой, где имеется из вестибюля дверь и куда вход без особого доклада не допускается в виду того, что из этого помещения имеется непосредственный ход на сцену через оркестровый коридор»³. Ознакомившись с докладом, Собинов велел передать его на заключение юриконсульта⁴. Недовольный затягиванием дела, в июне Митрофанов вновь обратился в «Канцелярию Государственных театров» (правильное название учреждения – Московская контора государственных театров) с заявлением, в котором просил «Канцелярию в третий раз дать ответ, будет ли мне возмещена стоимость пальто или нет»⁵. Ответ, ожидаемый потерпевшим, не был готов и спустя несколько месяцев; в докладе комиссару Временного правительства над бывшим МИДв Ф.А. Головину от 21 сентября Собинов, среди прочего, предлагал: «в виду возможного предъявления всеми потерпевшими исков к Управлению Большого театра, необходимо возместить убытки, пока точно не определены»⁶, комиссару милиции Злобинскому и милиционеру Митрофанову (об этом случае кражи производится расследование)⁷.

Еще один подобный инцидент в Большом театре произошел на следующий день после похищения пальто Злобинского и Митрофанова, 14 апреля. У артиста оперной труппы А.И. Савицкого, согласно рапорту коменданта Н.П. Штера, было похищено «пальто с вешалки в коридоре

¹ Там же. Л. 12 об.

² Там же. Л. 15.

³ Там же. ЛЛ. 16 об. – 17.

⁴ Там же. Л. 16.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ Как уже говорилось выше, Я.Г. Злобинский оценивал свое пальто в 330 руб., П.И. Митрофанов – в 250 руб., однако в рапорте Н.П. Штера Л.В. Собинову от 26 августа говорилось о том (со ссылкой на первоначальный рапорт о происшествии), что «два пальто» оценивались их владельцами (вероятно, в совокупности) в 400 руб. Возможно, Злобинский и Митрофанов по ходу следствия изменили собственную оценку украденного имущества.

⁷ РГАЛИ. Ф. 648. Оп. 2. Д. 5. Л. 35 об.

верхних мужских уборных, сданное им на хранение сторожу Голованову и оцениваемое в 250 руб.»¹. По вопросу о том, кто должен компенсировать Савицкому стоимость пальто, завязалась длительная переписка управления Большого театра с центральными учреждениями Комиссариата Временного правительства над бывшим Министерством двора. 24 мая Собинов отправил запрос в Кабинет его величества, откуда его переслали в Контроль бывшего МИДв. Чиновники последнего высказались 15 июля: «Полагая, что при уборных в Московском Большом театре имеются какие-либо ответственные служащие для наблюдения за оставляемым в этих уборных платьем и прочим имуществом, Контроль находит, что обязанность возмещения убытков артисту Савицкому за похищенное в мужской уборной театра пальто лежит не на Конторе театров, а на упомянутых служащих»². Собинов, однако, с этим не согласился; в докладе Ф.А. Головину от 21 сентября он писал, что взыскать деньги со сторожа М. Голованова «не представляется возможным, ввиду незначительности получаемого Головановым содержания»; при этом Собинов считал «настоятельно необходимым» уплатить потерпевшему за его пальто 300 руб. за счет театра (видимо, за прошедшие месяцы в связи с общей инфляцией оценка стоимости пальто выросла)³. В итоге инцидент дошел до судебного разбирательства: в РГАЛИ сохранилось удостоверение, выданное 2 октября 1917 г. администрацией театра юрисконсульту Н.М. Шульцу «для представления Московскому Столичному Мировому Судье Никитского участка, в том, что он, г. Шульц, уполномочен быть представителем Московской Конторы Государственных театров при разборе дела по иску Савицкого»⁴.

20 апреля произошел новый случай кражи и вновь, как и месяц назад, объектом преступных посягательств стало женское каракулевое пальто. Пальто, как указывал в своем рапорте Н.П. Штер, принадлежало «Г-же Гришинской» (в справочной книге «Вся Москва» за 1917 г. упоминается только одна женщина с такой фамилией – Надежда Николаевна Гришинская, жена подполковника В.С. Гришинского, редактора журнала «Военный мир»; из мужчин-носителей данной фамилии, помимо указанного лица, указан еще его брат, полковник А.С. Гришинский⁵). Гришинская сдала пальто на хранение капельдинерам Токареву и Анциферову, после чего оно было похищено из гардероба бельэтажа неизвестным лицом. Несмотря на высокую стоимость украденного (пострадавшая оценила пальто в 500 руб.), по неустановленным причинам Гришинская отказалась от предложения выплатить ей эти деньги, что представляло собой уникальный случай в практике возмещения ущерба жертвам «театральных» краж⁶. Возможно, ей стало жаль капельдинеров, которым пришлось бы отвечать своим жалованьем за действия воров.

¹ Там же. Л. 32.

² Там же. ЛЛ. 19 – 20.

³ Там же. ЛЛ. 35 об. – 36.

⁴ Там же. Л. 37.

⁵ Вся Москва на 1917 год. Адресная и справочная книга гор. Москвы. М., 1917. Отд. III. С. 137.

⁶ РГАЛИ. Ф. 648. Оп. 2. Д. 5. ЛЛ. 32 – 32 об.

Три дня спустя, 23 апреля, Большой посетила представительная делегация (тридцать человек) от Бюро помощи политическим освобожденным; раздевшись в Министерском подъезде и сдав одежду швейцару Щепкину, зрители с революционным прошлым проследовали в ложу. О произошедшем далее говорилось в составленном по свежим следам протоколе: «Спрошенный швейцар Щепкин показал, что за 20 – 15 минут до окончания спектакля какое-то ему неизвестное лицо подошло к вешалке, взял¹ пальто и шляпу, причем Щепкин, предполагая, что это кто-нибудь из посетителей ложи, помог ему одеться. Кроме того: то же лицо во время второго антракта подходило к вешалке и искал² в карманах того же пальто, которое потом одел, бумаги, с которыми поднялся наверх»³. В итоге оказались похищенными «пальто сероватого цвета», принадлежащее Л. Бернацкому и черная шляпа некоего Германа. 24 апреля Собинов, ознакомившись с составленным после кражи протоколом, оставил резолюцию: «Сообщая в Бюро политических освобожденных копию настоящего протокола, я прошу Бюро, не может ли оно снабдить необходимым пальто Г-на Бернацкого, т. к. иначе придется на удовлетворение Г-на Бернацкого деньги взыскать с швейцара Щепкина»⁴. В итоге Бернацкий, оценивший свое пальто в 90 руб., получил 50 руб. от Бюро, а 40 – от Собинова (вероятно, взятых из жалованья швейцара) и объявил, что более претензий не имеет⁵ (о компенсации лишившемуся шляпы Германину в архивном деле ничего не говорится). Собинов в рапорте Ф.А. Головину от 21 сентября сообщал, что «дело о пропаже пальто Бернацкого и шляпы Германа ликвидировано»⁶.

Повторявшиеся в апреле с завидной периодичностью кражи начали всерьез беспокоить Собинова. В вышедшем 6 апреля «Журнале распоряжений по московским государственным театрам» было опубликовано его «предложение» коменданту Н.П. Штеру усилить «наблюдение за порядком в здании Большого театра», обращая особое внимание на несение сторожевой службы, «производя возможно чаще проверки дневные и ночные», а о «замеченных отступлениях от порядка несения дежурств» заносить сведения «в особую книгу дежурств по Большому театру»⁷. 22 апреля Собинов отдал очередное распоряжение Штеру: «Ввиду участвовавших случаев пропажи верхнего платья и других вещей в Большом театре, предлагаю Вам немедленно объявить вахтеру, сторожам и капельдинерам, на которых лежит обязанность охраны всякого рода имущества, в особенности сданного им на хранение во время всяких занятий, что впредь, в случае какой-либо пропажи, сторожа и капельдинеры будут нести имущественную ответственность за круговой порукой, в отдельности по сцене с ее службами и в помещениях

¹ Так в тексте.

² Так в тексте.

³ РГАЛИ. Ф. 648. Оп. 2. Д. 5. Л. 5.

⁴ Там же.

⁵ Там же. ЛЛ. 5 об., 9.

⁶ Там же. Л. 36.

⁷ АРО ГЦТМБ. Ф. 486. № 1524. Л. 2.

для публики, а вахтер во всех случаях»¹. На следующий день Собинов потребовал от Штера «незамедлительно доставить мне полное, поименное распределение дежурств сторожей, швейцаров и капельдинеров», что и было исполнено комендантом².

После окончания сезона количество и масштаб краж значительно уменьшились. 18 мая Штер доносил Собинову, что «из уборной при Министерской ложе, от имеющейся там медной дверки-отдушины, выходящей непосредственно в женскую уборную, пропал висячий замок. При осмотре мною названной дверки не обнаружено никаких следов взлома, за исключением отогнутых краев самой дверки, ушки же совершенно целы и не несут следов царапин, что несомненно наводит на мысль о снятии замка ключом; держателя же ключа пока обнаружить не удалось». В конце рапорта комендант уточнил, что «замок у дверки был на месте до 11-го Мая»³. Здесь следует пояснить, что это была не простая «дверка-отдушина»: обнаруженная в начале мая, она давала возможность тайного осмотра из ложи министра двора уборной, служащей для переодевания артисток балета и оперы (о чем последние, разумеется, не подозревали); это открытие вызвало немалый скандал⁴. Таким образом, в данном случае мы, вероятно, имеем дело не со случаем воровства, а с замечанием следов лицом, имевшим доступ к «отдушине».

Прекратившись летом, воровство театрального имущества возобновилось в августе, когда Большой готовился к открытию нового сезона. С 20 на 21 августа был похищен телефонный аппарат из коридора женских уборных. Н.П. Штер в рапорте Л.В. Собинову от 22 августа писал: «Предполагать, что кража телефонного аппарата совершена посторонним лицом не соответствовало бы действительности, так как аппарат этот находится не на самом ходу и помещен в особой будке, которую могут знать только свои служащие». Намекая на наличие подозреваемого («По словам сторожа Михаила Голованова, сторож Грачев, дежуривший с 20 по 21 число на черном подъезде, проходил вечером по сцене по направлению к уборным»), комендант доносил, что с его стороны «приняты все зависящие меры к розыску аппарата по театру и дано знать в Телефонное Общество для задержания предъявителя аппарата»⁵. Этот инцидент вызвал гнев Собинова, обусловленный еще и тем, что певец узнал о нем ранее коменданта, в час дня 21 августа, и, как было отмечено в собиновской резолюции, он сам сообщил о происшествии Штеру, «встретив его в 2 часа дня в Малом театре. Нахожу недопустимым, что после моего распоряжения произвести расследование, мне пришлось на другой день писать срочно предложение немедленно представить рапорт о про-

¹ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 2. Д. 480. Л. 55.

² Там же. Ф. 648. Оп. 2. Д. 1257. Л. 15.

³ Там же. Д. 5. Л. 18.

⁴ Гордеев П.Н. Министерская отдушина в женскую гримерку // Родина. 2016. № 8. С. 113 – 114.

⁵ РГАЛИ. Ф. 648. Оп. 2. Д. 5. ЛЛ. 23 – 23 об.

исшествия¹, каковой после этого и был мной получен на дому 22-го числа в 10 ч. вечера. Прошу сообщить, было ли дано знать в милицию и какие вообще меры приняты Комендантом для упорядочения службы»². Штер попытался 24 августа оправдаться перед Собиновым, объяснив, что «о случае пропажи телефонного аппарата из Большого театра в Милицию дано знать не было, так как Милиция, также как и в прежнее время полиция, не допускалась внутрь здания театров, тем более что по содержанию моего рапорта № 299 можно усмотреть, что похищение аппарата не могло быть произведено посторонним лицом». В качестве причины того, что дознание было произведено им лишь спустя сутки после инцидента, Штер указал на служебные обстоятельства («я в момент получения указания [от Собинова – П.Г.] находился в Малом театре, где мне пришлось, по службе, пробыть до шестого часа вечера и, кроме того, для производства дознания мне необходимо было опросить лиц, касающихся настоящего дела, которых я мог опрашивать частично, ввиду того, что не все эти лица находились в это время в театре»), а по вопросу «упорядочения службы», сообщил, что «донести что-либо затрудняется», так как «все сторожа, которым надлежит быть на постах, находятся на местах и двери подъездов на ночь запираются»³.

Пока Собинов и Штер вели эту переписку, неуловимые воры вновь посягнули на имущество Большого театра, отрезав трубку от «коллективного балетного телефона». В рассказе дежурившего 22 – 23 августа сторожа Огнева (замещавшего в эти дни заболевшего сторожа М. Голованова) местами проскальзывал фантазмагорический сюжет «Призрака Оперы»: «часа в три дня того же 23 числа кто-то, ему неизвестный, входил в будку при помощи ключа, но как человек новый, Огнев не может указать, кто именно входил, помнит лишь, что входил человек лет тридцати, худощавый, одетый в сюртук. Хотя некоторые уборные были открыты, но, по показанию Огнева, в них никого не было, а только работали⁴ столяр по ремонту»⁵. Показание Огнева было сообщено Штером Собинову 24 августа, что уже вконец переполнило чашу терпения певца, тем более что последний днем ранее затребовал у коменданта свое распоряжение от 22 апреля – которое, как выяснилось, было объявлено под расписку всего лишь двум лицам – вахтеру (его подпись неразборчива) и сторожу И. Шалдину⁶. Собинов опубликовал это распоряжение в ближайшем номере (№ 17) «Вестника государственных московских театров»⁷, потребовал от Штера (того же 24 августа) сообщить «о всех случаях краж в Большом театре» с 11 марта, а также о принятых мерах «в исполнение моего приказа № 3, помещенного в бывшем Журнале

¹ Это написанное Собиновым собственноручно распоряжение сохранилось: «Предлагаю Вам срочно представить мне рапорт о пропаже аппарата телефона № 243-48 и все объяснения» (Там же. Д. 1257. Л. 30).

² РГАЛИ. Ф. 648. Оп. 2. Д. 5. Л. 22 об.

³ Там же. ЛЛ. 25 – 25 об.

⁴ Так в тексте.

⁵ Там же. ЛЛ. 30 – 31.

⁶ Там же. Ф. 649. Оп. 2. Д. 480. ЛЛ. 55 – 55 а.

⁷ АРО ГЦТМБ. Ф. 486. № 1565. Л. 1.

Распоряжений № 8 от 6 Апреля 1917 г.» и о тех, «какие Вы считаете нужным принять в дальнейшем». Кроме того, коменданту было предложено «дать мне объяснения, почему мое распоряжение на Ваше имя от 22-го Апреля сего года за № 376, затребованное мною у Вас 23-го сего Августа, не исполнено, так как вопреки его точному смыслу оно объявлено под расписку только вахтеру и одному из сторожей, а об исполнении его мне не донесено Вами до сих пор»¹.

Штеру вновь пришлось объясняться, причем на этот раз гораздо более подробно. 26 августа он направил Собинову пространный рапорт, в котором, перечислив случаи краж, писал о приказе, опубликованном в «Журнале распоряжений» 6 апреля: «мною приняты к руководству все указания этого Приказа в наблюдении за порядком в театре, для чего приняты следующие меры: нанимались особые сторожа, для охраны театра в пожарном отношении <...> в виду участившихся в театре краж, я входил рапортом от 22 апреля № 175 с ходатайством о наеме² специального сторожа в помощь сторожу Голованову в верхние мужские уборные или о командировании туда капельдинера, что во время сезона и было сделано, в том же рапорте № 175 я ходатайствовал о командировании в театр, для наблюдения, во время разъезда публики, нескольких агентов уголовной милиции, коим надлежало поступать в мое распоряжение. По Вашему личному указанию я тогда же отправился к Начальнику указанной милиции, после чего, в мое распоряжение присылались агенты, которых я распределял по ярусам и главным образом в кресельном коридоре, где кражи бывали чаще всего. Наблюдение за сценой в отношении краж, как Вы указываете, не потребовало услуг агентов или кого другого, т. к. там краж не совершалось». Для того, чтобы «оберечь театр от похищения имущества», Штер «признал бы необходимым общее дружное наблюдение за этим явлением всеми служащими в театре, без различия занимаемых должностей и обязанностей – необходимо помочь друг другу в деле такого преступного характера, как кражи, буде то в целях наживы, озорства, или сведения личных счетов и мести, говорю в данном случае о срезанной трубке телефона, где, несомненно, кроется не нажива. Одной из мер борьбы с хищением платья при разъезде публики признал бы побудить капельдинеров более ревностно следить за сданным им платьем, т. к. мне лично приходилось наблюдать очень пассивное с их стороны отношение, тогда как следить за платьем, казалось бы, была их прямая обязанность, что им неоднократно мною и внушалось; так же желательно было бы обязать капельдинеров, у которых пропало сданное им платье незамедлительно и без всяких комментариев³ и торговли с потерпевшим, тотчас же уплачивать стоимость пропавшего платья, – эта мера заставила бы их более бдительно следить за сданным им имуществом». Наконец, Штер оправдывался в том, что не объявил всем сторожам и капельдинерам распоряжение Собинова от 22 апреля: «это произошло в виду того, что тогда сезон заканчивался и

¹ РГАЛИ. Ф. 648. Оп. 2. Д. 1257. ЛЛ. 35 – 35 об.

² Так в тексте.

³ Так в тексте.

многие из сторожей, а главным образом, капельдинеров, уезжали в отпуска и расписка в прочтении Вашего распоряжения была отложена до нового сезона¹. Некоторая вина в неисполнении Приказа падает на вахтера, т. к. я оставил это приказание у него в комнате при кресельном коридоре, поручив ему предъявлять его всем проходящим в театр капельдинерам для прочтения Приказа под расписку – что исполнено не было. О недонесении Вам об этом до сих пор законной причины не имею»².

Спустя почти месяц, в подробном рапорте Ф.А. Головину от 21 сентября Собинов заметил, что он не касается здесь «вопроса об ответственности в той или иной форме Коменданта театра гвардии подполковника Штера и исполняющего обязанности вахтера старшего контрольного капельдинера Степана Дорохина, не исполнивших моего распоряжения от 22 апреля»³. Тем не менее, отношения между уполномоченным и комендантом были уже безнадежно испорчены, и вскоре Собинову представилась возможность отделаться от нерадивого подчиненного. Ввиду разделения с 1 октября Московской конторы государственных театров на две Канцелярии (уполномоченных по Большому и по Малому театрам), последние опубликовали в «Вестнике государственных московских театров» свои приказы от 29 сентября с указанием штата их канцелярий. В соответствии с ними функции коменданта с 1 октября делились между двумя «заведующими зданиями», и если заведующим «зданиями Малого театра и Конторы и служителями» остался Н.П. Штер, то на должность «заведующего зданием Большого театра и служителями» Собинов назначил состоявшего в Московском отделении Русского музыкального общества кандидатом в члены Дирекции (как и сам Собинов⁴) М.М. Попелло-Давыдова⁵, которому Штер 4 октября официально «сдал должность»⁶.

Отметим, что неприязнь Собинова к Штеру могла объясняться и тем, что последний был зятем управляющего Московской конторой государственных театров С.Т. Обухова, а также (в 1913–1915 гг.) адъютантом командира Отдельного корпуса жандармов⁷, что в глазах певца, с давних пор находившегося с Обуховым в конфликте и восторженно приветствовавшего

¹ Это объяснение не удовлетворило Собинова, писавшего комиссару над бывшим МИДв Ф.А. Головину 21 сентября: «Считаю нужным присовокупить, что ссылка Коменданта на невозможность объявления капельдинерам и сторожам моего распоряжения, в виду начавшегося разъезда их в отпуск, не заслуживает уважения, так как распоряжение мною было сделано 22-го Апреля, а отпуска, обычно начинающиеся по окончании сезона, т. е. 1-го Мая, в минувшем сезоне начались только во второй половине Мая» (РГАЛИ. Ф. 648. Оп. 2. Д. 5. Л. 35 об.).

² РГАЛИ. Ф. 648. Оп. 2. ЛЛ. 32 об., 34 – 34 об.

³ Там же. Л. 36.

⁴ Вся Москва на 1917 год. Отд. I. С. 960.

⁵ АРО ГЦТМБ. Ф. 486. № 1574. Л. 1 об.

⁶ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 2. Д. 480. Л. 56.

⁷ Гордеев П.Н. Февральская революция в московских императорских театрах // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. СПб., 2014. С. 124 – 125.

революцию, вряд ли добавляло к образу коменданта симпатичные черты¹. В то время как М.М. Попелло-Давыдов был не только коллегой Леонида Витальевича по РМО и театральным критиком, но также и мужем бывшей артистки оперной труппы Е.А. Попелло-Давыдовой², к которой великий тенор, насколько можно судить, был некогда весьма расположен³. Выбор Собинова поддерживало и его окружение: управляющий Большим театром Ф.В. Павловский писал ему в начале октября: «Относительно Михаила Михайл[овича] могу сказать, что это ценнейшее приобретение для театра, он много сможет сделать по приведению всего в порядок»⁴. В то же время у Штера сложились неплохие отношения с руководством Малого театра (хотя до революции он «более интересовался делами балета, чем делами “дома Щепкина”»⁵). Из его письма управляющему Малым театром О.А. Правдину от 31 июля, в котором Штер непринужденно рассуждает о предстоящих ремонтных работах, квартирах служащих и даже об уместности оставления полукруглого дивана в кабинете своего корреспондента, можно сделать вывод о том, что ведущие лица в труппе Малого (Правдин и А.И. Сумбатов-Южин) воспринимали Штера, скорее, как коллегу по административной деятельности⁶.

Кражи происходили не только в Большом театре, но и в здании Московской конторы государственных театров на Большой Дмитровке. В архивном фонде конторы сохранился составленный 11 сентября рукописный рапорт чиновника-регистратора (фамилия неразборчива) с констатацией печальных фактов: «В последнее время в особенности участились кражи в доме Конторы, так напр[имер]: с чердака дома у Кондратьевой пропали [неразборчивое слово – П.Г.] повешенные для сушки полотенце и рубашка, у

¹ Возможно, с этим связана и смена Н.П. Штером места жительства: 23 – 24 июля он переехал из квартиры в Большом театре, находившемся в ведении Собинова, в дом Московской конторы государственных театров, под крыло А.И. Сумбатова-Южина, придерживавшегося более умеренных взглядов (РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 2. Д. 480. ЛЛ. 53 – 54).

² Российское зарубежье во Франции, 1919–2000. Т. 2. М., 2010. С. 499.

³ Директор императорских театров В.А. Теляковский записал в дневнике 27 марта 1913 г.: «Удивительным нахалом держит себя Собинов. Постом он гастролирует в Киеве, и вот теперь ему понадобилась певица Попелло-Давыдова. Когда из Москвы ему телеграфировали, что Давыдова занята в “Валькириях” и не может быть отпущена, он прислал графу Ростовчину телеграмму с удивлением, как это театр отказывает ему в певице для его гастролей. Теперь Собинов ухаживает за Давыдовой, и ему дела нет, что она занята!!!»: Теляковский В.А. Дневники Директора Императорских театров. 1909 – 1913. Санкт-Петербург. М., 2016. С. 658.

⁴ РГАЛИ. Ф. 864. Оп. 1. Д. 649. Л. 8.

⁵ Аксакова-Сиверс Т.А. Семейная хроника. М., 2006. С. 215.

⁶ АРО ГЦТМБ. Ф. 217. № 760. ЛЛ. 1 – 3. Доверие к Штеру распространялось и на денежные дела: 11 ноября, когда Москва еще только оживала после боевых действий между сторонниками Временного правительства и большевиками, Южин подписал Штеру удостоверение «в том, что ему необходимо для оплаты счетов по казенным надобностям получать по его текущему счету из Банка Юнкера в Москве пятьсот (500) рубл.» (РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 2. Д. 480. Л. 58).

Гавриловой там же 1 рубашка мужская, 2 дамских, наволочка и полотенце; из квартир пропадают и вещи и деньги. Несмотря на принятые меры, вора обнаружить не удается»¹. Уполномоченный по Малому театру и конторе А.И. Сумбатов-Южин, ознакомившись с документом, наложил 12 сентября резолюцию «Усилить надзор. Снести с уголовной милицией»² – но первое, конечно, в условиях 1917 г. легче было написать на бумаге, чем претворить в жизнь. Впрочем, 18 сентября конторские служащие приготовили (от имени Южина) заявление начальнику московской уголовной милиции, в котором сообщалось: «За последнее время во владении дома Конторы Московских Государственных театров (Большая Дмитровка, д. 1/8) участились кражи, а именно: с чердаков пропадают вывешиваемое белье, а из квартир мелкие вещи и деньги. Кроме того, была обокрадена нежилая квартира (б. Директорская), из которой были похищены ценные часы, портьеры и пр.». Сообщая об этом, а равно и о том, что здание занято «Конторою и квартирами служащих», составители заявления просили: «не будет ли возможным принять какие-либо меры к выяснению виновных и прекращению покраж»³.

Сведений о кражах в Малом театре в период власти Временного правительства выявить пока не удалось. Как известно, во время событий Октябрьской революции в Москве Малый подвергся разгрому со стороны захвативших его красногвардейцев, в ходе которого множество вещей было испорчено и украдено. Протокол, составленный по горячим следам (6 – 7 ноября), поражает яркими подробностями: «обе двери помещения кассы открыты подобранными ключами, из несгораемого шкафа вынуты все штатки с деньгами, которые похищены», в телефонной будке «оторвана трубка со шнуром, самая же будка превращена в клозет», в бывшей библиотеке «отбита часть носа от бюста поэта Пушкина, а на лбу имеется след от пули», «в ложе Комиссара Временного Правительства оставлены порванные штаны» и т. д.⁴ Эти события, ввиду экстраординарности их исторического контекста, вряд ли уместно поставить в один ряд с кражами в театрах, совершенными весной – осенью 1917 г. (равно как и произошедшие, хотя и в гораздо меньшем размере, хищения в Большом театре в период проведения там Государственного совещания). Тем не менее, опасность проникновения криминальных элементов в зрительный зал медленно оправляющегося после октябрьской эпопеи театра была велика, и 24 ноября Южин отдал Штеру распоряжение, почти дословно повторяющее приказ Собинова от 22 апреля – с требованием объявить вахтерам и капельдинерам об их материальной ответственности в случае пропажи имущества, принадлежащего публике (28 ноября Штер донес Южину об исполнении)⁵.

Рассмотрев основные факты, относящиеся к истории воровства в московских государственных театрах в 1917 г., представляется возможным сде-

¹ РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 6. Д. 148. ЛЛ. 73 – 73 об.

² Там же. Л. 73.

³ Там же. ЛЛ. 74 – 74 об.

⁴ Там же. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. ЛЛ. 7 – 8.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 480. ЛЛ. 62 – 62 об., 64.

лать некоторые выводы. Во-первых, в период театрального сезона главной целью преступников была верхняя одежда зрителей, тогда как во время летнего затишья совершались (по всей видимости, не профессиональными ворами, а представителями технического персонала) мелкие кражи театрального имущества. Во-вторых, основными мерами борьбы с подобными явлениями со стороны театральной администрации являлись многочисленные, но не особенно успешные напоминания капельдинерам и сторожам об их материальной ответственности за украденное – впрочем, довольно условной: реально взыскать с получавшего скромное жалование сторожа стоимость дорогой вещи (как это было в случае с кражей пальто у артиста А.И. Савицкого) не решался даже импульсивный Л.В. Собинов. Наконец, примечательный вывод напрашивается при сравнении ситуации в московских и петроградских театрах. Коменданта первых Н.П. Штера его родственница Т.А. Аксакова-Сиверс характеризовала в воспоминаниях как светского человека, знатока кулинарии и бальных танцев, занявшего (став зятем С.Т. Обухова) должность полицеймейстера московских императорских театров, которая «была необременительна и давала постоянное место в третьем ряду партера»¹. Петроградский коллега Штера В.Ф. Безпалов, напротив, был энергичен и амбициозен; он самостоятельно выдвинулся на должность коменданта театров, организовав их охрану в дни Февраля, и держался за нее вплоть до прихода к власти большевиков. Тем не менее, несмотря на столь разные качества двух комендантов, в театрах обеих русских столиц воры в 1917 г. чувствовали себя вольготно. Видимо, перед объективными обстоятельствами эпохи (общим подъемом криминала в стране и падением дисциплины среди младших театральных служащих) меркли личные особенности тех, кому поручено было следить за безопасностью в зрительном зале и за кулисами.

Гордеев П.Н.

Казус Тираспольской: история о том, как уволенная актриса вернулась на сцену при помощи большевиков

Дочь основателя династии фотографов, работавшей на юге России² и сестра известного профессора-масона Г.Л. Тираспольского³, Надежда

¹ Аксакова-Сиверс Т.А. Семейная хроника. С. 213 – 215.

² Краснова Е., Дроздовский А. 170 лет одесской фотографии [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://viknaodessa.od.ua/?170 лет_odesskoy_fotografii

³ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века // Старцев В.И. Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 51.

Львовна Тираспольская (1867¹ – 1962) прожила долгую и насыщенную жизнь. Большую ее часть она посвятила сцене и прежде всего – петербургскому Александринскому театру, на подмостках которого актриса выступала около полувека, до 1956 г. («с небольшими перерывами»), став заслуженным деятелем искусств РСФСР и автором мемуаров² (созданных, впрочем, не без участия литературного редактора³). В последних, описывая на многих страницах события 1917 г., Тираспольская выступила в качестве очевидца событий, передавая диалоги актеров во время представления «Маскарада» в дни Февральской революции, рассказывая о повседневной жизни бывшей императорской сцены при Временном правительстве, останавливаясь на борьбе группировок в труппе во время победы большевиков⁴. Уже в послеоктябрьский период мемуаристка, по ее словам, была уволена из театра постановлением общего собрания артистов (большинство которых тогда поддерживало «саботаж») «за сношение с большевиками»⁵.

Во многих выходивших в советское время воспоминаниях деятельность, взгляды и настроения их авторов в 1917 г. излагалась со значительными искажениями. Но о книге Н.Л. Тираспольской этого сказать, пожалуй, нельзя: ее «история» во время революции (по крайней мере, в той части, которая касается Александринского театра) выдумана практически полностью (на это тактично намекнул театровед С.С. Данилов, писавший рецензию на рукопись мемуаров артистки: «Всекие мемуары ценны только в том случае, если автор передает то, чему сам был свидетелем. <...> Между тем в рукописи много мест, когда совершенно не ясно, сама ли Н.Л. Тираспольская видела и слышала то, о чем пишет или пользуется слухами»⁶). Выяснению подлинной жизни актрисы в эту переломную эпоху, ее во многих отношениях примечательной борьбы за возвращение на сцену посвящена настоящая статья. И в то же время мы не нашли возможным отказаться от обрисовки, пусть и самыми общими штрихами, основных вех биографии нашей героини до и после 1917 г. – слишком яркой и в то же время по-своему характерной для эпохи представляется нам ее личность.

¹ Общепринятая дата, указанная в статье в «Театральной энциклопедии» и предисловию ко второму изданию мемуаров. Согласно заполненной актрисой в 1926 г. собственноручно анкете, она родилась в 1873 г. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 354. Оп. 1. Д. 37. Л. 1).

² И.З. [Злотникова И.Д.] Тираспольская, Надежда Львовна // Театральная энциклопедия. М., 1967. Т. V. С. 204; Тираспольская Н.Л. Из прошлого русской сцены. М., 1950; ее же. Жизнь актрисы. Л.; М., 1962.

³ В архивном фонде Тираспольской в РГАЛИ сохранился ее договор от 28 января 1941 г. с В.Н. Аксеновым, обязавшимся «литературно оформить мемуарный материал Н.Л. Тираспольской» и «сдать всю рукопись в окончательном виде не позднее 25 июня 1941 года, при условии систематического проведения бесед с Н.Л. Тираспольской» (РГАЛИ. Ф. 2402. Оп. 1. Д. 126. Л. 2). Работе Аксенова, видимо, помешала война. В последовавших затем изданиях мемуаров актрисы его фамилия не упоминается.

⁴ Тираспольская Н.Л. Жизнь актрисы. С. 259 – 266.

⁵ Там же. С. 272.

⁶ ОРД СПбГМТиМИ. Ф. 220. НВМ 869/13. Л. 4 (в деле раздельная пагинация).

Надежда Львовна (при рождении – Геся Лейбовна; русские имя и отчество она получила, перейдя в православие перед вступлением в брак в 1896 г.¹) Тираспольская в 1895 г. поступила на императорскую сцену, став артисткой московского Малого театра, где прослужила до 1903 г. (с перерывом на три месяца в 1898 г., когда она была уволена, а затем вновь принята), после чего ее перевели на столичную Александринскую сцену². Там она состояла в труппе до 1915 г., а затем, по истечении двадцатилетнего срока службы, была намечена Дирекцией театров к увольнению³. Отметим, что это было общим правилом; исключения из него делались только для особо талантливых артистов, к числу которых театральное руководство Тираспольскую не относило («Тираспольская не может по своим данным играть с крупными артистами, у ней нет кредита» – отмечал 12 декабря 1912 г. в своем дневнике В.А. Теляковский⁴). К тому же администрация вряд ли забыла произнесенный ей 1 февраля 1908 г. в собрании артистов тост «за процветание и развитие свободного театра на развалинах Императорских театров» (директор последних, В.А. Теляковский, записал на следующий день в дневнике: «С Тираспольской, которую и так ненавижу в труппе, сцепилась Потockая, сказавшая ей, что если она так ждет развалин Императорского театра, то зачем же она служит на казенной сцене и получает жалованье»)⁵, а также некрасивую историю 1910 г., когда Тираспольская, давно уже разошедшаяся с первым мужем, актером С.И. Яковлевым, по сохранившейся у нее старой доверенности тайно от него получила его жалованье, что привело к скандалу (юрисконсульт Кабинета его величества Н.А. Лебедев даже пригрозил артистке уголовным обвинением)⁶.

¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Д. 3651. Л. 41.

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 354. Оп. 1. Д. 37. ЛЛ. 30 об. – 31.

³ В первый раз Дирекция планировала это сделать еще в 1906 г., письменно оповестив актрису (11 марта), что «оставление Вас на службе с 1 Сентября сего 1906 г. не входит в предположение Дирекции» – но та, своевременно взяв отпуск по болезни, смогла, (видимо, не без помощи покровителей) избежать увольнения (ЦГАЛИ СПб. Ф. 354. Оп. 1. Д. 37. ЛЛ. 47 – 49).

⁴ Теляковский В.А. Дневники директора Императорских театров. 1909 – 1913. Санкт-Петербург. М., 2016. С. 596.

⁵ Теляковский В.А. Дневники директора Императорских театров. 1906 – 1909. Санкт-Петербург. М., 2011. С. 375 – 376.

⁶ РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Д. 3651. ЛЛ. 120 – 133, 137 – 139. Когда С.И. Яковлев в 1912 г. скончался (хоронила его не жена, а другая женщина, Е. Станилевич), Тираспольская повела борьбу за полагающуюся, в честь заслуг мужа, пенсию или пособие на воспитание их сына. Другой стороной выступила ее свекровь П.С. Яковлева, также претендовавшая на вспомоществование и сообщившая 9 июня 1912 г. Дирекции театров: «Покойный сын мой был женат на артистке Императорских театров Н.Л. Тираспольской, но он давно уже разошелся с нею, о чем в Дирекции Императорских театров хорошо известно, что до самого последнего времени отношения между покойным сыном и его женой были очень враждебны и главной причиной ненормальных отношений был вопрос о положении сына. Первые годы, после того как супруги разошлись, мальчик жил у матери и сын мой выдавал ей ежемесячно по сто рублей на воспитание его. Когда же мальчику минуло 12 лет, он сбежал от матери, поселился у

Тираспольская отчаянно боролась за продление срока службы, писала письма директору театров В.А. Теляковскому и министру двора В.Б. Фредериксу (последнему, 22 октября 1915 г. – особенно льстиво: «Благодаря доброте Вашей¹ я 20 лет тому назад была принята на Императорскую Московского Малого театра сцену. Благодаря Вам 18 лет тому назад я, уволенная по болезни со сцены вновь была через 3 месяца принята по дебюту, который Ваше Сиятельство удостоили своим присутствием. <...> И благодаря же Вашему Сиятельству 12 лет тому назад была переведена из Москвы в Императорский Петроградский Александринский театр². Через Елену Константиновну Нарышкину, благодарившую Вас от своего и моего имени, Вы разрешили тогда, в минуту жизни трудную вновь беспокоить Вас. Такой момент серьезный и трудный настал и я вновь обращаюсь к доброте Вашего Сиятельства»), апеллируя к тому, что ее второй муж А.А. Фабер и сын Георгий Яковлев³ – военные и скоро отправятся на фронт, а сама она с жалованьем 1 500 руб. в год недорого обходится бюджету казенной сцены и при этом готова «отдать все свои силы и помыслы обгаренной кровью родине», но в итоге смогла лишь отдалить дату увольнения на несколько месяцев (с 1 сентября 1915 г. до 1 мая 1916 г.)⁴. Таким образом, ко времени представления знаменитого «Маскарада», с описания которого начинается глава ее воспоминаний, посвященная революции, Тираспольская уже почти год на службе в Александринском театре не состояла.

Однако Февральская революция и смена власти в бывших императорских театрах, ставших теперь государственными, дала актрисе надежду на возвращение в труппу. Наскоро усвоив левую риторику и приспособившись к новым реалиям, Тираспольская вошла в состав учреждения, быстро набравшего влияние в сценическом мире – Театральной комиссии при Исполнительном комитете Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (учрежденной на заседании Бюро ИК 11 мая⁵), оказавшись в созданной

отца и, несмотря на уговоры, решительно отказывался жить у матери. С своей стороны г-жа Тираспольская обращалась с прошением на высочайшее имя о том, чтобы сын был водворен к ней, но Канцелярия его императорского величества по принятию прошений оставила прошение г-жи Тираспольской без последствий». Тем не менее, пособие было назначено в итоге именно Тираспольской (Там же. ЛЛ. 150, 162 – 177).

¹ Здесь и далее – подчеркнуто в тексте.

² Много лет спустя в своих воспоминаниях Тираспольская с презрением обличала дореволюционные порядки: «в силу самой структуры императорской сцены, была еще прослойка молодежи, принятая по протекции сильных мира сего» (Тираспольская Н.Л. Жизнь актрисы. С. 282).

³ Георгий (Юрий) Яковлев погиб в годы Гражданской войны, причем его мать поразному указывала дату гибели: в изданных мемуарах писала, что он отдал «жизнь в борьбе за народное счастье» в 1918 г., а в рукописном наброске 1962 г. с перечислением важнейших дат своей жизни указала 1919 г. – прибавив ту же стереотипную фразу о народном счастье (Тираспольская Н.Л. Из прошлого русской сцены. С. 1; ее же. Жизнь актрисы. С. 282; ОРД СПбГМТиМИ. Ф. 220. ГИК 13080/22. Л. 1).

⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 354. Оп. 1. Д. 37. ЛЛ. 99 – 108, 122 – 123 об.

⁵ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. М., 2002 Т. 3. С. 43 – 44; Галанина Ю.Е. Управление фронтовыми театрами между февралем 1917 и

комиссией «режиссерской коллегии»¹ единственной женщиной и занимаясь привлечением артистов государственных и частных театров к «культурно-просветительной работе на фронте и в тылу армии»² («Мне поручена была еще “мобилизация” женщин» – вспоминала Тираспольская³). В июле 1917 г. ее даже включили в труппу военнообязанных артистов, которые должны были ехать с гастрольями на фронт⁴, но в воспоминаниях Надежды Львовны нет упоминаний о подобных поездках. Занимаясь организационной работой в Петрограде, она не упускала из виду главную цель – триумфальное возвращение в стены бывшего императорского театра, который, «с его почти столетие выработавшимися порядками», по мере того как «близился Октябрь», перестал «казаться устойчивым и надежным»⁵.

16 августа 1917 г. Тираспольская отправила общему собранию артистов Александринского театра свое обращение, в котором, «ввиду несправедливого моего увольнения от службы в Государственном Александринском театре только потому, что я выслужила пенсию», обращалась к бывшим коллегам с просьбой «теперь же рассмотреть обстоятельства, сопровождавшие мой уход из Театра и в случае признания моей полезности в труппе – дать возможность вернуться в свою артистическую семью». Артистка упоминала о своей беседе с комиссаром Временного правительства над бывшим Министерством двора Ф.А. Головиным и главноуполномоченным по государственным театрам Ф.Д. Батюшковым, заявившим ей, что «решение вопроса о моем возвращении зависит исключительно от усмотрения труппы». Это обстоятельство, заключала в своем письме-обращении Тираспольская, «чрезвычайно облегчает мою задачу и Вам, моим товарищам почти 20 летней службы, я со спокойной душой веряю мою судьбу»⁶.

16 и 28 августа состоялись заседания Художественно-репертуарного комитета (далее – ХРК) Александринского театра⁷, но на них просьба Тираспольской не обсуждалась⁸. Вероятно, речь об этом шла на заседаниях 31 августа или 2 сентября, но их протоколы пока что обнаружить не удалось (в соответствующем деле, хранящемся в фондах петербургского Музея театрального и музыкального искусства, указано, что эти и ряд других протоко-

февралем 1918 г. // Театры Первой мировой. Материалы международной научной конференции. 24 – 25 октября 2014 года. СПб., 2014. С. 32.

¹ Впоследствии, в октябре, «режиссерская коллегия» была преобразована в «рабочий коллектив», куда Надежда Львовна также была избрана (Театр и музыка // Русская воля. 1917. 3 октября (утр. вып.); Театр и музыка // Там же. 4 октября).

² Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. Л., 1927. С. 74.

³ Тираспольская Н.Л. Жизнь актрисы. С. 263. И спустя много лет актриса сохранила в своем архиве один из документов Театральной комиссии – выданный члену комиссии «тов. Надежде Льв. Тираспольской» пропуск на концерт в театре «Музыкальная драма» 3 октября 1917 г. (ОРД СПбГМТиМИ. Ф. 220. ГИК 13080/39. Л. 1).

⁴ Спектакли на фронте // Биржевые ведомости. 1917. 6 июля (утр. вып.).

⁵ Тираспольская Н.Л. Жизнь актрисы. С. 263.

⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 354. Оп. 1. Д. 37. ЛЛ. 130 – 130 об. На документе имеется пометка управляющего труппой Александринского театра Е.П. Карпова: «Отклонить».

⁷ На заседании 16 августа организация еще именовалась Репертуарным комитетом.

⁸ ОРД СПбГМТиМИ. Ф. 67. КП 7042/7. ЛЛ. 1 – 2; КП 7042/8. ЛЛ. 1 – 2 об.

лов были в 1918 г. взяты актером Д.Х. Пашковским¹). Так или иначе, 2 сентября Е.П. Карпов, управляющий труппой и одновременно председатель ХРК, сообщил Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам, что постановлением ХРК ходатайство Тираспольской о принятии ее вновь на службу отклонено² (отметим, что артистка обращалась не к ХРК, а к общему собранию труппы). Актриса, как можно заключить из ее более поздней переписки с Карповым, попыталась оспорить это решение, обратившись к труппе (или ХРК) с письмом 6 сентября³; впрочем, в связи с последовавшей вскоре отставкой ХРК⁴, дальнейшего развития эта переписка не получила.

Приход к власти большевиков и последовавший бойкот нового правительства со стороны государственных театров открыл перед актрисой, давно работавшей в одной из структур Петроградского совета и известной вождям последнего, новые возможности, которыми она не преминула воспользоваться. Бывший комендант петроградских государственных театров В.Ф. Безпалов вспоминал: «Когда Луначарский узнал о воинственной позиции александринцев, он просил члена режиссерской коллегии театральной комиссии Петросвета Н.Л. Тираспольскую, артистку Александринского театра, передать своим товарищам по сцене, что он готов посетить общее собрание артистов и иметь с ними собеседование по наиболее острым вопросам, выдвинутым революционной действительностью». Артисты, однако, «не воспользовались миролюбивым предложением Луначарского и продолжали саботажничать»⁵. В мемуарах Тираспольской этот эпизод передан так: «Решение коллектива не допускать в театр присланного из Смольного коменданта, а равно и самого Луначарского дошло до Анатолия Васильевича, о чем он мне сказал при встрече в Смольном. Мало того: он предложил мне переговорить, как он выразился, “с теми из товарищей, кому я доверяю”, и сказать, что коллектив напрасно занял против него воинственную позицию. <...> Вот это поручение А.В. Луначарского, переданное мною Е.П. Карпову, имело для меня трагические последствия. <...> Это было в 12 часов дня, а в 6 часов вечера ко мне позвонил по телефону секретарь общего собрания оппозиционеров Лаврентьев⁶ и сообщил о постановлении этого собрания: “Н.Л. Тираспольская из театра увольняется за сношение с большевиками, без пра-

¹ Там же, без номера (записка В. Селиванова в начале архивного дела).

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 354. Оп. 1. Д. 37. Л. 129.

³ Спустя три месяца она просила Карпова предоставить ей «копию протокола Художественно-репертуарного комитета в части касающейся ответа на мое письмо от 6-го сентября 1917 г.» (РГАЛИ. Ф. 2402. Оп. 1. Д. 58. Л. 1); само письмо разыскать не удалось.

⁴ Гордеев П.Н. Е.П. Карпов – управляющий труппой Александринского театра в 1917 году // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 4. С. 16.

⁵ Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. С. 109 – 110.

⁶ Имеется в виду режиссер А.Н. Лаврентьев.

ва входа за кулисы, как мешающая продуктивной работе своими революционными разговорами»¹.

Цитированный фрагмент воспоминаний требует некоторого комментария. «Оппозиционерами» в данном случае названы артисты (подавляющее большинство труппы), не признавшие власть большевиков; уволена из театра Тираспольская была годом ранее, а формулировка «мешающая работе революционными разговорами» в 1917 г. вообще вряд ли могла быть употреблена и является плодом фантазии мемуаристки. Но общие черты инцидента проясняются: Тираспольская выступила фактически агентом наркома просвещения во враждебно к нему настроенной труппе. Это вызвало резко негативную реакцию у части ее бывших коллег по сцене и несколько раз обсуждалось на общих собраниях артистов (в письме к Е.П. Карпову от 6 декабря Тираспольская просила выслать ей копии протоколов общих собраний от 18 и 22 ноября, а также 4 декабря «в части касающейся меня со всеми резолюциями»²). Тираспольской в итоге был закрыт доступ за кулисы Александринского театра³.

Видимо, не ожидая решительного отпора, 26 ноября Тираспольская обратилась к Карпову с письмом, в котором, упрекая его в «нежелании “выносить сора из избы”» (что выражалось в неполучении актрисой «до сего времени копий протоколов»), попыталась изложить свою позицию. «Примиренная милым и доброжелательным отношением части труппы, оставшейся 22-го ноября для частного собеседования со мной», актриса высказывала «им, равно как и всем в той или иной форме выразившим мне сочувствие, свое искреннее и товарищеское спасибо». Своей вины перед труппой она не признавала, но сожалела о произошедшем: «Не находя по существу обиды в сознании невольной ошибки, выражаю от души сожаление о взятом на себя поручении, хотя и частного характера, не будучи осведомленной о той непримиримой позиции, которую заняла труппа по отношению к Луначарскому, а наоборот: предполагая к нему со стороны Александринцев прежнее беспристрастие». Последнее признание вряд ли можно признать искренним; трудно представить, чтобы чуткая к политическим веяниям актриса в самом деле не понимала, почему после Октябрьской революции труппа утратила к Луначарскому «прежнее беспристрастие». Тираспольская уверяла, что ей, при исполнении поручения большевистского наркома, «руководило исключительно доброжелательное отношение к театру, при личной заинтересованности по столько⁴, поскольку на моем месте каждый из труппы был бы заинтересован, т. е. заинтересован как член корпорации в ее благополучии». В завершение письма его автор обращалась к Карпову, как к «представителю Александринского театра с уверенностью, что при Вашем содействии

¹ Тираспольская Н.Л. Жизнь актрисы. С. 271 – 272.

² РГАЛИ. Ф. 2402. Оп. 1. Д. 58. Л. 1. На основании этих дат можно сделать предположение, что сам инцидент произошел около 18 ноября.

³ Хлопоты Н.Л. Тираспольской // Новая Петроградская газета. 1918. 7 января.

⁴ Так в тексте.

грустный инцидент в конце концов будет ликвидирован и мои 20-ти летние отношения с товарищами будут восстановлены¹.

Не получив от Карпова желаемого «содействия», в конце 1917 г. артистка начала сразу две маленькие «кампании». С одной стороны, она продолжала требовать от представителей ХРК копий протоколов (со списками участников) тех заседаний, где обсуждались связанные с ее деятельностью вопросы – что, в условиях формирующейся на глазах большевистской диктатуры, уже было средством давления на труппу («очевидно, г-же Тираспольской было желательно выяснить, по чьей инициативе ей закрыт доступ за кулисы Александринского театра» – рассуждал корреспондент «Новой Петроградской газеты»²). На уже упоминавшееся письмо актрисы от 6 декабря Карпов 11 декабря дал сухой и официальный ответ, пообещав, что «оно будет доложено мною ближайшему Общему Собранию труппы»³. О требовании Тираспольской предоставить ей копии протоколов упоминалось на заседаниях ХРК Александринского театра 20 и 30 декабря; в обоих случаях было решено предоставить решение общему собранию⁴. Поскольку дело затягивалось, на рубеже 1917 – 1918 гг. актриса вновь обратилась в ХРК; по поручению членов последнего ей 5 января 1918 г. ответил Ю.М. Юрьев, сообщивший, что ее обращение «направлено не по адресу, т. к. этот вопрос не в компетенции этого органа. Одно общее собрание и может дать тот или другой ответ на Ваше заявление»⁵. Наконец, состоявшееся в тот же день общее собрание постановило требование Тираспольской отклонить⁶.

Другим направлением деятельности Надежды Львовны стало активное сотрудничество с меньшинством александринской труппы, симпатизировавшим большевикам. Я.О. Малютин в своих мемуарах упоминал Тираспольскую среди артистов Александринской труппы, в период «саботажа» выступивших «на защиту новой власти»⁷. А.Н. Бенуа, повстречавший 14 декабря заведующего постановочной частью петроградских государственных театров С.Л. Бертенсона, услышал от него рассказ об «интриге», в которую были вовлечены ряд сочувствующих Советскому правительству сценических деятелей, в том числе «одна артистка Александринского театра»⁸ (по всей видимости, Бертенсон имел в виду Тираспольскую – другие актрисы Александринской сцены в то время, кажется, в подобных политических симпатиях не были замечены). Эта деятельность не сразу, но принесла свои плоды – уже после подчинения непокорных александринцев новое руководство театра пригласило Тираспольскую для подписания контракта с 1 сен-

¹ ОР РНБ. Ф. 340. № 14. ЛЛ. 1 – 2

² Хлопоты Н.Л. Тираспольской // Новая Петроградская газета. 1918. 7 января.

³ РГАЛИ. Ф. 2402. Оп. 1. Д. 69. Л. 1.

⁴ ОРД СПбГМТиМИ. Ф. 67. КП 7042/12. Л. 1; КП 7042/16. Л. 1.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2402. Оп. 1. Д. 90. Л. 1.

⁶ Хлопоты Н.Л. Тираспольской // Новая Петроградская газета. 1918. 7 января.

⁷ Малютин Я.О. Актеры моего поколения. Л.; М., 1959. С. 351.

⁸ Бенуа А.Н. Дневник. 1916 – 1918. М., 2010. С. 586.

тября 1918 г.¹ Актриса, наконец, вернулась на желанные подмостки и была задействована в репертуаре².

Впрочем, и в советское время она осталась верна себе и своему непросто-му характеру. Так, в 1921 г. Тираспольская получила специальное удостоверение от Управления делами «1-й Пролетарской Художественно-Драматической труппы “Эвтэрпа”» в том, что в занимаемом труппой помещении имеется ее портрет³. 27 ноября 1924 г. артистка подала заявление в Расценочно-конфликтную комиссию Госактеатра драмы (бывшего Александринского) с жалобой на циркулирующие по театру слухи о том, что она «в Коллективе Р.К.К. сделала донос на Ю.М. Юрьева, обвиняя его в несочувствии Советской власти, белогвардейщине и вообще в контрреволюции». Заявительница требовала «разобрать этот конфликт», позорящий ее имя, но спустя два дня решением той же комиссии была уволена из театра⁴. По всей видимости, донос на Юрьева, в то время – заведующего художественной частью театра, все же имел место (характерно, что в весьма пространных мемуарах Юрия Михайловича Тираспольская даже не упоминается, хотя они более полувека работали в одном театре, а ее мужа С.И. Яковлева Юрьев называл своим другом⁵). Артистка уже 3 декабря подала новое прошение в ту же комиссию, требуя «во имя справедливости <...> пересмотра моего вопроса» («Я – герой труда. Относясь добросовестным образом к своим обязанностям, я прослужила 29 лет и прошу дать мне возможность дослужить до конца срока договора, чтобы закруглить мою службу полными 30-ю годами. <...> Было бы очень обидно сразу оказаться выбитой, как из прямой актерской, так и общественной работы. С уходом из театра пришлось бы порвать⁶ работу по делегатству женсекции, культсмычки города с деревней и культурно-просветительной»), но смогла добиться лишь статуса актрисы вне штата «на условиях разовой оплаты»⁷. Лишь в 1928 г., после неоднократных обращений профсоюзных организаций (в которых у «общественницы» Тираспольской было немало друзей), требовавших зачисления артистки в штат, администрация театра согласилась на это⁸.

¹ Тираспольская Н.Л. Жизнь актрисы. С. 275.

² Александринский театр // Бирюч петроградских государственных театров. 1918. № 1. С. 3, 8.

³ РГАЛИ. Ф. 2402. Оп. 1. Д. 102. Л. 2.

⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 354. Оп. 1. Д. 37. ЛЛ. 141 – 142.

⁵ Юрьев Ю.М. Записки. Л.; М., 1948. С. 516. Зато о нем написала Тираспольская, причем так, что С.С. Данилов, рецензировавший рукопись мемуаров актрисы, вынужден был отметить: «Никак нельзя согласиться с той тенденциозно-отрицательной характеристикой, которая дается Юрьеву как руководителю театра: “повел линию полного изъятия старых александринцев из театра” (стр. 252), Давыдов публично ему руки не подал (стр. 252) и т. д.» (ОРД СПбГМТиМИ. Ф. 220. НВМ 869/13. Л. 3; в деле раздельная пагинация). В увидевшей свет книге эти оценки несколько смягчены (Тираспольская Н.Л. Жизнь актрисы. С. 226).

⁶ Так в тексте.

⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 354. Оп. 1. Д. 37. ЛЛ. 143 – 145.

⁸ Там же. ЛЛ. 147 – 151, 165.

Когда через год сменившееся в очередной раз руководство бывшей Александринки все же отправило Тираспольскую на персональную пенсию, о чем она сама написала в неизданном «Новом введении к продолжению мемуаров»¹, вскоре подспела «чистка аппарата Гостеатров», которую Надежда Львовна радостно приветствовала («Сам по себе факт гласной чистки, гласной критики – это явление необычайное, тем более в гостеатрах, в этих, еще так недавно, кастовых учреждениях, где царил девиз: “сора из избы не выносить”». Можно ли было бы себе представить во времена господства Савиных, Давыдовых и прочих самодержцев, что вдруг любой человек актерского звания (Союза тогда не было) придет и начнет то или другое их действие критиковать, хвалить или порицать»²). Тираспольская яркими красками передала свою речь на собрании «комиссии по чистке» («на котором мне, туда случайно попавшей, пришлось даже выступить») в зрительном зале родного ей театра 20 декабря 1930 г.: «Когда на этом отчетном собрании Комиссией по чистке была названа моя фамилия, в числе несправедливо преследуемых общественников и полезных производственников, мне пришлось, взяв слово, осветить историю своего перевода на персональную пенсию. Когда же я закончила свое выступление фразой: “интересно, как отнесется теперь администрация к выявленному Комиссией факту моего несправедливого преследования со стороны некоторых представителей администрации”, я выслушала уверение в том, что вывод обо мне Комиссии без последствий не останется»³. Действительно, в результате «чистки» «многие лица из администрации подверглись разным дисциплинарным взысканиям», а Тираспольская вернулась в труппу (правда, не сразу, а только в 1935 г., после прекращения работы в Театре комедии)⁴. Более эту актрису с бывшей императорской сцены удалять не решились.

18 августа 1941 г. Тираспольская, как сотрудник Государственного академического театра драмы им. А.С. Пушкина, получила удостоверение об эвакуации вместе с театром в г. Новосибирск, причем в документе отдельно оговаривалось, что четырехкомнатная квартира в Чернышевском пере-

¹ ОРД СПбГТМиМ. Ф. 220. НВМ 869/13. Л. 2; в деле раздельная пагинация. Этот созданный в 1936 г. машинописный текст вообще примечателен неумеренными восторгами по поводу новой политической реальности. Чего стоит, к примеру, такой отрывок: «серьезным историческим явлением в жизни театра я считаю товарищеский суд над одним из артистов в январе 1931 года. Оставляя в стороне причины, вызвавшие такой суд, я останавлиюсь на факте самого суда. Гласный, показательный товарищеский суд, суд над артистом, с правом выступления на этом суде любого члена сорабиса [Союза работников искусства – П.Г.], выступления в порядке защиты, а равно и обвинения подсудимого. Перед таким судом меркнут все капиталистические суды с присяжными и без присяжных заседателей» (Там же. Л. 8).

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 7. Актриса торжествовала: «Нечасто на долю несправедливо преследуемого актера, даже и теперь, выпадает такое торжество. О чем же либо подобном в старину, при империализме, и помышлять было бы, конечно, невозможно» (Там же. Л. 8).

⁴ Там же. ЛЛ. 7 – 8.

улке (ныне ул. Ломоносова), 14 сохраняется за ней¹. В октябре 1941 г. в блокадном Ленинграде скончался, в той же квартире, ее второй муж А.А. Фабер² – по всей видимости, оставленный уже уехавшей женой. Семь лет спустя ушел из жизни Ю.М. Юрьев, которого актриса не могла «простить» в мемуарах даже в девяностопятилетнем возрасте.

Ко времени издания воспоминаний Надежды Львовны уже не осталось свидетелей, помнящих яростную борьбу не слишком талантливой артистки (от которой на протяжении десятков лет безуспешно стремились отделаться театральные руководители, от В.А. Теляковского до Юрьева и сменившего его Н.В. Петрова) за место в труппе; борьбу, в которой в ход пускалось все – приниженные обращения к министру двора В.Б. Фредериксу, ходатайства о заступничестве перед деятелями «Сорабиса», обличительные речи на собраниях «Комиссии по чистке» и, как наиболее эффектный ход – вступление в 1917 г. в состав Театральной комиссии, чтобы с помощью большевиков вернуться на сцену. Тираспольская стала живым классиком, чьи мемуары выдержали два прижизненных издания. С их страниц она обращалась к новому поколению: «От старших товарищей молодежь может получить много интересного, нужного, полезного и назидательного»³ – совет, который в свете изложения основных вех жизни и деятельности мемуаристки, представляется несколько двусмысленным.

Бажанов Д.А.

Создание и функционирование судовых комитетов на Балтике в марте – октябре 1917 г.: феномен власти

Стремительное падение монархии и ликвидация высших институтов государственной власти в февральско-мартовские дни 1917 г. привели к дискредитации в глазах рядового состава и военного управления. Осознавали это и представители офицерского состава. Об этом свидетельствует доклад от 15 марта исполнявшего обязанности верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М.В. Алексева военному министру А.И. Гучкову: «События последних дней резко изменили картину и стратегическую обстановку. Балтийский флот в данное время является небоеспособным, и трудная рассчитывать, чтобы полная боеготовность была восстановлена к началу плавания в Балтийском море... Положение затрудняется тем, что из Петрограда... по всем направлениям распускаются агитаторы, призывающие к неповиновению начальству, взывающие к солдатам об установлении выборного начала на офицерских и командных должностях... Производятся

¹ РГАЛИ. Ф. 2402. Оп. 1. Д. 102. ЛЛ. 6 – 7.

² Блокада, 1941 – 1944. Ленинград. СПб., 2006. Т. 31. С. 435.

³ Тираспольская Н.Л. Жизнь актрисы. С. 278.

аресты офицеров и начальствующих лиц, чем подрывается их авторитет...»¹. В этой связи закономерным выглядит стремление к конструированию или альтернативной системы. Это процесс в полной мере относился и к военноморскому флоту. Низшим и наиболее рано возникшим звеном стали судовые или корабельные комитеты.

Отдельные стороны деятельности этих новых органов власти уже охватывались по разным поводам в поле зрения специалистов. Наиболее ранние сведения содержатся в воспоминаниях и работах полумемуарного типа, подготовленных участниками событий. Их ценность определяется непосредственным восприятием рассматриваемых вопросов. Авторы, служившие на кораблях офицерами, однозначно восприняли комитеты как органы новой политической власти. Г.К. Граф и С.Н. Тимирев в своих работах создание комитетов поставили на первое место². Г.К. Граф, в частности, отметил, что создание комитетов стало «первой большой реформой после переворота в организации флота», посетовав далее, что «вскоре комитеты стали вмешиваться во все решительно распоряжения по кораблю... попутно [ими – Д.Б.] решался и какой-нибудь политический вопрос»³. Результаты их деятельности авторами однозначно воспринимались как шаги по развалу боевой готовности флота. Схожим образом оценивал деятельность комитетов и М.А. Петров, критиковавший их с позиции подрыва принципа единоначалия, а также из-за провоцирования матросов на недоверие по отношению к офицерскому составу⁴.

Однако уже в 30-е гг. комитеты стали игнорироваться отечественной наукой. Основной причиной следует считать смещение акцентов при рассмотрении революционных событий в сторону исключительно политической составляющей. И если в статьях А.К. Дрезена комитеты являлись доказательством торжества «выборного начала»⁵, то уже на встречах участников событий в 1933–1935 гг. о них предпочитали почти не вспоминать. Данный подход был закреплен в одном из определявших дальнейший взгляд на революцию 1917 г. трудов – «Истории гражданской войны». В томе 1, охватывающем март – октябрь 1917 г., упоминания о комитетах встречаются лишь дважды. В первом случае речь идет о них как о важнейшем последствии Приказа № 1 Петроградского Совета, способствовавшим укреплению советского влияния на полки столичного гарнизона. Во втором – в главе «Армия и флот накануне Октябрьской революции» – отмечались успехи большевизации армии, начавшиеся именно с «завоевания низовых солдатских органи-

¹ Революционное движение в русской армии в 1917 г. / Под ред. Л.С. Гапоненко. М., 1968. С. 36.

² Граф Г.К. На «Новике» (2-е издание). СПб., 1996. С. 310; Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера (2-е издание). СПб., 1998. С. 77.

³ Граф Г.К. На «Новике». С. 310 – 311.

⁴ Петров М.[А.] Балтийский флот в октябре 1917 года // Пять лет Красного Флота. 1917 – 1922. Пг., 1922. С. 25 – 37.

⁵ Дрезен А.К. Центральные матросские и офицерские организации Балтийского флота в 1917 году // Красная летопись. 1929. №3. С. 43 – 104; его же. Армия и флот в Февральской революции // Красная летопись. 1932. № 1 – 2. С. 86 – 114.

заций». Это привело к тому, что «полковые, ротные и другие комитеты, отражавшие настроения масс, постепенно оказывались на их стороне»¹. Таким образом, комитеты представлялись на определенном этапе революции как средство политической борьбы партии большевиков и классовый борьбы рядовых против командного состава. Сводя их роль к названным аспектам, советские исследователи оставляли их функционирование, вопрос их авторитетности для экипажей вне поля своего внимания. Данные особенности характерны для работ П.З. Сивкова², А.В. Богданова³, М.А. Столяренко⁴ и П.А. Голуба⁵.

Вопросы создания и первых шагов комитетов рассмотрел в своем исследовании В.И. Миллер⁶. Однако и для него они остались лишь началом политического процесса борьбы за вооруженные силы. К тому же хронологически монография В.И. Миллера ограничена, в основном, первым революционным месяцем.

Некоторое внимание деятельности судовых комитетов уделит в своей работе и Н. Саул (N. Saul). Но он, скорее, рассматривал их как «передаточное звено», вставшее в ходе революционного процесса между офицерами и нижними чинами⁷. Тем самым, Н. Саул подошел к этому вопросу в традициях русских мемуаристов-эмигрантов.

В 1990-е гг. процессы создания комитетов рассматривались исследователями как часть сложной системы органов революционной власти. Именно в таком качестве рассматривались их связи с Советами⁸. В ряде работ были предприняты попытки показать самостоятельное значение комитетов⁹. Таким образом, целью данной статьи является рассмотрение процесса становления судовых комитетов как института власти, позволяющего понять особенности ее конструирования в условиях трансформаций революционного периода.

Организация судовых комитетов протекала на Балтике неодинаково, что объясняется спецификой ликвидации царской администрации. Можно выделить несколько способов. Первым из них было избрание судовых деле-

¹ История Гражданской войны в СССР. М., 1935. Т. 1. С. 79, 255.

² Сивков П.З. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов. М., 1946.

³ Богданов А.В. Моряки-балтийцы в 1917 году. М., 1955.

⁴ Столяренко М.А. Сыны партии-балтийцы. Л., 1969.

⁵ Голуб П.А. Партия, армия и революция. Отвоение партий большевиков армии на сторону революции. М., 1967.

⁶ Миллер В.И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 году (возникновение и начальный период деятельности). М., 1974.

⁷ Saul N. Sailors in Revolt. The Russian Baltic Fleet in 1917. Lawrence, Kansas, 1978.

⁸ Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март – октябрь). Петрозаводск, 1992; Гордеев П.Н. Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте – октябре 1917 года: Дис. ... к. ист. н. СПб., 2007.

⁹ Бажанов Д.А. Щит Петрограда. Служебные будни балтийских дредноутов в 1914 – 1917 гг. СПб., 2007; его же. Судовые комитеты как институт власти весной – осенью 1917 г. (на материалах 1-й бригады линейных кораблей Балтийского флота) // Известия Уральского государственного университета. Серия 1 «Проблемы образования, науки и культуры». 2010. № 6 (85). Ч. 2. С. 300 – 308.

готов параллельно или раньше появления выборных органов управления. Этим путем шло образование комитетов на кораблях, стоявших в Гельсингфорсе. В столице Великого княжества Финляндского важным событием, способствовавшим созданию выборных судовых организаций следует считать собрание представителей экипажей, созванное командующим флотом вице-адмиралом А.И. Непениным, судя по воспоминаниям очевидцев, между 20 и 21 ч.¹ Было предложено избрать по два представителя от корабля и направить их на штабной корабль «Кречет». После этого на отдельных кораблях экипажи избрали первые комитеты. В частности, речь идет о линейном корабле «Гангут», где моряков к этому поощрил командир, капитан I ранга П.П. Палецкий². К утру 4 марта комитеты были созданы на линкорах 1-й и 2-й бригад, крейсере «Диана».

Менее радикально создание комитетов проходило в базах, располагавшихся на южном побережье Финского залива – Ревеле и Моонзунде. Там комитеты стали создаваться после появления революционной власти. Так, в Ревеле 3 марта на учебном судне «Петр Великий» было создано Общее собрание судовых делегатов. На нем председательствовали прибывший комиссаром Временного комитета Государственной думы (ВКГД) И.Т. Евсеев, а также и старшие по должностям военно-морские начальники, контр-адмирал В.К. Пилкин и контр-адмирал Д.Н. Вердеревский. Результатом деятельности собрания стало принятие декларации о доверии Временному правительству, а также намечен план дальнейших изменений жизни военных моряков³. Для решения текущих вопросов был создан исполнительный орган – Местный флотский комитет и лишь затем началось формирование аналогичных организаций на кораблях, базировавшихся в Ревеле. 8 марта комитет появился на минном заградителе «Волга», 12 – на крейсере «Баян», а 15 – на крейсере «Богатырь»⁴. 7 марта депутат Думы И.Т. Евсеев и представители Общего собрания судовых делегатов унтер-офицеры Фрунтов и Тютчев, а также инженер-механик лейтенант Цируль прибыли к месту стоянки основных сил обороны Рижского залива – линейного корабля «Цесаревич» и крейсера «Адмирал Макаров». Тогда же на общем собрании экипажей началось выдвижение делегатов в комитеты этих кораблей⁵.

В Кронштадте ситуация обстояла схожим образом. После кровопролития, утром 1 марта был избран координирующий действия гарнизона орган, вошедший в историю как Комитет движения, уже к вечеру ставший высшим органом революционной власти. Через два дня выделенный из его состава Совет десяти в присутствии назначенного комиссаром ВКГД и Временного правительства В.Н. Пепеляева принял проект организации гарнизона, одобренный в тот же день постановлением Собрания представителей гарнизона

¹ РГАВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 3 об; Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 40.

² Иванов Д.И. Я – матрос «Гангута»! М., 1987. С. 78.

³ РГАВМФ. Ф. р-207. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; Николаев А.Б. Думские комиссары в русской армии (февраль – март 1917 года) // Новый часовой. 1996. № 4. С. 72 – 83.

⁴ РГАВМФ. Ф. р-596. Оп. 1. Д. 78. Л. 1 об; Ф. р-207. Оп. 1. Д. 1. Л. 55; Ф. р-212. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. С.77.

⁵ РГАВМФ. Ф. 556. Оп. 1. Д. 149. ЛЛ. 1 – 1 об.

Кронштадтской крепости¹. В п. 1 было указано, что «для устройства внутреннего быта отдельных частей каждая часть избирает комитет части»². В тот же день стали создаваться комитеты в экипажах и учебных командах, а также и на кораблях, стоявших в Кронштадте. Процесс этот, по-видимому, растянулся до 5 марта, на что наводит наиболее раннее постановление комитета линейного корабля «Император Александр II», датированное этим днем³.

Процедура выборов в судовые организации кораблей, находившихся в различных портах базирования, в первые дни существования отличалась. Это было связано с отсутствием координации действий в этом вопросе. Однако во второй половине месяца ситуация стала меняться. Полагаем, что объединяющую роль сыграла деятельность так называемого Соединенного комитета 2-й бригады линейных кораблей. Его заседания проходили с 11 по 18 марта поочередно на линкорах бригады, стоявших в Гельсингфорсе. На втором заседании, проходившем 14 марта, был выработан и принято «Положение о судовых комитетах» единый порядок выборов в комитеты: каждую роту представляли 2 человека, число выборных от офицеров также составляло столько же. На флагманских кораблях еще один депутат выдвигался от штаба соединения. Члены комитета выбирались сроком на два месяца. В случае недовольства действиями своего депутата рота могла его переизбрать, но не ранее чем через месяц. Отказаться от избрания мог лишь тот, кто пробыл членом комитета 6 месяцев без перерыва, т.е. проходил выборы три раза подряд⁴. Дополнительную авторитетность придавало этому «Положению» и утверждение его в конце марта матросскими делегатами Гельсингфорского совета⁵. 16 марта на втором заседании делегатов штабного корабля «Кречет» было предложено «приветствовать Соединенный комитет 2 бригады линейных кораблей, выразить готовность идти навстречу их благим пожеланиям и полную солидарность по всем пунктам заседаниям 14 марта»⁶. Именно в соответствии с «Положением» 21 марта на общем собрании команды довыборы офицеров в комитет были произведены на «Цесаревиче» («Гражданине») ⁷. Наконец, в апреле соответствующие пере выборы производились на кораблях в Ревеле: 8 апреля – на минном заградителе «Волга», 15

¹ Гордеев П.Н. Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте – октябре 1917 года. С. 122 – 123. См. о назначении В.Н. Пепеляева подробн.: Там же. С. 133 – 138, 143 – 144; Николаев А.Б. Думские комиссары в русской армии (февраль – март 1917 года). С. 76; его же. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 384 – 387.

² Цит. по: Гордеев П.Н. Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте – октябре 1917 года. С. 145.

³ РГАВМФ. Ф. 554. Оп. 1. Д. 127. Л. 1.

⁴ Там же. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 102. ЛЛ. 5 – 9.

⁵ Протокол № 12 заседания Исполнительного комитета Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта от 18 марта // Известия Гельсингфорского Совета армии, флота и рабочих. 1917. 24 марта.

⁶ РГАВМФ. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 106. Л. 1.

⁷ Там же. Ф. 556. Оп. 1. Д. 149. Л. 2 об.

– на «Баяне»¹. Судя по отметке в протоколе заседания судовой организации «Волги», распоряжение «поротных выборах» исходило из МФК. К этой схеме пришли в те же сроки и Кронштадте. Так, на «Императоре Александре II» («Заря Свободы») «довыборы и перевыборы» состоялись 13 апреля с той разницей, что представителя от командного состава также предлагал экипаж. Им стал избранный 2 марта командир корабля лейтенант А.А. Кондра-тьев².

В то же время нужно отметить, что эти принципы не соблюдались дословно в экипажах небольших боевых кораблей (миноносцев, подводных лодок), а также транспортов.

Важной вехой, способствовавшей оформлению судовых комитетов, стал I съезд моряков Балтийского флота, проходивший 25 мая – 15 июня в Гельсингфорсе. 8 июня структура и полномочия комитетов всех уровней были подтверждены в «Положении о корабельных комитетах», утвержденным съездом на основании проекта, подготовленного Центробалта³. Оно, в свою очередь, повторяло пункты о выборах и сроках деятельности комитетов, сформулированные в постановлении 14 марта. Тем самым, окончательно закреплялся принцип выборов по ротам, по два представителя от каждой, а также делегировалось право представлять командный состав одному из офицеров. Единственное изменение касалось статуса избираемых. Набравший большее количество голосов становился депутатом, тот, кто шел за ним – кандидатом. На практике это означало наличие у него лишь права совещательного голоса. В то же время, этот пункт не всеми экипажами понимался одинаково. Например, на линкорах-дредноутах, крейсере «Баян» в период летних и осенних перевыборов в комитеты делегировали по 2 депутата и два кандидата.

Все это дает понимание причин количественного роста членов судовых организаций. Так, на линкоре «Севастополь» судовой комитет II (апрельского) созыва насчитывал 25 человек, III (июньского) и IV (сентябрьского) – 42 человека⁴. Схожим образом дела обстояли на «Кречете», где после выборов 16 марта насчитывалось 12 депутатов, а после выборов 12 июня – 22⁵. Практические аналогичные цифры фиксируются и на крейсере «Баян»: 10 делегатов в марте – апреле и 20 – после перевыборов в июне и сентябре⁶. При этом фактор географического расположения не играл значения, т.к. в одних и тех же базах могли быть комитеты, которые не подвергались таким изменениям. Например, на минном заградителе «Волга» с марта по июль в комитет входило 6 депутатов, а после выборов 3 октября – 9, что может объясняться

¹ Там же. Ф. р-596. Оп. 1. Д. 78. Л. 14; Ф. р-207. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

² Там же. Ф. 554. Оп. 1. Д. 127. Л. 22.

³ Там же. Ф. 479. Оп. 2. Д. 1050. ЛЛ. 681 – 682.

⁴ Там же. Ф. 878. Оп. 1. Д. 151. ЛЛ. 74 – 75, 122 об. – 123.

⁵ Там же. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 106. Л. 38.

⁶ Там же. Ф. р-207. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 5, 12, 18, 46, 86.

некоторым усложнением его структуры. На транспортах численность делегатов на протяжении всего периода оставалась неизменной – 5 человек¹.

Кто же попал в органы самоуправления экипажей? Сразу же нужно отметить, что далеко не во всех дошедших протоколах в списках делегатов указывались их должности. Практически они встретились и в телеграммах-резолюциях. Поэтому рассмотрение этого вопроса производилось по данным, обнаруженным о комитетах «Цесаревича», отчасти «Баяна», «Богатыря», «Кречета». Несмотря на некоторую «мозаичность», подсчеты позволяют выявить определенные тенденции, характерные для всего изучаемого периода. Наибольшую группу составляли, что неудивительно, рядовые – матросы и специалисты. На «Кречете», например, 16 марта из 12 депутатов пятеро относились к этой группе (более 41 %). После июньских выборов соотношение стало еще больше. Из 22 представителей экипажа, попавших в комитет (11 депутатов и 11 кандидатов) матросами были 12 (более 54 %)². Определенным исключением выглядит крейсер «Богатырь», где в первом составе судовой организации из 10 депутатов матросами являлись лишь двое. Однако уже к июню их количество возросло до двух третей (10 из 15)³. На линейном корабле «Гражданин» полностью удалось реконструировать составы комитетов III (июльского) и IV (октябрьского) составов. После выборов 28 июля из 12 делегатов (6 депутатов и 6 кандидатов) рядовыми являлись 7, т.е. более 58 %. После выборов 24 октября их количество выросло до 81 % (13 из 16)⁴. На крейсере «Баян» наблюдалась аналогичная тенденция. После выборов 6 июня из 20 представителей (10 депутатов и 10 кандидатов) матросов насчитывалось 40 % (3 и 5), а после 8 сентября – 55 % (5 и 6)⁵.

Что касается унтер-офицеров, то их количество также постепенно сокращалось. Наибольшее количество представителей данной группы относится, без сомнения, к судовой организации «Богатыря» в марте – июне 1917 г., где их насчитывалось более 45 % (5 из 11). На «Кречете», как и на «Императоре Александре II», к этой группе относилось треть депутатов⁶. В то же время вплоть до июня именно унтер-офицеры занимали руководящие должности. Председателем комитета «Кречета» являлся сигнальный унтер-офицер П. Синкевич (Сенкевич), организацией «Зари Свободы» руководил строевой унтер-офицер И. Загвоздкин, крейсера «Богатырь» – машинный унтер-офицер В. Аникин. Это явление объясняется тем, что к началу революционных событий унтер-офицеры являлись естественными вожаками для рядовых: они имели опыт управления, они не были связаны с традиционным командным составом, имели опыт отстаивания своих интересов, что проявлялось при дисциплинарных конфликтах в годы войны. Полагаем, таким образом, что Февральская революция стала именно «унтер-офицерской». В

¹ Там же. Ф. р-596. Оп. 1. Д. 78. ЛЛ. 21, 34, 42 об; Ф. 728. Оп. 1. Д. 6. ЛЛ. 1, 4, 9 об., 15 – 16; Ф. 278. Оп. 1. Д. 12. ЛЛ. 2, 14.

² Там же. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 106. ЛЛ. 1 – 2, 38.

³ Там же. Ф. р-212. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 1, 40.

⁴ Там же. Ф. 556. Оп. 1. Д. 148. Л. 22; Д. 149. Л. 20.

⁵ Там же. Ф. р-207. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 46, 86.

⁶ Там же. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 106. ЛЛ. 1 – 2, 38.

летние месяцы, однако, их позиции ослабели. Если на крейсере «Баян» унтер-офицеры представляли ту же треть делегатов (6 из 20), то на штабном корабле «Кречет» и на «Гражданине» на их долю пришлось уже около 25 % мест (6 из 22 и 3 из 12 соответственно). В сентябре – октябре на «Баяне» количество представителей этой группы сократилось до 25%, а на «Гражданине» – до 18 %¹.

Офицерское представительство в комитетах с самого начала было ограничено 1 – 2 представителями. В то же время можно с уверенностью говорить о довольно значительном влиянии в весенние месяцы офицеров на дела комитетов. На линкоре «Гангут» лейтенант Г.И. Комаров являлся товарищем председателя, а мичман А.В. Тарановский – секретарем судового комитета. На «Севастополе» инженер-механик капитан II ранга И.П. Иерхо на нескольких заседаниях исполнял обязанности председателя, а с 30 марта им стал инженер-механик мичман В.Н. Соколов². На крейсерах, стоявших в Ревеле, офицеры также играли руководящие роли, причем значительно дольше. Так, на «Баяне» первым председателем судовой организации был старший офицер капитан II ранга Б.Д. Коссаковский, на заседаниях его неоднократно заменял лейтенант К.С. Ухов. После июньских выборов комитет возглавил лейтенант В.И. Перетерский, причем кроме него в состав вошло еще три офицера (1 депутат – лейтенант К.С. Ухов и 2 кандидата). Лишь по итогам сентябрьских выборов количество офицеров сократилось вдвое, никаких руководящих должностей они не имели. На крейсере «Богатырь» в марте – июне офицеры играли также достаточно заметную роль. В комитет I состава вошли 2 офицера, один из них – мичман Н.Н. Врангель – стал товарищем председателя. После перевыборов эту же должность занял другой офицер – мичман Д.И. Вонградский³. Однако уже летом подобная ситуация составляет, скорее, исключение. На каких-то кораблях («Кречет», «Гражданин») избранные представители командного состава играют незаметную роль, а на линейных кораблях, стоявших в Гельсингфорсе офицеров и в списках комитетов не видно.

Тем самым, к осени 1917 г. стало происходить «тяготение» к превращению судовых органов самоуправления в матросские. Возможно, это объясняется накоплением опыта административной работы у представителей этой группы.

Вообще, существенной чертой работы большинства комитетов стало постепенное увеличение количества делегатов, избравшихся повторно, т.е. становившихся своего рода «профессиональными комитетчиками». Например, на линейном корабле «Севастополь» этот процесс выглядел следующим образом. Уже к июню в списках комитета этого корабля отмечены 5 делегатов, избранных повторно: матросы I статьи А. Гаврон, Г. Бобров, М. Жуков, гальванер П. Перепелкин и марсовый П. Данилов. 2 человека – матрос I ста-

¹ Там же. Л. 38; Ф. р-207. Оп. 1. Д. 1. Л. 46, 86; Ф. 556. Оп. 1. Д. 148. Л. 22; Д. 149. Л. 20.

² Там же. Ф. 878. Оп. 1. Д. 151. ЛЛ. 25, 39; Ф. 751. Оп.1. Д. 94. Л. 496.

³ Там же. Ф. р-207. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 34, 46, 55, 59; Ф. р-212. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 1, 40, 49.

ты А. Абачин и электрик Н. Манчак – стали делегатами в третий раз. Кроме того, матросов А. Зубкова и Е. Дмитриева, бывших членов комитета апрельского созыва, экипаж избрал кандидатами в июне¹. По результатам выборов в сентябре 1 делегат, матрос 1 статьи В. Котаков стал им повторно, двое: унтер-офицер С. Товпеко и матрос 1 статьи М. Полуянов избирались так же во второй раз, но с перерывом – они были членами комитета с 18 апреля по 28 июня. Еще трое являлись до этого кандидатами (матросы 1 статьи П. Казачков, И. Кривошеин и К. Половин). Председателем судовой организации «Севастополя» стал уже третий раз избранный П. Перепелкин. Среди кандидатов четверо (унтер-офицер Е. Жеребцов, матросы 1 статьи И. Яшкин, Г. Антуфьев и В. Родионов) становились ими во второй раз подряд и двое (унтер-офицер С. Ручкин и матрос 1 статьи М. Жуков) являлись до этого судовыми делегатами. Жуков – 3 раза². Всего из 42 членов судового комитета 13 выполняли схожие функции ранее. Это составляет примерно 31 %.

Процессы складывания такой своеобразной «управленческой» группы были присущи и другим органам революционной власти. Так, советский исследователь истории Центрального комитета Балтийского флота, анализируя изменения состава ЦКБФ IV (октябрьского) созыва, пришел к выводу, что «более 70 % его членов входили в прежние составы комитета (1-го, 2-го, 3-го созывов)»³. Полагаем, наличие подобных «элит», различных по характеру своей деятельности и предопределило поворот во взаимоотношениях комитетов и центральных органов революционного самоуправления военных моряков, произошедший после подавления корниловского выступления.

К этому времени комитеты стали в глазах экипажей полноценными органами власти на кораблях со всеми признаками легитимности, как внешней, вроде принципов делопроизводства или печатей и штампов, так «внутренней», т.е. признания за ними права распоряжаться многими сферами жизни экипажа. При этом основными направлениями деятельности стали хозяйственно-экономическая, а также и дисциплинарная. Полагаем, существовала внутренняя связь между успешностью реализации этих направлений. Она выражалась в том, что пока комитет справлялся с вопросами снабжения команды, контролировал и распределял поставленные под контроль «экономические» и «харчевые» суммы, команда безоговорочно признавала за ним право налагать взыскания. В то же время вопросы, связанные со свободной политической обстановкой изначально в сферу деятельности комитетов не входили, выносясь на общие собрания. Центральные органы революционной власти, в деятельности которых участвовали военные моряки (Советы, ЦКБФ) уже летом обсуждали именно вопросы политические. Поэтому, когда 30 августа собрание представителей комитетов при участии делегатов Центробалта приняло резолюцию «об усилении мер предосторожности», поначалу вопросов это не вызвало. В ней говорилось, что «вся корреспонденция, поступающая на корабль, должна направляться дежурному делегату,

¹ Там же. Ф. 878. Оп. 1. Д. 151. ЛЛ. 122 об. – 123.

² Там же. Д. 148. ЛЛ. 74 об. – 75, 122 об. – 123.

³ Блинов А.М. Центробалт // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 37.

который в свою очередь должен направить по назначению все письма и другое, а пакеты на имя командира отправлять председателю комитета, в присутствии которого они должны вскрываться»¹. Несмотря на то, что 1 сентября приказом А.Ф. Керенского данные меры в армии и на флоте отменялись, практически он соблюдался не везде². На деле зачастую получалось так, что командиры кораблей получали пакеты и письма уже распечатанными. Так, 11 сентября начальник 1-й бригады линейных кораблей контр-адмирал С.В. Зарубаев сообщил А.В. Развозову, что «несмотря на мои приказания контроль на линкорах продолжается, секретные пакеты приносятся командиру открытыми»³. Однако эту самостоятельность Центробалт фактически подавил после передачи ему права на II съезде моряков Балтийского флота (25 сентября – 5 октября) права назначать своих комиссаров на кораблях⁴.

Комиссары приобрели широкие возможности вмешиваться в жизнь на кораблях, причем не только в политическую. Они могли принимать участие во всех заседаниях судовых комитетов, визировали своей подписью все постановления и резолюции, как это было, например, на «Севастополе»⁵. Комитеты в этих условиях, по-видимому, явно сопротивление не оказывали. Почему? Вероятно, важной причиной было как раз стремление начавших складываться групп «комитетчиков» сохранить то, что они имели и так – определенное положение, уважение среди экипажа. В случае несогласия конфликт мог принести к нежелательному результату. Так, на линейном корабле «Севастополь» определенные сложности во взаимоотношениях возникли у комиссара с членом комитета июньского созыва А. Баровым, который являлся к тому же и депутатом Гельсингфорского Совета. В ходе перевыборов 21 сентября, на проведенном по инициативе комиссара Я. Мохова общем собрании А. Барову, обвиненному в краже сахара, было запрещено баллотироваться⁶. В то же время, отношение к комитетам как к органам хозяйственной деятельности со стороны команд также не могло не влиять слабостью их политического влияния.

Таким образом, судовые комитеты на кораблях Балтийского флота демонстрируют яркий пример феномена власти в условиях революционных катаклизмов. Зародившись в дни крушения одной системы управления и зарождения другой, они сами могли претендовать на превращение в институт политической системы. На их стороне было то обстоятельство, что создавались они в условиях несформированности власти, сами зачастую участвуя в ее конструировании (пример Гельсингфорса). Относительно успешная деятельность в области организации снабжения команд всем необходимым, предоставление рядовому составу возможности увеличить свои доходы за счет перераспределения экономических сумм привели к серьезной

¹ РГАВМФ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 151. Л. 6; Иванов Д.И. Я – матрос «Гангута!» С. 114.

² Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. М., 1971. С. 377.

³ РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 878. Л. 3.

⁴ Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет. С. 131.

⁵ РГАВМФ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 151. ЛЛ. 11 – 29.

⁶ Там же. Л. 23.

поддержке этих организаций. За счет этого произошло падение авторитета представителей командного состава и утрата влияния на основную часть команды. Отдельные попытки сотрудничества были сведены на нет за исключением отдельных кораблей уже летом 1917 г. Расширение полномочий комитетов в дни подавления корниловщины могли превратить их в полных хозяев кораблей. Однако превратиться в основной орган власти на Балтике они не сумели, попав в зависимость от распоряжений комиссаров, направляемых Центробалтом. Основными причинами следует считать различную природу формирования групп депутатов ЦКБФ и комитетов, а также отношение команд к судовым организациям как органам низшего звена, а, значит, предназначенным для решения хозяйственно-бытовых вопросов.

Козлова Е.А.

Местный флотский комитет города Ревеля: создание и начало функционирования (март – апрель 1917 г.)

Революционные события февраля – марта 1917 г. вызвали перестройку власти, в том числе настоящую волну самоуправления во всех сферах жизни. Армия и флот не осталась в стороне от происходящих событий. В течение марта-апреля на Балтийском флоте появилась сеть объединенных комитетов, действовавших в масштабе бригад, отрядов, дивизионов и других флотских соединений. Почти одновременно в ряде баз возникли местные флотские комитеты.

28 февраля в Ревель стали поступать известия о событиях в Петрограде. Комендант крепости Императора Петра Великого вице-адмирал А.М. Герасимов издал приказ, требующий от горожан спокойствия и предписывающий старшему морскому начальнику, начальнику 1-й бригады крейсеров контр-адмиралу В.К. Пилкину не отпускать матросов на берег¹. Подобные распоряжения имели место и на других военно-морских базах Балтийского флота. Боясь неповиновения, вице-адмирал А.И. Непенин в тот же день перевел корабли, стоявшие на рейде в Гельсингфорсе, в боевую готовность².

1 марта волна демонстраций захватила город, забастовали рабочие Ревельского судостроительного завода³. Утром 2 марта к рабочим присоединились матросы⁴, в этот день забастовка на предприятиях стала

¹ Саат И.М. Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии. Таллин, 1977. С. 39 – 40.

² Бажанов Д.А. Щит Петрограда: служебные будни балтийских дредноутов в 1914 – 1917 гг. СПб., 2007. С. 100 – 101.

³ Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии. Сборник документов и материалов. Таллин, 1957. С. 20.

⁴ Балтийские военные моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. Р.Н. Мордвинова. М.: Л., 1957. С. 25.

всеобщей. Утром того же дня была получена телеграмма А.И. Непенина, что Исполнительный комитет Государственной думы «требуем полного подчинения, восстановления порядка и поддержания дисциплины»¹. А.И. Герасимов отправил телеграмму на имя М.В. Родзянко с просьбой срочно прислать депутатов Государственной думы в Ревель, для восстановления порядка в городе². К вечеру ситуация ухудшилась. А.И. Непенин в своей телеграмме в Морской штаб Верховного главнокомандующего о положении на флоте доносил, что с трудом удерживает его в повиновении. Ситуация в Ревеле была им охарактеризована как «критическая»³. В телеграмме председателю Временного комитета Государственной думы командующий флотом просил «сегодня же экстренно выслать в Ревель членов г.д. [Государственной думы – Е.К.] для убеждения рабочих и народа <...> сообщить мне и коменданту крепости кто прибудет, чтобы еще до прибытия этого лица можно было бы оповестить население»⁴.

К этому времени существовал положительный опыт привлечения думцев для поддержания и восстановления порядка, как в столице, так и на местах⁵. В Ревель были направлены три депутата: И.Т. Евсеев, И.Н. Маньков, Н.И. Родзевич⁶. Наибольшую активность в формировании новой революционной власти и создание МФК в Ревеле проявили И.Т. Евсеев и И.Н. Маньков. Н.И. Родзевич остался в стороне от происходящих событий, его имя не значится в постановлениях, протоколах заседаний и приказах МФК.

К вечеру 2 марта положение в Ревеле начало стабилизироваться. Был создан так называемый Обывательский комитет. В ночь на 3 марта он объявил о начале набора желающих в милицию⁷, что помогло несколько успокоить толпу. В этот же день в присутствии членов комиссаров Временного комитета Государственной думы И.Н. Манькова и И.Т. Евсева был организован Совет рабочих и воинских депутатов города Ревеля⁸.

Контр-адмирал В.К. Пилкин 3 марта в связи с напряженной обстановкой в городе, беря на себя ответственность, провел собрание флагманов, капитанов и офицеров в присутствии члена Государственной думы И.Н. Манькова и нижних чинов. Именно тогда была создана организация выборных от команд⁹.

¹ РГА ВМФ. Ф. р-100. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.

² Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб, 2005. С. 396 – 397.

³ Балтийские военные моряки. С. 25.

⁴ РГА ВМФ. Ф. р-100. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

⁵ См. подробн.: Николаев А.Б. Революция и власть. С. 312 – 400; его же. Думские комиссары в русской армии (февраль – март 1917 года) // Новый часовой. 1996. № 4. С. 72 – 83.

⁶ Николаев А.Б. Думские комиссары в русской армии (февраль – март 1917 года). С. 77, 79 – 80.

⁷ РГА ВМФ. Ф. р-100. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

⁸ См. подробн.: Саат И.М. Указ. соч. С. 45 – 47, 63 – 67.

⁹ РГА ВМФ. Ф. р-100. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 53 – 54.

В тот же день собрание представителей флотских команд, береговых команд и офицеров порта и крепости «Петра Великого» в Ревеле под председательством И.Т. Евсеева выпустило резолюцию¹, о выражении доверия Временному правительству, а также наметило план дальнейших действий.

4 марта, не дожидаясь утверждения в законном порядке, приказом № 252 начальника 1-й бригады крейсеров Балтийского моря и начальника дивизии подводных лодок Балтийского моря были утверждены большинство пунктов принятой накануне резолюции². К ним относились отмена воинского приветствия; право участия в судах в равном количестве с офицерами; возможность беспрепятственно выбывать на берег в любое время (если кораблю не предстоит дежурства или похода) с уведомления о том на корабле. Возможность оставить за собой обмундирование при увольнении в запас. Отмена наложенных по настоящее время дисциплинарных взысканий, а также пересмотр наложенных по суду³. Было разрешено курение на улицах и титулование командой офицеров по образцу союзных флотов⁴. Тем самым, фактически командам в Ревеле были предоставлены права, оговаривавшиеся Приказом № 1 Петроградского Совета.

Отметим и те пункты, которые Собрание представителей флотских команд оставили на рассмотрение Временного правительства. В основном они касались увеличения жалования, сокращения срока службы и пересмотра морских законов. Среди требований особо выделяется п. 7, предусматривавший необязательность формы во время работ на корабле⁵.

На следующий день, 5 марта, на учебном судне «Петр Великий» состоялось общее собрание избранных делегатов кораблей, базировавшихся в Ревеле. Именно там было предложено и единогласно принято учреждение Местного флотского комитета. Он должен был состоять из 10 человек: 8 матросов и 2 офицеров. Также дополнительно к ним выбирались 3 кандидата с правом совещательного голоса⁶. Именно Местный флотский комитет и должен был заняться решением всех назревших текущих вопросов, частично оглашенных ранее в резолюции от 3 марта.

Датой начала функционирования Местного флотского комитета является 6 марта. В телефонограмме от 7 марта за подписью МФК и контр-адмирала В.К. Пилкина с пометкой «всем», сообщалось, что МФК «непрерывно заседает на “Петре Великом” и вырабатывает порядок корабельной и береговой службы»⁷. Там же говорилось о том, что «впредь никаких сигналов кроме чисто военных подниматься не будет, <...> увольнение команд производить сообразуясь с работами». Распоряжение

¹ Там же. Д. 5. Л. 19.

² Там же. Л. 16.

³ Там же. ЛЛ. 16, 16 об.

⁴ Там же. Д.3. Л. 53.

⁵ Там же. Д. 5. Л. 16.

⁶ Там же. Ф. р-1716. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁷ Там же. Ф. р-100. Оп. 1. Д. 5. Л. 68.

должно было соблюдаться вплоть до образования ротных комитетов в каждой флотской части¹.

С первых часов работы Комитет предпринял шаги, направленные на восстановление порядка службы. Было выпущено воззвание, призывавшее не выносить решения об увольнении «нежелательных членов (как офицеров, так и матросов)» до той поры, пока не будет выработаны способы проведения подобных процедур. Личному составу также напоминали, что вопросы комплектации был решен на Общем собрании флотских депутатов под председательством члена Государственной думы И.Т. Евсеева. Было решено оставить эту прерогативу исключительно за командующим флотом. Лишь в редких случаях подобные вопросы направлять в МФК².

С 7 по 9 марта МФК выпустил четыре приказа. Первый приказ от 7 марта непосредственно озаменовал создание комитета. Приказ № 2 ввел форму удостоверения для всех флотских частей города Ревеля³.

Третий приказ от 8 марта координировал последующее создание судовых и ротных комитетов. Согласно ему, в ведение судовых и ротных комитетов входит обсуждение всех «недоразумений и недоумений» возникших в среде команд, наказание за проступки. Им вменялось выработать «распорядок жизни на кораблях и разных береговых частях применительно к местным частным условиям»⁴. Детально описывалась процедура выборов в судовые и ротные комитеты. Подчеркивалось, что они должны были происходить «на основании всеобщего, прямого и тайного голосования»⁵. Однако отмечалось, что способ выборов может быть изменен по желанию производящих выборы. Минимальное количество выборных должно было составлять 4 от матросов и один депутат от офицеров, при этом для выборов офицеров устанавливался особый порядок. Команда сама выдвигала несколько кандидатов от офицеров, из числа которых офицеры выбирали своего представителя⁶.

Приказ № 4, опубликованный 9 марта, в большинстве своем повторял резолюцию от 3 марта, выработанную на Общем собрании делегатов флота, правда, несколько переработанную и дополненную примечаниями⁷. Особое внимание уделялось увольнению команд на берег, передаче организации кормления в руки экипажа⁸. Первые четыре приказа МФК были отпечатаны в типографии.

Однако Общее собрание флотских депутатов, собравшееся 13 марта на учебном судне «Петр Великий», выпустило следующее ограничивавшее полномочия МФК распоряжение: «Признавая состав Местного флотского комитета в том виде, как он был выбран и выражая ему доверие в этой

¹ Там же.

² Там же. Л. 75.

³ Там же. Ф.р-1716. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

⁴ Там же. Ф. р-100. Оп. 1. Д. 3. Л. 21; Ф. р-1716. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Ф. р-100. Оп. 1. Д. 5. ЛЛ. 25, 26.

⁸ Там же. Л. 26.

полезной работе – Общее собрание депутатов флота обращает внимание комитета на необходимость в бедующее время утверждением Общим собранием депутатов флота всех постановлений Местного флотского комитета, без чего эти постановления не могут иметь законной силы»¹. Утверждался только приказ № 2, выработавший удостоверение личности².

Общее собрание депутатов флота 15 марта внесло поправки в первые приказы МФК³. Главным образом, они касались наказаний за проступки по службе, которые налагались как судовыми (ротными) комитетами, так и начальниками по соглашению с судовыми (ротными) комитетами. Все приказание начальников и старших по службе должны были исполнять беспрекословно, в случае несоблюдения этого предписания; такие дела отдаются на обсуждение судовым (ротным) комитетам, при возникновении инцидента на берегу их должен был решать МФК⁴. МФК должен был решать все недоразумения команды с командирами⁵.

Последующие мартовские дни приказы, изданные с участием МФК, имели следующую шапку: «Приказ по морским силам в Ревеле. По соглашению с Местным флотским комитетом предписывается...». Тем самым, Общее собрание делегатов флота демонстрировало свое верховенство, оставляя, по сути, МФК лишь исполнительные полномочия. Таким образом, в марте вышли распоряжения о закрашивании центральной части кокарды в красный цвет⁶, и об увольнении команд в кратковременные отпуска в количестве не превышающем 10 %⁷.

К концу марта МФК набирает силу. Начинают выходить постановления со следующей шапкой: «Постановление. Местный флотский комитет...»⁸. 11 апреля МФК без консультаций с Общим собранием расширил свой состав, дополнив его 7 матросами и 1 офицером. Представители почти от каждого корабля 1-ой бригады крейсеров присутствовали в комитете. Заседал МФК по-прежнему на учебном судне «Петр Великий»⁹.

Из изученных документов можно сделать вывод, что выборный орган от флота в Ревеле формируются сразу же вслед за созданием городского Совета рабочих и воинских депутатов, хотя развивается, несомненно, медленнее. МФК понадобился месяц, чтобы окрепнуть и начать действовать самостоятельно. Огромную роль в столь раннем возникновении сыграли представители Государственной думы, в лице И.Т. Евсеева и И.Н. Манькова, и быстрое реагирование на происходящее командного состава крепости «Петр Великий», в лице контр-адмирала В.К. Пилкина и Д.М. Вердеревского. Как представляется, он носил функции органа

¹ Там же. Л.38.

² Там же.

³ Там же. Ф. р-1716. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 5 – 6.

⁴ Там же. Ф. р-100. Оп. 1. Д. 5. ЛЛ. 40, 41.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 22.

⁷ Там же. Л. 23.

⁸ Там же. Л. 43.

⁹ Там же. Л. 53.

исполнительной власти Общего собрания делегатов флота, но довольно быстро забрал себе право решать основные вопросы, регулировавшие жизнь военных моряков Ревеля.

Дубровская Е.Ю.

*Российские военные в Финляндии и Февральская революция
1917 года*

Во время Первой мировой войны и революционных потрясений 1917 года у солдат, матросов и офицеров, служивших в Финляндии, на северо-западном рубеже Российского государства, формировался образ внутреннего врага и психология гражданской войны, которая, начиная с августа 1914 г., на долгие годы предопределила образ жизни и образ мыслей самых различных слоев российского общества¹. Поиск врага перемещался извне внутрь страны, а разграничение понятий «свой – чужой» теряло прежнюю определенность, и врагом мог оказаться каждый. Это порождало всеобщую подозрительность, коренившуюся в шпиономании военного времени и отразившуюся в письмах рядовых и офицеров в редакции «революционных» газет².

Эти «человеческие документы», сохранившие суждения очевидцев о переживаемом моменте, позволяют увидеть, как последствия войны сказывались на духовной жизни армии и общества, свидетельствуют о разноречивых контактах военных с населением Финляндии. Они демонстрируют и противоречия между людьми в офицерских и солдатских погонах. Теми, кому суждено было, не покидая мест расположения своих частей, к концу 1917 г. оказаться на территории нового независимого государства и оставаться в охваченной гражданской войной Финляндии до весны 1918 г., пока по условиям Брестского мирного договора между Германией, ее союзниками и советской Россией старая «армия Его Величества» не была выведена из пределов бывшего Великого княжества Финляндского.

Подробности реальных взаимоотношений между начальниками и подчиненными флотских и армейских частей и подразделений, дислоцированных в годы войны в автономном Великом княжестве, перекликаются с деталями, изложенными в одном из матросских писем и говорящими о характере

¹ Асташов А.Б. Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002. М., 2002. 268 – 281; его же. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014; Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, солдат и крестьян России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

² См. подробн.: Дубровская Е.Ю. Письма российских военнослужащих в Финляндии периода Первой мировой войны // Скандинавские чтения 2002 года: этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2003. С. 465 – 476.

отношений между балтийскими матросами и флотским офицерством в первые годы войны.

Как пишет капитан 2 ранга Д.О. Дараган, служивший в 1915 г. старшим офицером на линейном корабле «Андрей Первозванный», а затем был командиром эсминца «Достойный», каждодневная «работа» миноносцев в Финском заливе «заклучалась в том, что они “ставили мины”, гонялись за подлодками, обстреливали берега, занятые немцами, конвоировали большие суда и вечно грузили уголь», а «осенью мерзли и мокли на наших открытых мостиках». При всем этом «почти ничего не знали об общем ходе военных действий, особенно на сухопутных фронтах»¹.

В мае 1917 г. в редакцию «Известий Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих» поступило письмо матроса И. Барышникова с миноносца «Деятельный». Оно стало ответом на появившуюся незадолго до этого статью об издевательствах нижних чинов над арестованным капитаном 2 ранга Вещицким. Возмущившись протестом офицеров против «публичного глумления и попрания человеческой личности», автор письма призывал их вспомнить о происшедшем в 1915 г. на миноносце инциденте между капитаном 2 ранга Д.О. Дараганом и матросом В. Алехиным: «Может ли капитан 2 ранга Дараган протестовать против наказаний капитана 2 ранга Вещицкого, когда они сами позволили привязать матроса В. Алехина к мачте на 4 часа подобно Иисуса Христа, а за что именно – за то, что он заболел и не стирал белье у унтер-офицера и прямо сказал ему “шкура”»².

Рассказывая об этом же происшествии в письме к жене, Д.О. Дараган назвал случившееся «неприятным делом» и привел заметно отличающуюся от изложенной матросом версию причин инцидента: «Есть один дрянной человек, и я его отстранил от артельщиков, а тут пришла на него жалоба из Гельсингфорса. Я арестовал и говорю: “Ставьте под ружье”. Заявляет, что болит спина. Я это дело знал хорошо, у нас плавал доктор, и характер всей этой истории был ясен. Я приказал становиться, он заявляет, что не может, тогда я приказал привязать к мачте, чтобы не упал... Через 3 минуты доложили, что все сделано. Я очень обрадовался, т.к. мне надо было идти до конца, а с этими дураками ничего не поймешь. Он отстоял свое на сегодня и я отпустил его. Надеюсь на три дня – срок ежедневного стояния... Он мог сегодня изобразить умирающего, но решил, что это не выйдет»³.

Необходимость добиваться поддержания дисциплины подобными экстраординарными мерами явно удручала командира эсминца «Деятельный». Он поделился с женой намерением доложить о происшедшем своему начальнику командиру 9-го дивизиона эсминцев А.В. Развозову, тем более, что привязанного к мачте матроса видела команда корабля, проходившего мимо «Деятельного»: «...картина была самая средневековая. Мне было даже смешно – костра не хватало». Узнав из доклада о случившемся на эсминце,

¹ KA. Pikku kokoelma. Venajan Keisarillinen laivasto. № 1121, 23.867: otteta Dmitri Daraganin erään koelman, laivaston torpedoveneen paallikon kirjeista vaimolleen v.1915).

² KA. «Русские военные бумаги». Д. 11970.

³KA. Pikku kokoelma . Выдержки из писем Д. Дарагана за 1915 г.

капитан 1 ранга А.В. Развозов вызвал матроса В. Алехина для беседы. «Я не знаю, что из этого вышло, – писал Дараган через несколько дней, – Спрошу при случае, но это очень хорошо с его стороны»¹.

Вне зависимости от того, чья версия происшествия на «Деятельном» – матросская или офицерская – достовернее, возможность увидеть отношения субординации на корабле глазами той и другой стороны дает представление о предельно взрывоопасной обстановке, которая задолго до революционных событий 1917 г. складывалась на флоте. Ситуация, заставившая думать над ее разрешением не только командира эсминца, прибегнувшего к недопустимой мере поддержания дисциплины, но и его непосредственного начальника, в сознании рядовых матросов отложилось как чуть ли не повседневное явление и закрепилась недоброй памятью о «зверствах офицеров». Через несколько лет этот опыт станет своего рода «горючим материалом» матросского возмущения и послужит им самооправданием за жестокие расправы над офицерами в Кронштадте, Гельсингфорсе и Ревеле в первые мартовские дни 1917 г.² В октябре морской министр адмирал Д.Н. Вердеревский, вспоминая о мартовских убийствах на флоте, заметил: «если и по сей день все еще существует пропасть между офицерами и командами, то на дне ее – кровь, пролитая напрасно»³. События в финляндской столице Гельсингфорсе (Хельсинки) в первых числах марта 1917 г. окончательно и бесповоротно лишили войска, дислоцированные в Финляндии, шансов в каких-либо формах принять участие в возможной борьбе за сохранение Империи в стратегически важном для России регионе.

В действующем флоте ощущалась меньшая усталость от войны. Наиболее тяжелые проявления революционного экстремизма имели место в тыловой базе флота, в Кронштадте и в бригадах линейных кораблей в Гельсингфорсе, практически не воевавших. В Ревеле, где находились основные силы Минной дивизии и 1-я бригада крейсеров, вынесшие основную тяжесть войны на море, таких эксцессов не было, а на мелких базах флота – в

¹ Там же.

² Бажанов Д.А. «Гельсингфорский мученик»: русские военные моряки, погибшие 3 – 4 марта 1917 года и захороненные на Гельсингфорском православном кладбище. // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузов. науч. конф. 15 марта 2010: сб. науч. ст. СПб., 2011. С. 47 – 54; Иоффе А.Е. Гельсингфорс // Андреевский флаг. 1992. № 3. С. 4; его же. Морской гарнизон Гельсингфорса в Февральской революции // Падение империй и новая организация Европы после Первой мировой войны. СПб., 1993. С. 26; Смолин А.В. Восстание в Гельсингфорсе 3 – 4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А.И. Непенина // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Восьмой ежегод. междунар. науч. конф. СПб., 2007. С. 22 – 33; Kalleinen K. Helsingin upseerisurmat maaliskuussa 1917 // Venäläissurmat Suomessa 1914 – 1922. Osa 1. Sotatapahtumat 1914 – 22, ed. Lars Westerlund. Helsinki: Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja 1, 2004. S. 149 – 183; Mawdsley E. The Russian Revolution and the Baltic Fleet. War and Politics: February 1917 – April 1918. London, 1978; Saul N. Sailors in Revolt. Lawrence, Kansas, 1978; Upton A. Vallankumous Suomessa 1917 – 1918. 1 osa. Jyväskylä, 1980.

³ Вестник Временного правительства. 1917. 11 октября.

Николайстадте (Ваза), Ганге (Ханко), Або (Турку) события шли по ревельскому образцу¹.

Надеясь на помощь в усмирении матросских волнений, командующий флотом вице-адмирал А.И. Непенин вызвал в Гельсингфорс министра юстиции Временного правительства А.Ф. Керенского, но вместо него 4 марта приехала делегация во главе с товарищем председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов членом Государственной думы меньшевиком М.И. Скобелевым и комиссаром Временного правительства по делам Финляндии кадетом Ф.И. Родичевым.

В этот день Керенский связался по телеграфу с представителями оставших моряков, прибывших на штабное судно «Кречет». Как представитель от матросской делегации линейного корабля «Полтава» с ним вел переговоры А.Ф. Сакман, содержание разговора было срочно отпечатано в виде листовки, которая рассылалась по кораблям. Сообщив матросам об отречении от престола в.к. Михаила Александровича, Керенский просил прекратить волнения, поскольку Временному правительству уже подчинилось огромное большинство офицеров в Петрограде, а также Штаб верховного главнокомандования. Призвав матросов от лица Временного правительства беспрекословно выполнять приказы командиров и начальников, Керенский просил сказать всем рядовым военнослужащим, что «ваш командующий вице-адмирал Непенин тоже признал нашу власть, поэтому объявлениям и приказам его верьте»².

Однако и сам А.И. Непенин, вопрос об отозвании которого и о назначении товарищем морского министра уже был решен в Петрограде, не избежал участи десятков своих подчиненных – офицеров флота. Во втором часу дня 4 марта вице-адмирал Непенин был убит выстрелом в спину из толпы матросов у ворот Свеаборгского порта, когда по требованию прибывших на штабное судно моряков он должен был отправиться на Вокзальную площадь для встречи прибывающих из Петрограда посланцев Временного Правительства и Петроградского Совета. Командовавший минной обороной А.С. Максимов, имевший репутацию либерального начальника, на многотысячном матросском митинге на Сенатской площади в Гельсингфорсе был избран на пост командующего флотом.

Перед Ф.И. Родичевым и М.И. Скобелевым во время их посещения финляндской столицы стояла сложная задача «успокоить солдат»³, поскольку части, стоявшие в Гельсингфорсе, до 3 марта не были официально извещены о происшедшем в Петрограде. Помимо участия в митинге на Вокзальной площади, куда, по свидетельству Т. Хултин, «военные не пропускали гражданское население», они выступали 4 марта на кораблях и в казармах,

¹ Mawdsley E. Op. cit. P. 20; Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957. С. 658.

² Цит. по: Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Москва, фронт, периферия. М., 1971. С. 123.

³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Документы и материалы. Л., 1991. Т. 1. С. 159 – 161, 170, 172.

«где “Христом-богом” заклинали рядовых восстановить порядок»¹. Новый командующий флотом А.С. Максимов, утвержденный Временным правительством 4 марта, сразу же после получения известия об убийстве А.И. Непенина, передал в финляндские гарнизоны обращение Ф.И. Родичева и М.И. Скобелева: «Нельзя не верить офицерам, ставшим на сторону народа. Помните, что враг, прежде всего, уничтожает офицеров и арест их – дело радостное для врага и скорбь для России. Там, где солдаты арестуют офицеров, войско делается бессильным для выступления против врага. Во имя защиты Свободы русского народа просим освобождения арестованных офицеров»².

Приехавшие из Петрограда эмиссары, поддержанные новым командующим, напомнили рядовым военнослужащим о военной угрозе и сумели «внедрить в их сознание элементы «революционной» шпиономании». По наблюдению московского исследователя В.П. Булдакова, для революции был характерен не непрерывный рост озлобления и насилия, а, скорее, постоянный перепад настроений³. При появлении в Гельсингфорсе представителей Временного правительства, о котором тогда ничего не знали, кроме того, что оно «власть», матросы успокоились довольно быстро и даже оказывали восторженный прием Родичеву и Скобелеву.

В воспоминаниях А.П. Белоброва отмечена неприятно поразившая офицера деталь в поведении Скобелева: «мне бросилось в глаза, что Скобелев, когда его качали, вынул из кармана носовой платок красного цвета, и когда он взлетал на воздух – он этим платочком махал. Как это несерьезно, но наперед рассчитано. Дешевый эффект»⁴. С такой же неприязнью почти все офицеры относились к вновь назначенному командующим флотом вице-адмиралу А.С. Максиму, несмотря на его боевые заслуги в русско-японской войне и заметные должности, занимаемые во время Первой мировой войны.

Вероятно, помимо популярности у нижних чинов, подобное отношение со стороны флотского офицерства, известного приверженностью кастовым традициям, объяснялось и происхождением нового командующего. Максимов, прозванный «Пойка» (что означает «парень» по-фински), уроженец Улеаборгской губернии, «был из финнов» и «говорил по-русски с большим акцентом»⁵. О том, что прохладное отношение к нему сформировалось среди офицерского состава задолго до Февральских событий, есть свидетельство капитана 2 ранга Д.О. Дарагана, сохранившееся в одном из частных писем. В августе 1915 г., вскоре после назначения Максимова исполняющим должность начальника Минной обороны Балтийского моря, Дараган заме-

¹ Hultin T. Paivakirjani kertoo: 1914 – 1918. II osa. Helsinki, 1938. S. 179.

² КА. «Русские военные бумаги». Д. 465. Приказ по гарнизону г. Николайстада 11 марта 1917 г. № 19.

³ Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 59.

⁴ РГАВМФ. Ф. Р-2226. Оп. 2. Д. 199. Л. 331.

⁵ Там же. Л. 253.

тил: «Нам дали Пойку! Старшим на Рижский залив! Это ужасно»¹.

И после отъезда в Петроград Ф.И. Родичева и М.И. Скобелева, по воспоминаниям депутата финляндского парламента Теклы Хултин, «офицеров продолжали убивать на месте без суда и следствия»². Трагические события этих дней в финляндской столице достаточно подробно изучены отечественными и зарубежными историками. Недели и месяцы спустя последствия мартовской дезорганизации в гельсингфорских частях все еще давали о себе знать. В середине апреля командиру 509-го пехотного Гжатского полка поступали запросы из управления начальника артиллерии о том, возвращены ли в полк из 428-го Лодейнопольского пехотного полка взятые во время революции 59 японских винтовок, а в середине июля тем же интересовался Штаб 128-й пехотной дивизии: «сколько винтовок пропало во время переворота и сколько нашлось чужих винтовок»³.

С первых дней революции в представлениях жителей Петрограда российским войскам в Финляндии отводилась весьма заметная роль в предстоящих переменах. Очевидец событий Февральской революции в Петрограде известный публицист Д.В. Философов 28 февраля записал в дневнике ходивший в городских низах слух о том, что «войска, присланные из Финляндии “присоединились” и что солдаты все время на улицах, а не в казармах, потому что должны охранять Думу»⁴.

Вот почему вызывают исследовательский интерес обстановка первых дней Февраля в нестоличных гарнизонах бывшего Великого княжества и вопрос об отношении находившихся в Финляндии российских военных к событиям Февральской революции. Об этом позволяют судить многочисленные протоколы и резолюции солдатских и матросских собраний, заседаний комитетов воинских частей, опубликованные и хранящиеся в архивах письма российских военнослужащих в Финляндии, материалы военной цензуры и др.⁵

Эти материалы проливают свет на то, в какой мере российские военные в Финляндии стали соучастниками финляндской национальной революции и сами испытали радикализирующее влияние финляндских политиков, в частности, социал-демократов. Однако в начале марта 1917 года финское население выступало преимущественно сторонним наблюдателем восстаний гарнизонов и флотских команд, воспринимая происходившее как русскую «солдатскую революцию».

В Або, второй по численности из финляндских военно-морских баз на Балтике, матросы вместе с частями сухопутных войск устроили большую

¹КА. Pikku kokoelma. Venäjän Keisarillinen laivasto. № 1121, 23.867: otetta Dmitri Daraganin erään koelman, laivaston torpedoveneen päällikön kirjeista vaimolleen v.1915 (из письма Д.О. Дарагана жене. Л. 20).

² Hultin T. Op. cit. S.179.

³ РГВИА. Ф. 3048. Оп. 1. Д. 5. ЛЛ. 14 об., 73 об.

⁴ «Длятся часы, мировое несущие...» События Февральской революции в дневнике Дмитрия Философова // Час пик. 1991. 14 октября.

⁵ См.: Дубровская Е.Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914 – 1918). Петрозаводск, 2008.

демонстрацию 3 марта. Автомобили с вооруженными людьми под красными флагами появились на Отканде около 11 час. утра. Накануне вечером в командах были прочитаны сообщения А.И. Непенина об отставке кабинета министров и о переходе власти в руки Государственной думы, и вести эти были приняты спокойно.

«Едва ли многие спали в эту ночь со 2 на 3 марта, взбудораженные массой разноречивых слухов и ожиданием грядущего», – вспоминал очевидец, – «первый революционный автомобиль, появившийся на Отканде, привез смену караула. Предусмотрительность делает честь руководителям восстания: новый караул, получивший в полужкипаже инструкции восставших моряков, конечно, был заметнее тех, которые, возможно, и не были еще посвящены во все то, что совершается. Этой мерой руководители восстания избавили себя от многих ненужных и даже невинных жертв»¹.

За первым автомобилем появился второй с вооруженной командой и красными знаменами. Одновременно с этим начались аресты офицеров на улицах города. Автор воспоминаний, опубликованных через месяц после событий, назвал это мерой, «за которую также надо отвесить низкий поклон руководителям восстания: арестованные офицеры, лишённые свободы на день – два, а чаще всего на несколько часов, были зато гарантированы от возможности на улице или даже дома стать жертвой недоразумения»². С красными флагами и пением революционных песен солдаты вслед за автомобилем матросов прошли по улицам города в порт.

В то же время еще не осведомленные о положении вещей пехотные и кавалерийские части, располагавшиеся в Або, походными колоннами отправились на Отканд. К счастью, возможного столкновения между матросами и пехотинцами не произошло, и последние, под дружное «ура» демонстрантов, присоединились к восставшим матросам³.

Революционные события с нарастающей силой повторились здесь 4 марта. В 6 час. утра командиры объявили военнослужащим, чтобы они выбирали из своей среды представителей для обсуждения назревших вопросов. Тогда же в присутствии всех офицеров командам была прочитана полученная 1 марта телеграмма с известием об отречении Николая II. В 10 час. утра матросы флотского полужкипажа арестовали своих офицеров и колоннами с красными флагами под звуки «Марсельезы» отправились в город. На Замковой улице к ним присоединились рабочие порта, солдаты пехотных и кавалерийских частей, которые знали день и час выступления.

Как отмечал петрозаводский исследователь М.Х. Киуру, при поддержке финских рабочих восставшие захватили почту, телеграф и освободили из тюрьмы политических заключенных. Между тем, по воспоминаниям участника событий члена исполкома Або–Оландского Совета В. Сидоренко, «товарищи финские рабочие пытались присоединиться к толпе манифестантов, однако «по убеждению и просьбе товарищей матросов», разъяснивших,

¹ 4 марта в Або // Известия Совета депутатов АОУП. 1917. 11 апреля.

² Там же.

³ Там же.

что финны тем самым «нарушают их действия», не желали противодействовать и «старались по возможности отойти, зная, что совершается великий подвиг и что подвиг приведет к хорошему делу»¹.

Приведенное свидетельство очевидца и материалы многих других источников не позволяют согласиться с традиционными для советской историографии утверждениями о безусловной пролетарской солидарности и поддержке трудящимися Финляндии классовых выступлений русских рабочих и крестьян, одетых в матросские форменки и серые шинели. Представляется, что намного ближе к истине находится финский исследователь Э. Кетола,² который подчеркивает, что контакты русских с местными жителями были минимальны.

На примере Северного фронта можно проследить взаимосвязь между появлением Приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 1 марта и созданием солдатских комитетов. Самое широкое распространение приказ получил здесь 4 – 5 марта, в дни, когда особенно заметным оказалось его воздействие на настроение солдат. В соответствии с приказом, вся власть в воинских частях переходила в руки избранных солдатами комитетов. Приказ предписывал войскам немедленно избирать в ротах, батальонах и полках солдатские комитеты, подчиняться в своих выступлениях Петроградскому Совету и комитетам, установить контроль над оружием, которое должно было находиться в распоряжении комитетов, предоставить солдатам гражданские права, отменить вне службы вставание во фронт и обязательное отдавание чести, а также титулование офицеров, запретить грубое отношение с солдатами со стороны командного состава. Выполнение пунктов Приказа последовательно подводило солдат к выборному началу в армии.

5 и 6 марта вслед за выборами делегатов в военный комитет депутатов Выборгского гарнизона или Совет солдатских депутатов гарнизона (с мая 1917 г. стал называться Выборгским Советом солдатских и рабочих депутатов) в соответствии с Приказом № 1 были созданы ротные и батальонные комитеты в 172-м пехотном запасном полку, расположенном в С. Михеле (Миккелли) и подчиненном командиру 42-го корпуса³.

Совет депутатов армии, флота и рабочих Або-Олоандской укрепленной позиции (АОУП), начал работу 8 марта под руководством председателя Совета Брагина и председателя Президиума исполкома Спиридонова. Среди его депутатов моряки составляли не менее 40 %. В переизбранный в апреле исполком вошли 28 чел., из них 20 матросов и солдат, 3 офицера, 2 предста-

¹ Сидоренко В. Воспоминания дней Великой Русской революции в Або // Известия Совета депутатов АОУП. 1917. 1 апреля; Киуру М.Х. Боевой резерв революционного Петрограда в 1917 г.: из истории русских большевистских организаций в Финляндии. Петрозаводск, 1965. С. 9.

² Ketola E. Suomen sotilaskapina – Lokakuun-vallankumouksen strateginen edellytys // Historiallinen arkisto. Helsinki, 1987. № 91. S. 45.

³ Миллер В.И. Солдатские комитеты в русской армии в 1917 г. М., 1974. С. 176.

вителя от о. Оланд, 2 от рабочих и один торговый моряк.¹ Приблизительно таким же был и состав Совета.

Трое его представителей сразу же были делегированы в Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих, где им, как и делегату от Социал-демократической партии Финляндии Г. Ровио, были предоставлены места в Исполкоме. Наряду с контактами с ЦК СДПФ связи с военнослужащими второй по величине финляндской военно-морской базы расценивались ведущим среди русских советов в Финляндии как самые важные².

Характерный для фронта лозунг неподчинения никаким офицерам имел значительное влияние и в Або. Здесь немногих офицеров «демократического происхождения» избрали временными начальниками, «однако с чисто техническими функциями». Во время революционного переворота 4 марта в Або перед манифестантами, собравшимися у заградителя «Ильмень», выступали как матросы, так и офицеры. В. Сидоренко упомянул о том, что «многим матросам и солдатам нежелательно было оставить в живых офицеров» из опасения возможных репрессий с их стороны в случае неудачи восстания, как это было в 1905 г. Однако «большинство, рассуждая здраво и логично, решило на время манифестации арестовать многих для того, чтобы спасти жизнь, которая висела на ниточке»³. В Або под арестом оказались около 10 офицеров⁴. В Гельсингфорсе во время мартовских событий было арестовано 42 офицера, 17 военных чиновников, 24 жандарма и 28 провокаторов⁵.

Волна событий победившей в России Февральской революции быстро распространилась по всем военно-морским базам и гарнизонам Финляндии. Повсеместно разоружались жандармерия и полиция, упразднялась царская администрация. В Гельсингфорсе были арестованы и отправлены в Петроград генерал-губернатор Финляндии А.Ф. Зейн и вице-председатель Сената В. Боровитинов. 13 марта исполком Тавастгусского гарнизона, еще не знавший об упразднении должности финляндского генерал-губернатора, в телеграмме на его имя просил прислать чиновника для приема дел, архива и инвентаря канцелярии бывшего начальника жандармского управления в Тавастгусе⁶.

Выборные комитеты возникали во всех сухопутных частях, на всех кораблях и соединениях флота. Гарнизонные комитеты были созданы в 19 городах Финляндии. В мае 1917 список лиц и учреждений, которым должны

¹ Известия Совета депутатов АОУП. 1917. 9 и 25 апреля. На острове Оланд в это время действовал и местный Исполнительный комитет.

² РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.

³ Сидоренко В. Воспоминания дней Великой Русской революции в Або // Известия Совета депутатов АОУП. 1917. 1 апреля

⁴ Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 21 марта.

⁵ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 129. ЛЛ. 17 – 18; Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957. С. 43.

⁶ КА. «Русские военные бумаги». Д. 11973. Протокол Исполкома Тавастгусского гарнизона 13 марта 1917 г.; РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 1. Д. 16. Л. 164; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 135. Л. 109.

были высылаться протоколы заседаний общего собрания и исполнительного комитета Гельсингфорского Совета, включал гарнизонные комитеты в Тавастгусе, Раумо, Бьернеборге, Таммерфорсе, Николайстаде, Риихимяки, Якобстаде, Брагестаде, Улеаборге, Торнео, Куопио, Выборге, Белоострове и Або. Помимо перечисленных, гарнизонные комитеты существовали в Сейняйоки, Нейшлоте и Коуволла.¹

Исполнительный комитет гарнизона в Николайстаде возник не позже 5 марта. Сохранились выписки из протоколов его заседаний от 6, 7, 8, 9 марта, объявленные комендантом в приказе по гарнизону для сведения и исполнения. Гарнизонный комитет в составе 40 чел. действовал под председательством поручика Чванова. «Во избежание каких-либо кровавых враждебных нам столкновений», основывающихся на слухах, «что местное население, финны, желают враждебно отнестись к притеснителям шведам», комитет прежде всего направил депутацию к представителям финских народных союзов, которые опровергали подобные слухи как провокационные. Однако «из-за опасения контрреволюции» депутаты решили в целях безопасности выслать в город патрули от стоявшего вблизи города 423-го полка и конные разъезды от 2-го конного пограничного Петроградского дивизиона. Местной полиции предложили сдать оружие и патроны под охрану комитета, и 220 винтовок с 42 тыс. патронов поступили в патронный склад полка. Все оружие и патроны были приняты комитетом, который единственный мог им распоряжаться. Депутаты несли ответственность за оружие и патроны в ротах и командах, а о каждом случае расходования боеприпасов следовало немедленно ставить в известность председателя комитета. Принимается постановление: «выданное воинским чином оружие хранить с достоинством гражданина и не выдавать никому, даже если это потребует офицер»².

Временный исполнительный комитет депутатов Николайстадского гарнизона в воззвании к военнослужащим предостерегал от нарушения солдатами «неприкосновенности личности своих сограждан-финляндцев и их собственности, нападений с грубыми словами или действиями», запрещал требовать спиртное «под угрозой оружием», забирать в лавках и магазинах без денег товары и продовольствие, а также напоминал о необходимости «взаимовежливых отношений с офицерами»³

Арестованные офицеры были заключены на гауптвахте, а 13 марта решением комитета их вместе с арестованным жандармским вахмистром отправили в распоряжение гельсингфорского исполнительного комитета. Офицерам же, считавшимися достойными, комитет позволил, как и всем гражданам, ношение холодного оружия, что подтверждалось специальными удостоверениями комитета. Это постановление было принято 29 голосами против 11.

От офицеров 423-го Лужского пех. полка и 2-го конного дивизиона в

¹ РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 1. Д. 16. Л. 164; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 135. Л. 109.

² КА. «Русские военные бумаги». Д. 465. Приказ по гарнизону г. Николайстада 9 марта 1917 г. № 18.

³ Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 22 марта.

состав комитета были избраны двое представителей. Уже на заседании 7 марта прозвучали реплики недоверия некоторым делегатам комитета, так что было решено провести новые выборы во всех ротах, командах, батареях и сотнях по норме 2 депутата от каждой, представив в комитет списки избранных, заверенные всеми членами комитета части. Отпуска военнослужащим могли разрешаться с ведома гарнизонного комитета, он же осуществлял надзор за прибывающими и отбывающими из города, затребовав у полицмейстера Николайстада наряд местной полиции.

Лишь по постановлению комитета могли производиться аресты, за исключением не терпящих отлагательства случаев нарушения порядка: «Пьяных и других нарушителей... удалять или забирать, а поступки представлять на разбор комитета. Общий порядок возложен на взаимную поруку воинских чинов». Комитет взял под охрану городскую электростанцию, поручив начальнику гарнизона совместно со специалистами и городскими инженерами выработать инструкцию по ее охране, которая в кратчайший срок должна была быть представлена на рассмотрение и утверждение комитета. В знак признательности за работу по обеспечению охраны города в дар гарнизонному комитету Товариществом табачных предприятий в Николайстаде было передано 148 тыс. коробок папирос¹.

Начальнику гарнизона предписывалось также назначить комиссию для проверки финансовой отчетности управления окружного воинского начальника в Николайстаде. 10 марта «для проверки слухов об имевшихся в Старой Вазе складов оружия» в эту часть города были откомандированы разведчики 423-го Лужского полка.

7 марта комитет постановил отслужить на Казарменной площади города панихиду о «павших братьях, боровшихся за свободу, и благодарный молебен Господу Богу, ниспославшему нам свои милости». В течение шести недель до 10 апреля всему гарнизону предписывалось носить траур по погибшим².

Современники вспоминали о грандиозной манифестации в Гельсингфорсе в проходивший по всей стране День памяти борцов за свободу 17 марта. Она состоялась в Брунспарке на могиле двух матросов, погибших во время Февральских событий³. Исполнительный комитет Тавастгусского гарнизона постановил в этот день после полудня собраться в Старофинских казармах, откуда «с оркестром проследовать на площадь и построиться возле ратуши... Во всех частях иметь только красные знамена». Разработка про-

¹ Чистиков А.Н. Финляндия: независимость, гражданская война, отношения с Советской Россией // Интервенция на Северо-западе России: 1917 – 1920. СПб., 1995. С. 159 – 174.

²КА. «Русские военные бумаги». Д. 465. Приказ по гарнизону г. Николайстада 11 марта 1917 г. № 19; Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 29 марта.

³Бажанов Д.А. Памятные революционные даты в Гельсингфорсе весной-летом 1917 г. как фактор формирования и отражения настроений (на примере моряков Балтийского флота) // Революция 1917 года в России: Новые подходы и взгляды. СПб., 2012. С. 47 – 48; Казанцев Д.Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914 – 1917. М., 2016. С. 113 – 114.

граммы и маршрута следования процессии, включившей и местное население, была поручена депутату Надеждину. Выборгский гарнизонный комитет в день похорон жертв революции в Петрограде 23 марта проводил сбор средств в пользу возвращавшихся в Россию эмигрантов и ссыльных. Символы и институты революции с первых ее дней становились объектом поклонения¹.

Николайстадтский гарнизонный комитет заявил о своей поддержке Временного правительства уже 6 марта после получения приветственной телеграммы от начальника 106-ой пехотной дивизии. На следующий день офицерам 423-го полка разрешено было «в ближайшем будущем прочесть лекцию о социализме в присутствии офицеров других частей и делегации комитета». 9 марта Совет солдатских депутатов Выборгского гарнизона заявил, что он собрался не для того, чтобы законодательствовать, а «чтобы исполнять волю нового правительства». Совет определил свои главные задачи: «поддержка Временного правительства во всех его мероприятиях, направленных к осуществлению программы правительства», «война до победоносного конца»². «Война за свободу России до полной победы», – говорилось в постановлении, принятом на заседании Або-Оландского Совета³.

11 марта Исполком Гельсингфорского Совета обратился к солдатам, матросам и рабочим с воззванием, в котором призывал их оказывать поддержку Временному правительству и довести войну «до победоносного конца»⁴.

Однако недовольство политикой нового правительства начало возникать у матросов и солдат финляндских войск уже в марте. Одним из вопросов, обостривших их отношения с правительством, стал вопрос о присяге. Ее текст 7 марта был отвергнут Временным правительством без соглашения с Исполнительным комитетом Петроградского Совета. История с принятием присяги выявила и ограниченность влияния командующего флотом А.С. Максимова – представителя Временного правительства на флоте. Она не дает оснований согласиться с утвердившимся в зарубежной историографии мнением об отношении между Гельсингфорским Советом и командующим в первые два месяца нового строя как отношениях «гармоничных»⁵.

¹ См. об этом: Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001; Черняев В.Ю. Петроград и обретение Финляндией государственной независимости // Санкт-Петербург – Хельсинки. Хельсинки – Санкт-Петербург. 1809–2004. СПб., 2005. С. 89 – 95; его же. Революция 1917 г. и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27 – 45.

² Киуру М.Х. Указ. соч. С. 12.

³ Известия Совета депутатов АОУП. 1917. 1 апреля.

⁴ Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 11 марта.

⁵ Longley D. Op. cit. P. 37; Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. М., 1957. С. 171; Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Л., 1973. С. 105; Злоказов Г.И. Петроградский Совет в период мирного развития революции. М., 1969. С. 132; РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 4. ЛЛ. 25, 38, 40, 44, 47.

Временное правительство командировало в Финляндию генерала В.Н. Клембовского для «поднятия боевой подготовки и дисциплины» частей Выборгского гарнизона и 42-го армейского корпуса. Обследовав в марте 1917 г. русские войска в Финляндии, он писал начальнику штаба Северного фронта: «Почти весь Гельсингфорский гарнизон отказался присягать новому правительству»¹.

Многие гарнизоны и части совсем отказались принимать присягу. Это вынуждены были признать и представители командного состава армии. Командир 42-го армейского корпуса А.А. Гулевич 17 марта доносил начальнику штаба Северного фронта: «Выборгский гарнизон присягал 10 марта... Гарнизон г. Раума отказывается принести присягу, основываясь на том, что Совет рабочих и солдатских депутатов считает текст присяги недействительным. Мною послана военному министру телеграмма с просьбой подтвердить установленный текст присяги, скрепив это подтверждением представителей С.Д. [Совета депутатов. – Е.Д.]»².

19 марта Исполком Або-Оландского Совета заслушал изданный накануне приказ командующего флотом, где говорилось: «Министр юстиции Керенский мне лично подтвердил, что текст присяги не может вызывать сомнений» ... и предлагал продолжать по тексту, объявленному приказом командующего 11 марта, приведение к присяге «на верность родине и Временному правительству, которое в свою очередь принесло присягу новому строю». Исполком постановил предложить всем военным частям, еще не принявшим присягу, сделать это в самое непродолжительное время, а общему собранию Совета принять ее на следующий день заседания³. На заседании 13 марта гарнизонный комитет Тавастгуса вынес решение послать 2 телеграммы Исполкому Петроградского Совета: «одну правительственную, а вторую – с требованием отчисления денщиков и кучеров от офицеров»⁴.

Капитан Е.Н. Конрад докладывал коменданту г. Торнео о состоявшемся 11 марта принятии присяги командой вверенного ему управления. Сохранился и текст присяги, под которым стоят 14 подписей. Присягу проводил протоиерей Гельсингфорской Крестовоздвиженской церкви при бывшем доме генерал-губернатора Д.В. Троицкий⁵. 14 марта присяжные листы с расписками были срочно направлены Конрадом торнеоскому коменданту. 12 марта в Торнео спешно выехали делегаты Выборгского гарнизонного комитета солдаты Кацевич, Богданов, Павлов и прапорщик Панышин. В их телеграмме, заверенной командиром корпуса А.А. Гулевичем и отправленной на имя коменданта железнодорожной станции штабс-капитана Потулова, содержалось требование «до их приезда соблюдать полный порядок»⁶.

В тот же день состоялось первое заседание Торнеоского комитета сол-

¹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 43. Л. 125.

² Там же. Л. 124.

³ Известия Совета депутатов АОУП. 1917. 2 апреля.

⁴ КА. «Русские военные бумаги». Д. 11973.

⁵ КА. «Русские военные бумаги». Д. 2875. Постановления и бумаги комитета солдатских депутатов в Торнео. Л. 2.

⁶ КА. Там же. Л. 11.

датских депутатов в составе 14 человек, предположительно, именно они первыми приняли в Торнео присягу на верность Временному правительству. Председателем комитета был избран штабс-капитан Погулов, а секретарем солдат Константинов.

Как сообщил собравшимся один из депутатов, после объявления в местной газете о сборах «в пользу семей павших в борьбе за свободу» 10 и 11 марта на станции Торнео, пожертвования поступили не только в русских рублях и финских марках, но и в шведских и норвежских кронах. Решено было перевести эти средства в финской валюте через банк на имя председателя Петроградского Совета, поблагодарив местных жителей на страницах городской печати.

Четырех представителей, в их числе гарнизонного доктора Швейда, делегировали в г. Кеми для «ознакомления и объединения действий с комитетом Кеми». Из района, на который распространялись полномочия Торнеоского и Улеаборгского комитетов солдатских депутатов, постановили удалить трех нежелательных лиц, а также обратиться с воззванием к жителям г. Торнео оказывать содействие пограничным войскам в поиске шпионов¹.

Однако не все постановления комитета достигали цели. Единогласно вынесенное депутатами решение откомандировать из пределов Финляндии под конвоем двух писарей комендантского управления в распоряжение коменданта Петрограда увенчалось тем, что в этой инстанции, как и в управлении Петроградского уездного воинского начальника арестованных не приняли, а передали сопровождающему, чтобы он доставил их обратно в часть. В конце концов, во время скитаний по столице писаря сумели под разными предлогами «улизнуть» о своего конвоира, и тому пришлось возвращаться одному².

В обстановке «вседозволенности», сопровождавшейся падением дисциплины в войсках, пришедшее вслед за Февральской революцией время бесконтрольной «свободы» было отмечено все усиливавшимися конфликтами военных с населением бывшего Великого княжества, в частности, из-за преследования жительниц Финляндии со стороны нижних чинов³. Показательны обращения к соотечественникам весной 1917 г. призывы читателей гельсингфорских и абоских «Известий» не допускать действий, позорящих «революционные войска и юную обретенную свободу». С таким же призывом позже выступил служивший в Гельсингфорсе в крепостной роте минной обороны моряк А. Новиков, которому в июле на одной из центральных улиц финляндской столицы – Эспланаде – пришлось спасать «русскую барышню» от принуждения к сожигательству и неминуемых побоев в случае отказа, которыми ей угрожал матрос с миноносца «Боевой»⁴.

В первые дни марта командование российских войск в Финляндии пыталось бороться против создания Советов и комитетов. Однако рост числа

¹ КА. Там же. ЛЛ. 1 – 1 об.

² КА. Там же. Л. 3.

³ КА. Там же. ЛЛ. 33 – 34.

⁴ РГАВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 21. ЛЛ. 28 – 29.

«самочинных» солдатских комитетов в войсках и их высокий авторитет наводил высшее военное руководство на мысли об использовании этих популярных организаций в интересах сохранения дисциплины и для пропаганды идеи продолжения войны.

Однако наряду с вовлечением рядовых и офицеров в общественно-политические процессы, охватившие российские войска в Финляндии весной 1917 г., «демократизация» и отказ от единоначалия в армии и на флоте необычайно осложнили их положение. Проблема революционного насилия приобретает новое звучание не только в оценке той трагедии, которая обрушилась на морское офицерство в дни кровавых эксцессов Февральской революции на Балтийском флоте. Эта проблема не может быть «вынесена за скобки» и при исследовании той прежде значительно приукрашивавшейся отечественной исторической наукой обстановки, в которой началась деятельность выборных общественно-демократических организаций в вооруженных силах России в условиях продолжавшейся мировой войны.

Бажанов Д.А.

Создание Временного военно-морского суда в Гельсингфорсе в 1917 г.

К началу Первой мировой войны нижний чин при совершении преступления на корабле мог быть осужден корабельным судом, судом Особой комиссии или Кронштадтским военно-морским судом.

К юрисдикции первых относились дела, которыми на берегу занимались экипажные суды. К ним относились «неисправимо дурное поведение», «буйство», «нарушение чинопочитания», несоблюдение правил несения караульной и вахтенной службы, самовольная отлучка, промотание предметов обмундирования и кража, совершенная на корабле. При этом сфера полномочий корабельного суда ограничивалась тяжестью возможного наказания. Т.е. эта инстанция могла выносить приговоры по таким случаям, «за которые по закону определены наказания, не влекущие отдачу в дисциплинарные батальоны или другие, более тяжкие наказания»¹.

Следующей инстанцией был так называемый суд Особой комиссии. Он рассматривал случаи вопиющего нарушения устава: умышленное неисполнение приказа вышестоящего лица, а также побег. В него входили офицеры, назначаемые с других кораблей того же соединения или военно-морской базы. Наказания этот суд мог выносить более тяжелые, длительные аресты или отдача в дисциплинарные батальоны.

Наконец, за тяжкие преступления по службе (например, избивание старшего по званию) или совершенные на берегу, нижний чин отвечал перед

¹ РГАВМФ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 7199. Л. 6.

военно-морским судом в Кронштадте. В качестве наказаний моряк мог быть отправлен на каторгу или посажен в тюрьму¹.

Однако для удобства рассмотрения дел на местах в годы войны были созданы так называемые временные военно-морские суды. Этот вопрос был поднят в рапорте командующего Балтийским флотом вице-адмирала В.А. Канина морскому министру адмиралу И.К. Григоровичу от 29 августа 1916 г. Необходимость открытия временного военно-морского суда в столице Финляндии объяснялась значительным количеством дел и перегрузкой Кронштадтского военно-морского суда, который после сдачи Либавы (Лиепая) остался единственным на Балтике. 4 сентября было получено согласие. С 22 сентября началось комплектование суда по штату. Первая сессия Гельсингфорского временного военно-морского суда началась 10 декабря 1916 г.²

В дни революции в Гельсингфорсе временный военно-морской суд страдал и был вынужден прервать свою деятельность. Согласно рапорту № 8 от 18 марта прокурора суда полковника М.Д. Позняка 5 марта неизвестные матросы ворвались в помещение суда, располагавшегося по адресу Фабричная ул., д. 1 а, и уничтожили большинство находившихся там документов. Пострадали 5 дел, находившихся на рассмотрении у прокурора, наряды по делам за 1915 – 1917 гг., сборники приказов по морскому ведомству за 1916 – 1917 гг., приказы командующего флотом и циркуляры штаба. Были вырваны все записи из реестра дел и из журналов входящих и исходящих документов, а также вся текущая переписка и отпуски бумаг³. Судя по данному перечню, разгром суда не был случайной акцией. К такому выводу приводит и констатация членами комиссии, составившей соответствующий акт, того обстоятельства, что кроме документов остальное имущество не пострадало. Лишь 2 пишущие машинки были позднее взяты для канцелярии Исполкома Гельсингфорского совета⁴.

После февральско-мартовских событий юридическая деятельность претерпела весьма серьезные изменения. Первым из них стало появление значительного количества инстанций, наделенных или фактически наделивших себя следственным статусом. Следственными комиссиями или секциями обзавелись создаваемые революционные органы власти. Уже на заседании Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих 6 – 7 марта было принято решение о создании в нем 6 секций. Одной из них стала секция охраны народной свободы, в состав которой входила и следственная комиссия⁵. 28 апреля появился центральный орган матросского представительства – Центральный комитет Балтийского флота и не позднее 5 мая в его составе начала функционировать следственная секция, получившая для рас-

¹ Там же. Д. 7196. Л. 1.

² Там же. ЛЛ. 2, 10, 11, 18.

³ Там же. Д. 7902. ЛЛ. 12 – 13.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ См. подробн.: Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март – октябрь). Петрозаводск, 1992. С. 54 – 55.

смотрения дело 6 офицеров с линейного корабля «Гангут», обвиненных представителями команды в активном подавлении выступления 19 октября 1915 г.¹

Подобные функции на кораблях зачастую брали на себя судовые комитеты. Начав возникать на крупных кораблях еще в ночь с 3 на 4 марта, они в течение ближайших недель были созданы на большинстве военных кораблей, находившихся в столице Финляндии. Изначально комитеты создавались как организации, которые должны были заниматься хозяйственными вопросами, связанными со снабжением, питанием, медицинским обслуживанием экипажей, политическим образованием, но довольно быстро они оказались перед необходимостью заниматься разбором конфликтных ситуаций, правонарушений и преступлений. Таким образом, им пришлось в ряде случаев подменять собой корабельные суды. После принятия первого «Положения о судовых комитетах» 18 марта 1917 г. на последнем заседании Соединенного комитета 2-й бригады линейных кораблей Балтийского флота круг полномочий судовых органов самоуправления был очерчен следующим образом: «распорядительные функции по кормлению, по здравоохранению, просвещению и политическому образованию команды, наблюдение за добросовестным исполнением каждым своих обязанностей на корабле, поддержание строгой дисциплины и пресечение ее нарушений, наблюдение за благопристойным поведением и нетчиками и наказание проступков такого рода, ведение очереди едущих в отпуск и съезжающих на берег, распределение служебных льгот, предоставляемых всему личному составу, вынесение примирительных решений в случае возникновения каких-либо недоразумений, прием и разбор всякого рода жалоб, производство дознаний по ним и отмена взысканий, наложенных командиром, устройство культурного досуга, контроль ведения хозяйства»². Тем самым, комитеты приобретали значительные полномочия в юридической сфере, обходя при этом командный состав.

Каким образом реализовывались полученные права? Главным образом, в поле зрения революционных органов власти попадало несколько групп дел. Во-первых, это были претензии нижних чинов экипажей к деятельности офицерского и унтер-офицерского состава до и в период Февральской революции. Как правило, такого рода случаи рассматривались членами судовых комитетов. Решение о дальнейшей судьбе, т.е. о санкциях, фактически оставлялось до рассмотрения общим собранием экипажа. На линейном корабле «Гангут» следственная секция комитета именно так подошла к вопросу расследования в отношении 6 офицеров, принимавших, по мнению экипажа, активное участие в подавлении беспорядков 19 октября 1915 г. В апреле депутаты комитета на основании решения общего собрания потребовали от командира списать старшего лейтенанта А.И. Королева, лейтенантов Н.Ф. Прохорова, А.Г. Хрептовича, А.А. Сурандера, В.Е. Бурачка и мичмана И.В. Дитерихса. С подобным решением капитан I ранга П.П. Палецкий не

¹ РГАВМФ. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 245. ЛЛ. 15 – 16, 19.

² Там же. ЛЛ. 7 – 8.

мог согласиться, и дело отправилось в штаб бригады, оттуда – в штаб флота¹.

Второй группой случаев, расследуемых комитетами, стали кражи. Так, на пятом заседании от 20 марта представителям «Кречета» пришлось поручить члену следственной секции судового комитета матросу I статьи М. Чеклуеву расследование кражи у машиниста В. Корчагина. В результате, не имея, по-видимому, возможности точно установить вора, комитет по результатам расследования обратился к командиру с просьбой о списании машинистов Иванова, Гамзова, Семенова и Шипилова, а также кочегара Никитина «как злоупотребивших доверием товарищей»². При поимке с полничным наказанием выносились более суровые. Так, 16 апреля за попытку совершения аналогичного преступления при приеме провизии на продовольственном складе уличенного матроса I статьи линкора «Севастополь» П. Гольбикова комитет приговорил к аресту в карцере на 4 недели, что соответствовало дореволюционной судебной практике³.

Обнаружен и случай, когда комитет фактически подменил собой местную административную власть. 18 апреля на «Севастополе» рассматривалось письмо от крестьянина деревни Буяковка Смоленской губернии Рословского уезда Д.Ф. Галемского с жалобой на поведение бывшего в отпуске матроса И. Лазуткина. Тот «напился пьяным, дебоширил, приставал ко всем, а также и к дочери моей». Уже на другой день члены комитета вынесли следующую резолюцию: на месяц лишить Лазуткина съезда на берег⁴.

В то же время, вопрос о санкциях за проступки и преступления, совершаемые личным составом, оставался для корабельных делегатов открытым. Вполне логичным выглядели их попытки выяснить этот вопрос в вышестоящих организациях. На общем собрании делегатов Гельсингфорского совета 9 марта депутат от 9-го дивизиона эскадренных миноносцев старший лейтенант В. Гершельт поинтересовался, как быть с нарушителями дисциплины. По итогам короткого обсуждения члены Совета постановили разрешить судовым комитетам создать для рассмотрения подобных случаев товарищеские суды⁵. Однако практика товарищеских судов в Гельсингфорсе, вероятно, не получила широкого распространения, т.к. удалось обнаружить лишь одно упоминание о его деятельности на линейном корабле «Республика». К тому же, через три недели, 30 марта, «судебный вопрос» опять был поднят на общем собрании Совета. С предложением предоставить комитетам право налагать дисциплинарные взыскания, не ограничиваясь выговорами, выступил председатель судового комитета крейсера «Россия» лейтенант Б. Белевич. Собрание, проявив непоследовательность, переложило рас-

¹ Там же. Л. 12.

² Там же. Д. 106. ЛЛ. 4, 11.

³ Там же. Ф. 878. Оп. 1. Д. 141. Л. 59.

⁴ Там же. ЛЛ. 50, 64.

⁵ Протокол № 4 заседания общего собрания Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта от 9 марта // Известия Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта (далее – Известия). 1917. 12 марта.

смотрение этого вопроса на делегатское собрание матросов¹. Упоминаний о каких-либо его решениях мы не обнаружили.

Поэтому комитеты шли двумя путями. С одной стороны их члены руководствовались собственными представлениями о справедливом наказании, заимствуя некоторые формы, применявшиеся в дореволюционном судопроизводстве.

С другой стороны, они старались опереться на инстанции более высокого порядка. Первоначально это был местный Совет. В упоминавшемся выше деле П. Гольбикова судебные делегаты «Севастополя» при вынесении решения оговаривали, что При этом право окончательного приговора, по мнению судебных делегатов, принадлежало более высокой инстанции – Гельсингфорскому совету депутатов армии, флота и рабочих. Именно в секцию охраны народной свободы предполагалось передать все материалы для окончательного определения наказания². Представители экипаж посылного судна «Миноносец №104» и вовсе свои претензии в грубом обращении с членами команды со стороны командира старшего лейтенанта Н.В. Гамильтона передали в следственную комиссию секции. В этом случае дело осложнялось тем, что офицер служил к марту 1917 г. на другом корабле – штабном судне «Кречет»³.

В мае 1917 г. комитеты стали также передавать результаты своих расследований в Центральный комитет Балтийского флота. Одним из первых стало упоминавшееся дело 6 офицеров с «Гангута». Ходатайство о пересмотре дела из штаба флота было передано в Исполком Гельсингфорского совета, где его 24 апреля отклонили, мотивируя «могутими произойти эксцессами между командой и названными офицерами»⁴. В то же время 3 мая следственная комиссия юридического отдела Гельсингфорского совета, отправляя материалы для ознакомления в Петроградский совет, отметила, что «полагает, что никаких данных для предания суду лиц, указанных в заявлении судебного комитета депутатов “Гангут” не имеется...»⁵. Однако 5 мая дело Совет передал в Центробалт, который поручил следственной секции подготовить анкеты для матросов рот, куда входили эти офицеры. 6 мая на совместном заседании комиссии Центрального комитета Балтийского флота с членами комитета и при общем собрании команды было вынесено решение об отправке лейтенантов Н.Ф. Прохорова, А.Г. Хрептовича, В.Е. Бурачка и мичмана И.В. Дитерихса на фронт, а также продолжения следствия в отношении старшего лейтенанта А.И. Королева. Лейтенанта А.А. Сурандера «до выяснения его участия в охранке» предписывалось задержать в Петрограде⁶.

¹ Протокол № 10 заседания общего собрания Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта от 30 марта // Известия. 1917. 6 апреля.

² РГАВМФ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 141. Л. 59.

³ См. подробн.: Там же. Ф. 479. Оп. 3. Д. 970.

⁴ Там же. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 245. Л. 12.

⁵ Там же. Л. 17.

⁶ Там же. Л. 19.

При анализе этих случаев выделяется две черты, свидетельствующие о своеобразном революционном «хаосе» в юридической деятельности. В рамках революционного правосудия налицо смешение следственных и судебных функций. Оно выражалось в том, что одна и та же инстанция (чаще всего комитет) и занималась выяснением обстоятельств дела, и выносила решение. В то же время новые органы власти пытаются заручиться поддержкой при принятии решений более авторитетных инстанций (Совета), либо вовсе не выносят собственного решения, ограничиваясь рекомендациями (Центробалт), тем самым оставаясь в рамках провозглашенных ими полномочий (проведение следствия). Таким образом, ощущалась потребность в создании авторитетных местных судебных органов.

В Гельсингфорсе местный совет по этой причине решил возродить существовавший временный военно-морской суд. Впервые этот вопрос обсуждался на общем заседании депутатов 16 марта в присутствии приехавшего в Гельсингфорс министра юстиции А.Ф. Керенского. Решение не было принято, однако министр обещал «сделать все от него зависящее для ускорения решения вопроса»¹. 3 мая, став морским министром коалиционного правительства, А.Ф. Керенский поднял вопрос о «коренном переустройстве всех существующих законоположений по военно-судной части». Констатируя, что это – дело комиссии Н.В. Савича, созданной при его предшественнике А.И. Гучкове, он указывал на необходимость в настоящее время «для поддержания воинского порядка во флоте» воссоздать военно-морские суды². Через три дня было принято постановление правительства о создании временных военно-морских судов³. Должен был появиться такой суд и в Гельсингфорсе. В соответствии с п. 3 постановления, ему были подсудны «дела о воинских преступлениях и преступлениях по службе всех чинов флота и Морского Ведомства». Однако тот факт, что в состав судей и присяжных (6 чел., половина от офицеров, половина от рядового состава) включались, в соответствии с п. 2, избираемые матросы или солдаты, свидетельствует, что его полномочия распространялись на весь гарнизон базы, т.е. аналогов для сухопутных частей создавать не предполагалось. Полномочия Гельсингфорского военно-морского суда оказывались еще шире, как это вытекало из примечания 2 к п. 3 правительственного постановления. Т.к. в Финляндии «русских судебных установлений» не имелось, ему передавались и общеуголовные дела. Судьи и присяжные, в соответствии с пп. 2 и 6, избирались местным Советом по следующей формуле: по 1 представителю от матросов и солдат – в судьи, а также по 1 кандидату, а также по 6 присяжных и 6 кандидатов от нижних чинов и по 2 – от офицеров (плюс 8 запасных: 2 присяжных и 2 кандидата от командного и рядового состава). В

¹ Хроника // Известия. 1917. 23 марта.

² РГАВМФ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 7918. Л. 1.

³ Там же. Л. 9; Журналы заседаний Временного правительства. М., 2002. Т. 2. С. 44 – 45, журнал № 71 от 6 мая 1917 г.; О временных военно-морских судах // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1917. № 109. 15 мая. Ст. 603. С. 959 – 960.

общей сложности получалось 24 чел. Они избирались сроком на 3 мес. и должны были получать вознаграждение в размере 5 руб. (примечание 1 п. 6)¹.

21 мая А.Ф. Керенский приказом по армии и флоту № 50 определил состав суда в количестве 6 человек². Председательствующим был назначен исполнявший должность помощника прокурора военно-морского суда в Кронштадте и затем прокурора временного суда в Гельсингфорсе полковник М.Д. Позняк. В качестве судей – подполковники К. Андерсон и Атрепьев, а также капитан Соколов (до этого занимали аналогичные должности в Кронштадте), прокурором стал прапорщик Шамие, а следователем подполковник Шубин³.

31 мая для уточнения и консультаций к представителям Совета приехал главный военно-морской прокурор генерал-майор по Адмиралтейству В.А. Юрковский. 10 июня Гельсингфорский совет избрал на своем заседании предусмотренных постановлением правительства судей и присяжных⁴. Было утверждено по 4 офицера от армии и флота и по 8 нижних чинов. Все являлись депутатами Гельсингфорского совета. 24 июня после долгих рассмотрений Центробалт принял решение согласиться с представленным перечнем назначенных и избранных чиновников суда⁵.

Судя по сообщению В.А. Юрковского, 3 июля приказом № 98 командующий Балтийским флотом контр-адмирал Д.Н. Вердеревский утвердил состав суда. Открытие сессии было намечено на 18 июля⁶.

Однако сразу начались трудности. 11 июля подполковник К. Андерсон просил направить в его распоряжение еще одного следователя из Кронштадта – Васильева. Необходимость в его присутствии объяснялась распространением юрисдикции суда на всю территорию Финляндии. В качестве аргумента К. Андерсон указывал, что один из помощников следователя лейтенант К.А. Климчицкий уже находился в Улеборге (Оулу) по делам службы, а избранный кандидатом прапорщик Шабурский – в Або (Турку)⁷.

Второе затруднение было связано с присяжными из числа офицеров. 24 июля полковник М.Д. Позняк сообщил в штаб флота, что избранные присяжными лейтенант М.Ф. Престин с крейсера «Россия» и старший лейтенант Меньщиков из Службы связи не присутствовали в городе и не были приведены к присяге⁸. Т.к. оба находились далеко от Гельсингфорса и прибыть на заседания они не могли, нормальное функционирование временного военно-морского суда было невозможно. Тем самым, первая сессия была сорвана. В Гельсингфорском совете это вызвало бурную реакцию. На общем собрании 5 августа депутаты приняли решение переизбрать полностью присяжных от

¹ Там же.

² РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 43. Л. 26.

³ Там же. Л. 26.

⁴ Там же. Д. 18. Л. 40.

⁵ Там же. Д. 43. Л. 27.

⁶ Там же. Л. 36; Ф. 407. Оп. 1. Д. 7918. Л. 59.

⁷ Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 7918. Л. 62.

⁸ Там же. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 43. Л. 54.

морских офицеров. Спустя еще 6 дней, 11 августа, командующий флотом контр-адмирал А.В. Развозов приказом № 107 утвердил новый состав присяжных в соответствии с решением Совета¹. Только после этого, будучи полностью укомплектован, Гельсингфорсский временный военно-морской суд смог начать работу. Сессия была открыта 16 августа 1917 г.

Таким образом, воссоздание судебной власти на Балтийском флоте потребовало больших усилий. Связано это было в первую очередь с резким изменением правового положения всех групп военных моряков после Февральской революции, а также с изменением системы управления кораблями и флотом в целом. Большую роль в решении дисциплинарных вопросов стали играть выборные органы местного самоуправления – судовые комитеты. Именно они в первые месяцы брали на себя следственные функции. В то же время вынесение санкций за проступки и, особенно, преступления комитеты производили не всегда. В этом они старались заручиться помощью более высоко стоящих инстанций – Гельсингфорского совета, а с мая 1917 г. – Центрального комитета Балтийского флота. Однако и они не имели оснований подменять собой судебную власть. Поэтому решение вопроса об организации судебной власти было делегировано правительству. Полагаем, что это не в последнюю очередь связано с авторитетом А.Ф. Керенского. Именно им в период управления морским министерством этот вопрос и был решен.

В то же время создание суда, получившего весьма широкие полномочия не только в отношении морских, но и сухопутных частей, находившихся в Финляндии, затянулось. Основной причиной следует считать противоречие, проявлявшееся еще до революции. Речь идет о необходимости офицеров-присяжных присутствовать на заседаниях, что не являлось оправданием для их отсутствия на корабле. В результате это привело к затягиванию начала работы суда.

В свою очередь, это приводило к решению дисциплинарных вопросов на уровне новых органов революционной власти (комитеты, Совет, отчасти ЦКБФ), лишая опоры и рычагов воздействия командный состав и передавая реальную власть над командами и флотом в руки этих органов, т.к. право наложения санкций является одним из признаков власти. В то же время конкретные решения дел в отношении офицеров, были предметом недовольства командного состава, что объективно вело к дальнейшему разобщению офицерства и рядового состава.

¹ Там же. Л. 63.

Королев С.А.

*Деятельность следственной комиссии Центрального комитета
Балтийского флота (май – август 1917 г.)*

Материалы следственной комиссии ЦКБФ представляют собой ценный источник, который дает большое количество различных сведений: образ матросов и офицеров, нарушивших закон; основания для вынесения решений; порядок рассмотрения вопросов, связанных с деятельностью следственной комиссии.

Создание следственной комиссии при ЦКБФ произошло на заседании 3 мая 1917 года. Непосредственным поводом стало дело капитана II ранга Г.Р. Шнакенбурга. При его рассмотрении общим собранием было принято решение набрать следственную комиссию из представителей ЦКБФ, в которую были избраны Ховрин, Магницкий и Болдырев¹.

Основная часть обращений в следственную комиссию поступала от судовых комитетов и комитетов частей, т. е. от органов самоуправления на местах. Они и составляли соответствующее, на их взгляд, представление, которое излагалось в постановлении. К обращениям могли прилагаться дополнительные документы: аттестаты, протоколы заседаний комитетов, на которых разбирались эти дела или изложения событий, которые стали причиной возбуждения дел. Единственное, что отсутствует в материалах следственной комиссии – ее протоколы, в связи с этим сложно судить, какое решение было вынесено по тому или иному обращению. В периодической печати упоминаний о работе комиссии не выявлено. Отдельно стоит сказать, что далеко не все дела, направляемые в следственную комиссию, обсуждались на заседаниях ЦКБФ.

За период с мая по август 1917 г. в материалах следственной комиссии удалось найти несколько дел, которые дают полное представление об их сути. Первое дело было посвящено отстранению капитана II ранга Г.Р. Шнакенбурга. Дело было отправлено комитетом морской команды, входившей в гарнизон о. Макилотто (Мякилуото). Матросы потребовали уволить своего командира от занимаемой должности по трем причинам. Г.Р. Шнакенбурга сочли виновным «в поддержке немцев, радости их победам и огорчениях победам русской армии, которое могло выражаться и в наказаниях команды». Также ему инкриминировалось «воспрепятствование обустройству и расширению крепости» вместе с инженером П. Линге, который также являлся немцем. В вину вменялись и работы с бетоном зимой, что, по мнению комитета, влекло его разрушение весной. В довершение для большей убедительности заявлялось, что Г.Р. Шнакенбург являлся шпионом, который открыто против команды не шел, проявляя снисходительность в наказаниях, но «хитроумием заставлял команду и рабочих страдать»². В

¹ РГАВМФ. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

² Там же.

дни революции команда была близка к расправе, но, узнав что «в свободной России нет смертной казни», попытки расправы были прекращены. При разборе дела команда просила обратить внимание на то, что Г.Р. Шнакенбург имел в составе команды информаторов, которые, помимо прочего, дарили ему подарки ради получения надбавок. Кроме того, к обращению были приложены протоколы допросов рабочих острова, которые подтверждали самоуправство Шнакенбурга¹.

На заседании Центробалта 4 мая 1917 г. было поднято два вопроса, направленных в следственную секцию: дело лейтенанта С.С. Хвитского и некое секретное письмо команды линейного корабля «Слава». Однако, упоминаний этих дел в архиве следственной комиссии не обнаружено.

13 июля 1917 г. было получено обращение с миноносца «Стройный». Команда требовала срочного списания мичмана Ауэрбаха, назначенного приказом начальника Дивизии сторожевых кораблей от 20 июня 1917 г. «ввиду его неблагонадежности, грубого отношения к команде и аттестация»². К этому обращению было приложена копия отношения судового комитета канонерской лодки «Грозящий», из которой следует, что мичман был списан командой «Грозящего» 5 марта по причине его контрреволюционных взглядов, которые выразились в приказе направить пулемет в сторону команды для усмирения. В отношении не было указано, на что ссылался комитет канонерской лодки, при вынесении решения о списании мичмана с корабля, однако формулировка «по желанию команды» позволяет предположить, что инициатором стало собрание экипажа. Отсутствие ссылки на тот или иной закон или постановление, как Временного правительства, так и дореволюционных уставов, которые, впрочем, вряд ли могли установить наказание для контрреволюционера, оставляет открытым вопрос о том, на основании чего было вынесено решение о списании мичмана. Комитет «Стройного», однако, при вынесении решения сослался на постановление Центрального комитета Балтийского флота от 21 мая 1917 года № 18, в котором значилось, что все постановления Центрального комитета, вынесенные в согласии с командующим флота, имеют силу приказов. Как и в предыдущем случае, важным элементом характеристики офицера была связь его «неблагонадежности» для революции с «грубым отношением к команде «Стройного» и с «безмерной дисциплинарной строгостью, доходящей до издевательства» в отношении экипажа «Грозящего»³.

Следующее обращение в следственную комиссию поступило от судового комитета канонерской лодки «Храбрый» 3 августа. В телеграмме значилось, что сигнальщик В.А. Киселев был списан в распоряжение ЦКБФ по причине «неисправного поведения»⁴.

¹ Там же.

² Там же. Д. 34. Л. 1. Аттестаты составлялись для личного состава при необходимости и содержали наиболее важные события в ходе службы аттестуемого, а также характеристику с прошлого места службы.

³ РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 7.

Само «неисправное поведение» заключалось в том, что сигнальщик, получив жалование, сошел на берег. Вернулся на судно в 10 часов вечера выпивший. Через некоторое время В.А. Киселев захотел вновь сойти, забыв про постановление, принятое на заседании комитета, которое запрещало кому-либо сходить на берег в состоянии опьянения. Это, однако, его не остановило, и Киселев стал угрожать вахтенному и часовому ножом, пока они, в свою очередь, не пригрозили ему револьвером. Но и после этого в течение 2,5 часов, матрос «ругал» членов комитета и часового, ударил проходившего мимо матроса, разбудил остальных членов команды. Т.к. инструкции о действиях в таком случае не были выработаны, комитет ограничился устным предупреждением. Это, впрочем, ненадолго успокоило дебошира, и в 1:30, воспользовавшись общей усталостью команды, вызванной его действиями, В.А. Киселев скрылся с корабля¹.

Явился сигнальщик на следующий день в 9:30 утра. В 11:00 на общем построении было вынесено решение о том, что он не соответствует общему моральному облику команды и должен быть списан в распоряжение ЦКБФ. Важно отметить, что ему было запрещено сходить на берег. Однако в тот же вечер, при спуске флага, воспользовавшись столпотворением на берегу, сигнальщик спрыгнул с парапета и скрылся в толпе. Вернулся он лишь утром следующего дня².

В этот день В.А. Киселев должен был быть отправлен в распоряжение ЦКБФ, но вместо этого, отказавшись отправиться, начал требовать дежега финансовых сумм. Успокоился он только после угрозы члена судового комитета применить оружие³.

Постановлением Центробалта его включили его на порцию до особого распоряжения. Санкции комитет так и не вынес. При этом параллельно революционные органы власти пытались ужесточить борьбу с пьянством в этот период. Так, постановлением общего собрания Гельсингфорского совета, напечатанном в «Известиях» от 8 июля 1917 г., говорилось о том, что необходимо ужесточить наказание за пьянство в армии и флоте, вплоть до немедленной отправки провинившихся в окопы.

Еще одно не менее интересное дело было принято следственной комиссией 8 августа, когда пришла телеграмма от артиллеристского комитета Або-Оландской укрепленной позиции. Это дело выделяется на фоне других тем, что предлагает две точки зрения. Первая отражена в аттестате № 63 от 9 июля 1917 г., в котором излагается прошение командира роты Самовича о списании его с занимаемой должности по причине того, что он не может их исполнять за «неимением знаний в управлении артиллерийской батареей»⁴. При этом отношения с командой характеризовались со слов офицеров как хорошие.

¹ Там же.

² Там же. Л. 8.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 12.

В аттестате, подготовленном комитетом, личность Самовича представляла в совершенно ином свете. С первых слов отмечались постоянные злоупотребления должностными обязанностями, «перегибы» и угрозы в адрес команды «столыпинскими галстуками». Упоминалось и о монархизме командира роты. В частности сообщалось о том, что Самович неоднократно вспоминал о своих действиях во время событий 1905 г. и расстреле моряков Свеаборгского порта и вспоминал с гордостью. После революционных событий в Петрограде, якобы, имел телефонный разговор с неким подпоручиком Сазоновым, в котором выражал ненависть к противникам власти. Ненависть эта была, по мнению авторов аттестата, высказана на словах. Было заявлено, что противников действующей власти необходимо поставить к стене под расстрел, а расстреливать должны матросы. При отказе матросов осуществлять распоряжение их тоже следовало расстрелять. Что же касается «контрреволюции делом», то она выразилась в том, что Самович послал матроса идти пешком за манифестом об отречении Николая II при наличии в роте двух здоровых лошадей, однако, дожидаться возвращения не стал и бежал в 3-ю роту¹.

Еще один примечательный момент в данном деле – путь, который оно прошло. Изначально обращение было отправлено в ЦКБФ первого созыва, т. е. в мае 1917 г., но более о нем сведений не было. Секция охраны народной свободы Гельсингфорского совета депутатов армии и флота и рабочих в свое распоряжение дело не получала. И в начале августа оно вновь оказалось в следственной комиссии Центробалта.

21 августа в следственную комиссию поступило дело от Местного флотского комитета г. Ревеля. Оно касалось матроса Незамайкина и его действий в период с 9 по 23 июня 1917 г., за которые был списан в распоряжение ЦКБФ. Действия, которые привели к такому решению, объяснялись достаточно лаконично. Где находился Незамайкин с 9 июня, т. е. с момента ухода с корабля – неизвестно, а найден он был 23 июня под арестом после того, как был пойман полицией в пьяном виде².

Последнее дело этого периода было получено 25 августа от команды заградителя «Шексена». Это обращение было отправлено с просьбой о смене командира, подпоручика Кузнецова, от самой команды, чем несколько и выделяется из остальных дел. Говоря о причинах, вызвавших такие меры, стоит обратиться к прилагаемой объяснительной записке. Команда жаловалась, что Кузнецов не обращал никакого внимания на постановление судового комитета и, более того, не признает его в принципе. Помимо этого, не прислушивается подпоручик и к просьбам команды. Доходило до того, что отсутствие внимание к просьбам команды приводило к невозможности выполнения его же приказов. В качестве примера команда привела ситуацию, когда был отдан приказ о перегрузке патронов с одного судна на другое при том условии, что положение одного из кораблей делало физически

¹ Там же. Л. 14.

² Там же. Л. 24

невозможным выполнение приказа. На просьбу команды изменить положение судна, Кузнецов ответил отказом.

Кроме того, не смотря на постановление комитета от 16 августа о том, что уходить с корабля можно только при наличии специального билета, Кузнецов ушел без него. На замечание ответил, что ему от непосредственного руководства таких распоряжений не было, а, значит, подчиняться этому требованию он не будет¹. Также 20 августа, когда команда получила известие о возможности приобретения резиновой обуви, командир не подписал соответствующего прошения².

Подводя итог, стоит сразу отметить, что постановлений следственной комиссии по всем перечисленным делам обнаружить на данный момент не удалось. Можно допустить, что в них не было главного – наказаний за изложенные проступки и преступления. Объяснить это можно тем, что следственная комиссия, как это следует из ее названия, не имела подобного права. Остается загадкой в этом случае, куда же направлялись те, кто фигурировали в этих делах, где и как они содержались.

Возвращаясь к образу матросов и офицеров, преступивших закон, наиболее ярко выделяются две черты. Для матроса – неумеренное потребление алкоголя, что влекло за собой достаточно серьезное наказание уже на уровне местных комитетов, которые настаивали на их списании, как «несоответствующих моральному облику команды». Что касается представителей офицерского состава, то на первый план выдвигалось жестокое обращение с подчиненными. А оно воспринималось однозначно как проявление контрреволюционности, что характеризует отношение нижних чинов к дисциплинарным нормам прошлого. К этому же в качестве аргумента добавлялись и другие элементы контрреволюционности: непризнание революционных органов власти, словесное оскорбление революции и принуждение к контрреволюционным действиям через приказы. В некоторых случаях к этому добавлялись и подозрения в шпионаже.

Мусаев В.И.

Большевицкая революция в России и независимость Финляндии

После Февральской революции в России в Финляндии усилилось движение в сторону достижения полной независимости. Пришедшее к власти в России Временное правительство, однако, не было готово полностью отказаться от суверенитета над Финляндией, стремясь сохранить за собой хотя бы военные и внешнеполитические вопросы. После июльского кризиса в России, в результате которого было подавлено выступление левых радикалов, Временное правительство решилось на жесткие действия и в Финлян-

¹ Там же. Л. 28.

² Там же. Л. 29.

дии: 18 (31) июля им был издан манифест о роспуске финляндского парламента и назначении новых выборов на 18 – 19 сентября (1 – 2 октября)¹. В то же время, правительство А.Ф. Керенского, стремясь избежать явного конфликта в отношениях с Финляндией, пошло на некоторые уступки, которые были изложены в его открытом послании от 30 августа (12 сентября). Ряд вопросов, подлежавших ранее полномочиям центра, передавались на окончательное решение Сената. Прерогативами верховной российской власти оставались, однако, созыв и роспуск парламента, назначение генерал-губернатора, министра статс-секретаря, председателя, членов и прокуроров Сената. Между тем, после официального провозглашение России республикой 2 (15) сентября в Финляндии стали усиливаться настроения в поддержку того, что связь между Финляндией и Россией более не имеет законных оснований, и Финляндии нужно достичь полной независимости².

Согласно опубликованному 30 сентября (13 октября) правительственному распоряжению, созыв нового парламента намечался на 19 октября (1 ноября). В октябре прошли анонсированные ранее парламентские выборы. Участие избирателей было более активным, превысив предыдущие выборы на 200 000 голосов. Выборы принесли успех буржуазным партиям, которые получили 108 мест, тогда как представительство социалистов снизилось с 103 до 92 мест (старофинны получили 32 места, аграрии – 26, младофинны – 24 и шведы – 21)³. Социал-демократы, недовольные положением дел, устали от выборов председателя парламента и его заместителей. В результате председателем был избран младофинн Й. Лундсон, заместителями – старофинн Л. Ингман и аграрий С. Алкио⁴.

В условиях обострения социально-политических противоречий умеренные силы в Финляндии были заинтересованы в достижении компромисса с центральной властью. Новый революционный подъем в России к началу осени 1917 г. побуждал Временное правительство, в свою очередь, к стремлению укрепить свое положение, в том числе заручиться поддержкой в Финляндии.

Еще до открытия сессии парламента возобновились переговоры о взаимоотношениях Финляндии с Россией. Самое активное участие в них принимали генерал-губернатор Н.В. Некрасов и министр статс-секретарь К. Энкель. 2 (15) и 3 (16) октября состоялось первое совещание представителей Временного правительства и финляндских сенаторов. 9 (22) октября на заседании Сената были рассмотрены два документа, разработанные кон-

¹ Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917 – 1920. I. Helmikuu 1917 – toukokuu 1918. Porvoo; Helsinki, 1967. S. 93. Некоторые авторы связывают проявленную здесь жесткость со стремлением правительства не упустить окончательно из-под контроля ситуацию на окраинах после уступок, сделанных на Украине (см.: Афанасьев И.Л. Проблема двоевластия и национальные движения на Украине и в Закавказье // Анатолия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 329).

² Juva E. W. P. E. Svinhufvud. II. 1917 – 1944. Porvoo; Helsinki, 1961. S. 56 – 57.

³ Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. I. S. 98.

⁴ Juva E. W., Juva M. Suomen kansan historia. 5. Tie itsenäisyyteen ja itsenäisyyden aika. Helsinki, 1967. S. 142.

ституционной комиссией парламента и Департаментом юстиции Сената: «Проект закона о правовых отношениях России и Финляндии» и «Проект формы правления Финляндии». Предполагалось их утверждение Учредительным собранием. К. Энкель на встрече с А.Ф. Керенским 20 октября (2 ноября) предложил передать прежние императорские полномочия в Финляндии избранному парламентом «регенту» (фин. valtionhoitaja, шв. riksföreståndare). Керенский отнесся к этой идее неодобрительно. В Петрограде по-прежнему держались той точки зрения, что именно верховной власти в России надлежит утверждать форму правления, созывать и распускать парламент в Финляндии¹.

Переговоры продолжились с финляндским генерал-губернатором Н.В. Некрасовым (назначенным этот пост в сентябре) в Гельсингфорсе. В конце концов, удалось достичь компромисса: Временное правительство отказывалось от своей административной власти и своим манифестом передавало ее, с некоторыми оговорками, Сенату. Это не касалось внешней политики, Финляндия также не могла в одностороннем порядке вносить изменения в военное законодательство. Должность генерал-губернатора и его канцелярия упразднились. Это решение, однако, оказалось запоздалым. Вечером 25 октября (7 ноября) Некрасов и Энкель отправились ночным поездом в Петроград, чтобы представить решение вопроса на окончательное утверждение правительства. Следующим утром, прибыв на станцию Белоостров, они узнали о том, что Временное правительство изложено². На следующий день Некрасов, перед тем, как перейти на нелегальное положение, успел отправить телеграмму в адрес главы буржуазной фракции финляндского Сената Э.Н. Сетяля с рекомендацией действовать на свою ответственность. Это было последнее указание, посланное в Финляндию от имени большевистской российской власти. Тогда же объявил о прекращении своих полномочий помощник генерал-губернатора С. А. Корф³.

События в России, безусловно, повлияли на финских левых социал-демократов. Уже в октябре среди них шли дискуссии о возможности использования вооруженной силы для отстаивания своих политических целей. Областной комитет 18 (5) октября решил принять меры для обеспечения финляндских трудящихся оружием, которое планировалось добыть с оружейных заводов в Туле и Сестрорецке. Полного единства мнений тогда еще не было. Одни, в частности, О. Токой, Ю. Сирола и К. Маннер склонялись к идее использования силы, тогда как другие продолжали настаивать, что парламентские способы борьбы еще не исчерпали себя. К примеру, О. В. Куусинен и Э. Валлас пока еще опасались вооруженного конфликта. Схожую позицию занимали Э. Салин и Э. Гюллинг; последний считал тогда, что силовые действия слишком тесно свяжут финских левых с российской революцией, перспективы которой выглядели неясными⁴.

¹ Paasivirta J. Suomen itsenäisyyskysymys 1917. II. Porvoo, 1949. S. 76 – 82.

² Enckell C. Poliittiset muistelmani. I. Helsinki, 1956. S. 108 – 114.

³ Smith C. J. Finland and the Russian Revolution 1918 – 1922. Athens, GA, 1957. P. 24.

⁴ Paasivirta J. Suomen itsenäisyyskysymys 1917. II. S. 129 – 130.

26 октября (8 ноября) в помещении Гельсингфорского совета состоялось совещание, в котором участвовали российские большевики П.Е. Дыбенко, И.Т. Смилга, А.Л. Шейнман и Ю. Рахья и финские левые социал-демократы, среди которых были, в частности, К. Маннер, О.В. Куусинен, Э. Гюллинг, М. Туркия, К.Х. Виик. На следующий день партийные и профсоюзные лидеры и руководители красной гвардии приняли решение об образовании, по российскому образцу, «Центрального революционного совета» (Vallankumouksellinen keskusneuvosto) в составе 35 человек. Планировалось под его эгидой организовать окружные и местные советы. Целью было распустить «незаконный» парламент и вместо него создать старый парламент под председательством К. Маннера, который назначит «красный Сенат». Составленная еще в октябре программа «Мы требуем» («Me vaadimme») содержала требования одобрить закон о власти, обновить местное законодательство и ввести восьмичасовой рабочий день, а также добиваться путем переговоров признания Россией внутренней самостоятельности Финляндии. К этой программе 12 ноября (30 октября) присоединился проходивший в Гельсингфорсе профсоюзный съезд. Поскольку буржуазное большинство парламента не одобрило программу, Центральный революционный совет оказал поддержку Финляндской профессиональной организации, и в итоге в ночь на 14 (1) ноября 1917 г. в стране была объявлена всеобщая стачка¹.

К решительным действиям социал-демократов побуждали и из Петрограда. 27 октября (9 ноября) К.Х. Виик получил ленинское письмо с рекомендацией выступить. 29 октября (11 ноября) вождь революции отправил в Гельсингфорс «Письмо финским товарищам», в котором выражал уверенность, что «большой организаторский талант финских рабочих их высокое развитие и длительная политическая школа демократических учреждений поможет им успешно осуществить социалистическую реорганизацию Финляндии»². Ю. Сиrola и Э. Хуттунен 30 октября (12 ноября) отправились в Петроград, чтобы прояснить положение в России. Оно, однако, оставалось неясным, поскольку Керенский не был еще окончательно побежден. Для Ленина в тот момент было самым важным, чтобы финны постарались воспрепятствовать движению контрреволюционных сил на Петроград, так как он опасался антибольшевистского настроения части войск, дислоцированных в Финляндии. Если социалисты возьмут власть в Финляндии, Ленин обещал им поддержку. Он затрагивал вопрос о всеобщей стачке как о средстве заблокировать сообщение между Финляндией и Россией³.

События в России побудили к активным действиям и буржуазный блок. 8 ноября (26 октября) был созван парламент, на заседании которого председатель констатировал низложение Временного правительства и в создавшихся условиях предложил, на основании § 38 формы правления 1772 г., назначить «регентский совет» (valtionhoitajakunta), который должен был

¹ Lappalainen J. T. Itsenäisen Suomen synty. Jyväskylä, 1967. S. 64 – 65.

² Ленин В.И. ПСС. М., 1974. Т. 35. С. 90.

³ Salomaa E. Yrjö Sirola sosialistinen humanisti. Helsinki, 1966. S. 208 – 209.

временно осуществлять полномочия бывшего великого князя. На следующий день парламент принял решение об избрании такого совета в составе трех членов. В этот «триумвират» намечались сперва П.Э. Свинхувуд, О. Токой и С. Алкио, затем, после отказа социал-демократов и самоустранения аграриев, двух последних заменили Ю.К. Паасикиви и А. Грипенберг. Выборы в регентский совет, однако, так и не были проведены¹. После начала всеобщей стачки, 15 (2) ноября, правые депутаты парламента предложили, чтобы прежние прерогативы царя перешли к финляндскому правительству. При голосовании предложение получило поддержку: «за» было подано 127 голосов, «против» – 68. В итоге парламент объявил себя преемником государственных прерогатив и носителем верховной власти в Финляндии. Продолжив заседание в ночь на 16 (3) ноября, парламент решил подтвердить коммунальные законы, а также закон о восьмичасовом рабочем дне, на котором настаивали социал-демократы, так, чтобы они вступили в силу 1 января 1918 г. (н. ст.)².

Затем К. Маннер и Ю. Сирола рано утром 16 (3) ноября переместились с этого заседания на собрание Центрального революционного совета, где обсуждались дальнейшие действия. Член профессионального объединения Ю. Лумивуокко предложил немедленно взять власть, однако большинство все же отказались. Также партийная парламентская группа потребовала 44 голосами против 33 формирования в парламенте законного правительства. Эта позиция была одобрена 18 (5) ноября также в Центральном революционном совете: количество голосов, поданных «за» и «против», было равным, но решающим оказался голос председателя К. Маннера. Был поставлен вопрос о формировании чисто социалистического правительства, однако большинство склонялись к тому, чтобы было сформировано коалиционное правительство. Это предложение и было одобрено. После этого было принято решение об окончании всеобщей стачки, которая завершилась 20 (7) числа³.

Всеобщая стачка в Финляндии продлилась, таким образом, всего неделю, однако жизнь в стране за это время оказалась почти парализованной. Предприятия останавливались, закрывались магазины, не выходили газеты, не ходили поезда. Было прервано транспортное сообщение с Россией и Швецией. Все активнее проявляла себя красная гвардия, сформировавшая «Комитет общественного порядка». Однако сами же красногвардейцы этот порядок нередко нарушали: занимались конфискациями, захватывали некоторые здания (в частности, группой вооруженных гвардейцев был захвачен летний ресторан «Кайвохуоне»), арестовывали тех, кого считали «контрреволюционерами». Аресту подверглись, в частности, губернатор столичной провинции Уусимаа (Нюланд) Б. Яландер, будущий министр внутренних дел независимой Финляндии, губернатор провинции Турку–Пори (Або–Бьернеборг) К. Коллан, бывший сенатор А. Серлахиус. Всего же был аре-

¹ Juva E. W., Juva M. Suomen kansan historia. 5. S. 146.

² Paasivirta J. Suomen itsenäisyyskysymys 1917. II. S. 130.

³ Uitto A. Suomensöjä Otto Wille Kuusinen. Juva, 2013. S. 27 – 28.

стован 281 человек, из которых, впрочем, 268 из них, согласившиеся подписать обязательство не участвовать в борьбе против рабочего класса, вскоре были отпущены (Яландер и Серлахиус были среди тех, кто отказался подписать такое обязательство). Поддержку финским красногвардейцам подчас оказывали русские военнослужащие, в особенности в том, что касалось снабжения оружием¹.

В новой ситуации неизбежной была смена правительства. Сенат Э.Н. Сетяля еще до окончания всеобщей стачки ушел в отставку (сам Сетяля при этом в своем офисе подвергался угрозам со стороны вооруженных красногвардейцев). От формирования регентского совета, по предложению С. Алкио, было окончательно решено отказаться. 17 (4) ноября буржуазное парламентское большинство предложило П.Э. Свинхувуду сформировать новое правительство. Свинхувуд обратился к К. Маннеру и О. Токою с предложением о формировании коалиционного Сената, подобного мартовскому. Упомянутые деятели, однако, в отличие от некоторых своих однопартийцев, к тому времени склонялись в пользу формирования однородного социалистического правительства, и переговоры ни к чему не привели. Буржуазные парламентарии взяли инициативу в свои руки. 24 (11) ноября парламент были представлены два правительственных списка. 27 (14) ноября парламент большинством в 100 голосов против 80 проголосовал за список членов Сената во главе с П.Э. Свинхувудом, в состав которого входили исключительно представители буржуазных фракций. Членами этого «Сената независимости», помимо самого П.Э. Свинхувуда, стали К. Энкель, О. Талас, А. Кастрен, Я. Кастрен, Ю. Араярви, Х. Ренвальд, Э.Н. Сетяля, К. Каллио и О.В. Лоухивуори². Это был первый финляндский Сенат, который не был назначен российскими властями. П.Э. Свинхувуд, представляя программу действий правительства, заявил, что послереволюционное российское правительство оказалось неспособным поддерживать стабильную государственную власть, и «поэтому финляндский народ имеет и право, и обязанность взять свою судьбу в собственные руки»³.

В эти же дни, 25 – 27 (12 – 14) ноября проходил чрезвычайный съезд СДПФ, одной из основных задач которого было преодоление внутрипартийных разногласий по важнейшим теоретическим и практическим вопросам. В качестве представителя РСДРП (б) на съезде присутствовал комиссар по делам национальностей И.В. Сталин. Он передал съезду приветствие от имени своей партии и сообщил, что В. И. Ленин надеется, что финляндские социал-демократы смело возьмут власть. Ленин также обещал финляндским революционерам братскую помощь. Так хотели закрепить достижения российского октября и содействовать делу международной социалистической революции. С докладом по текущему моменту выступил О.В. Куусинен. За его докладом последовала двухдневная дискуссия, в ходе которой выступали как сторонники захвата власти, так и противники. К первым принадлежа-

¹ Upton A. F. Vallankumous Suomessa 1917 – 1918. Helsinki, 1980. S. 303 – 306.

² Smith C. J. Finland and the Russian Revolution. P. 27 – 28.

³ Juva E. W. P. E. Svinhufvud. II. S. 71 – 72.

ли, в частности, К. Маннер, Ю. Сирола, Э. Хаапалайнен, А. Аалтонен. За парламентское решение высказывались, не только умеренные социал-демократы, такие как В. Таннер, Э. Салин, С. Хейкиля, А. Хуугари, Т. Тайнио, но и, в числе прочих, будущие лидеры «красных» Э. Гюллинг и К.Х. Виик. О.В. Куусинен, по своему обыкновению, занимал осторожную позицию. Сторонники переворота остались в итоге в меньшинстве, ибо при голосовании умеренные победили 59 голосами против 43. Пункт о вооруженной борьбе все же был включен в постановление съезда, но в очень осторожной формулировке: право рабочих на вооруженную борьбу признавалось лишь в исключительных случаях как ответ на насильственные действия врагов¹.

Политическая ситуация в Финляндии в последние месяцы 1917 г., таким образом, складывалась так, что все политические течения в стране были едины в стремлении к независимости, однако способ ее достижения виделся по-разному. В новой ситуации, после свержения Временного правительства и установления советской власти в России, инициатива в политике независимости перешла от социал-демократов к буржуазным партиям, которые теперь как можно скорее хотели отделить Финляндию от большевистской России. Если социал-демократы считали, что Финляндия должна получить независимость от нового российского правительства, буржуазные политики добивались признания независимости на Западе. При этом последние все больше склонялись к поиску поддержки от Германии. Другой тенденцией развития политической ситуации накануне провозглашения независимости было резкое углубление внутренних социально-политических противоречий².

Германская ориентация была характерна для финских активистов-сепаратистов еще с первых месяцев мировой войны. Они активно контактировали с немецкими военными и политиками. Финляндцы были представлены в действовавшей под эгидой Германии «Лиге инородцев России» («Die Liga der Fremdvölker Russlands»). Контакты продолжались и в 1917 г. В августе генерал-квартирмейстер Э. Людендорф на совещании в генштабе впервые принципиально допустил отправку немецких войск в Финляндию, если ситуация на Восточном фронте и внутреннее положение в Финляндии этого потребуют³. Для германского руководства, в первую очередь для Верховного командования армии (Oberste Heeresleitung), Финляндия представляла несомненный интерес. С ее территории можно было угрожать Петрограду с севера и иметь в пределах досягаемости Мурманскую железную дорогу. К тому же на Финляндию можно было бы рассчитывать как на источник сы-

¹ Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917 – 1920. I. S. 128 – 129.

² Хентия С. От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917 – 1944 // Юссила О., Хентия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М., 1998. С. 109.

³ Lappalainen J. T. Itsenäisen Suomen synty. S. 77.

рья. Германское министерство иностранных дел (Auswärtiges Amt) в то время занимало в финляндском вопросе более сдержанную позицию¹.

Э. Ельт в сентябре совершил поездку в Германию, в ходе которой встречался, в частности, с функционерами германского МИДа. В ноябре Ельт и барон А. фон Бонсдорф снова были в Берлине. 26 ноября (н. ст.) они были приняты в германской ставке и встречались с генералом Э. Людендорфом. Финляндские делегаты представили меморандум, в одном из пунктов которого было записано, что Финляндия должна безусловно добиться независимости от России и построить самостоятельное государство, причем «это может быть достигнуто только при прямой или косвенной поддержке со стороны Германии». Людендорф выразил согласие с тем, что финляндское правительство должно как можно скорее объявить независимость страны. На переговорах обсуждался, в частности, вопрос о возможном занятии немецкими войсками Аландских островов. Людендорф на тот момент открыто еще не поддерживал эту идею².

Тем временем, новый Сенат, ободренный известиями о благожелательном отношении Германии и Швеции, в конце ноября – начале декабря пришел к заключению, что не следует медлить с провозглашением независимости. Э. Ельт в своих воспоминаниях высказывал мнение, что новости о результатах его переговоров с немцами повлияли на последующие действия Сената³. При этом было решено обойтись без согласия Советской России. 4 декабря (21 ноября) 1917 г. Сенат представил в парламент декларацию о независимости Финляндии. Для рассмотрения вопроса о провозглашении независимости парламент собрался 6 декабря (23 ноября). Помимо сенатского проекта декларации, были представлены еще два контрпроекта: предложение пяти буржуазных фракций, которое почти не отличалось по своему содержанию от предложенного проекта, и предложение социал-демократов, авторство которого принадлежало преимущественно Э. Валпасу. Это предложение связывало обретение Финляндией независимости с учреждением финляндско-русской совещательной комиссии, которая должна была выработать предложения по урегулированию отношений Финляндии с Россией. При голосовании буржуазный проект декларации был одобрен большинством в 100 голосов против 88⁴. Именно день 6 декабря 1917 г. стал в дальнейшем официально считаться Днем независимости Финляндии (впервые он отмечался в этом качестве два года спустя).

Для обеспечения независимости требовалось теперь добиться международного признания. П.Э. Свинхувуд 5 декабря подписал телеграммы к правительствам Швеции, Норвегии, Дании, Германии, Франции Великобри-

¹ Polvinen T. Lokakuun vallankumous ja Suomen itsenäistyminen // Historiallinen Arkisto. 75. S. 118 – 119.

² Hjelt E. Från händelserika år. Upplevelser och minnen. II. Från krigsåren och vistelsen i Tyskland. Helsingfors, 1920. S. 56 – 61.

³ Ibid. S. 61.

⁴ Ketola E. Kansalliseen kansanvaltaan. Suomen sosialidemokraatit ja Venäjän vallankumous 1917. Helsinki, 1987. S. 392 – 401.

тании и США с ходатайством о признании независимости Финляндии¹. Обращаясь к российскому советскому правительству поначалу не планировалось: имелось намерение получить признание независимости на Западе и поставить новую власть в России перед свершившимся фактом. Были и такие, которые верили, что большевистская власть в России скоро падет, и призывали Финляндию к участию в «победоносном» походе для ее свержения². Западные державы, однако, не были готовы признать Финляндию до того, как это сделает Россия. В частности, 8 декабря сенатор Ю.К. Паасикиви в Стокгольме попытался выяснить точку зрения шведского правительства на предмет признания финляндской независимости. Шведы дали понять, что они могут пойти на это только после того, как положительное решение по этому вопросу будет принято руководством России. Шведское руководство, кроме того, действовало с оглядкой на позицию Германии³.

20 ноября (3 декабря) в Брест-Литовске начались советско-германские мирные переговоры, и 2 (15) декабря было подписано перемирие. Немцам важно было сохранить его, чтобы обеспечить спокойствие на Восточном фронте, поэтому они не были склонны принимать решения по финляндскому вопросу без его согласования с Советской Россией. Э. Ельту, прибывшему из Берлина в Стокгольм 17 декабря, германский посланник Х.Э. Люциус 23 (10) декабря сообщил, что глава советской делегации на брестских переговорах Л.Д. Троцкий высказывался в том смысле, что советское правительство готово признать независимость Финляндии, если к нему будет обращена соответствующая просьба. Ельт немедленно отправил рапорт об этом Свинхувуду⁴. Что касается держав Антанты, то их послы в Петрограде общались с финляндским представителем Р. Холсти и сообщили ему, что их правительства не могут взять на себя ответственность по признанию независимости Финляндии, и что финляндцам следует обратиться за признанием к российскому Учредительному собранию, созыв которого ожидается в январе 1918 г. Такую же выжидательную позицию заняли скандинавские государства⁵.

Ситуация диктовала необходимость установления контактов с советским руководством, и это стало очевидно не только для социал-демократов, но и для деятелей буржуазного блока, как бы негативно они к этому ни относились. Делегация социалистов, в которую входили Э. Хуттунен, К. Маннер и Э. Салин, отправилась в Петроград вскоре после акта 6 декабря. 26 ноября (9 декабря) они встречались с В. И. Лениным и И.В. Сталиным. Советские лидеры заверили, что Совет народных комиссаров благожелательно отнесется к вопросу о признании независимости Финляндии, и порекомендовали обратиться к нему с официальным ходатайством. Затем, 29 ноября

¹ Juva E. W. P. E. Svinhufvud. II. S. 86.

² Kilpi S.-K. Lenin ja suomalaiset. Helsinki, 1957. S. 108.

³ Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. Porvoo; Helsinki, 1957. S. 15 – 16.

⁴ Hjelt E. Från händelserika år. II. S. 65.

⁵ Smith C. J. Finland and the Russian Revolution. P. 31.

(12 декабря) в Петроград прибыла делегация буржуазного блока (С. Алкио, Р. Холсти, А. Фуруельм, Х. Раутапяя, К.Г. Идман). В российской столице они общались, однако, только с представителями партий эсеров и меньшевиков. Меньшевики обещали поддержать независимость Финляндии в Учредительном собрании, тогда как эсеры, имевшие в будущем собрании наибольшее представительство, давали уклончивые ответы. Члены делегации также разыскали бывшего генерал-губернатора Н.В. Некрасова, скрывавшегося на частной квартире, и зачитали ему декларацию парламента о независимости; со Смольным же они не вступали в контакт¹.

Сенат не предпринимал каких-либо действий до Рождества (25 декабря н. ст.), рассчитывая дождаться созыва Учредительного собрания, на выборах в которое большевики проиграли и остались в меньшинстве. 22 (9) декабря парламент единогласно утвердил обращение к российскому Учредительному собранию, и К. Энкель взялся за проверку русского текста обращения². Однако руководящие круги европейских держав настоятельно советовали финляндцам обратиться за признанием к Совету народных комиссаров, поскольку большевики на тот момент были в России единственной реальной властью, с которой можно было иметь дело и заключать какие-либо договоры. В частности, 27 декабря финляндские представители Э. Ельт, Р. Эрих и С. Сарю в Берлине получили такую рекомендацию от германского государственного канцлера, графа Г. фон Хертлинга. В тот же день финляндская делегация представила шведскому правительству официальное ходатайство о признании независимости. На следующий день делегацию принял король Густав V, который заявил, что Швеция самым благосклонным образом относится к этому ходатайству, однако положительный ответ можно ожидать при согласии российского правительства³. После Рождества финляндское политическое руководство склонилось, наконец, к тому, чтобы договариваться о признании независимости именно с советским правительством⁴.

14 (27) декабря Сенат решил послать в Петроград К. Энкеля и К.Г. Идмана, занимавшего пост помощника министра статс-секретаря, для выяснения позиции советского правительства. До того, как в Петроград отправились представители Сената, в российскую столицу в очередной раз прибыла социал-демократическая делегация в составе К. Маннера, Э. Гюллинга и К.Х. Виика. В тот же день они встретились с В.И. Лениным и представили ему составленное от имени партийного комитета пространное письмо с просьбой о признании независимости Финляндии. Указывая, что признание независимости Финляндии будет иметь большое международное значение, авторы письма отмечали: «Таким способом Вы также вырвете из рук финляндских националистов их главное оружие и вдохнете в финляндский ра-

¹ Paasivirta J. Suomi vuonna 1918. Porvoo; Helsinki, 1957. S. 31; Upton A. F. Vallankumous Suomessa. S. 365.

² Enckell C. Poliittiset muistelmani. I. S. 165.

³ Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. S. 31, 50; Upton A.F. Vallankumous Suomessa. S. 376.

⁴ Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917 – 1920. I. S. 178.

бочий класс все растущую уверенность в борьбе и дух борьбы»¹. Ленин выразил удивление тем, что финляндские рабочие не осуществляют революцию, имея на руках все козыри, но все же обещал поддержать в Совнарком просьбу о признании независимости Финляндии, полагая, что это подтолкнет трудящихся Финляндии к революции². Как вспоминал К. Маннер, Ленин сказал ему и его спутникам: «Разумеется, Финляндия будет самостоятельной. Мы, большевики, не противимся этому, а, как вам известно, делаем все, чтобы помочь вам»³. На следующий день с делегатами встретился Л.Д. Троцкий, который резко упрекнул финляндских левых за нерешительность (тот же Маннер писал: «С уст тов. Троцкого, как удар тяжелого молота, слетело: “Вовеки не забудется то, что вы не захватили власть в свои руки в ноябре”»)⁴. ЦК большевистской партии в принципе признал независимость Финляндии уже 15 (28) декабря⁵.

В тот же день К. Энкель и К.Г. Идман прибыли в Петроград, где, при содействии И.Т. Смилги, им была организована в Смольном встреча с В.И. Лениным. Энкель изложил причины обращения к советскому правительству, заявив, что сроки созыва Учредительного собрания, к которому Сенат первоначально намеревался обратиться, не вполне ясны, не совсем понятна также его правоспособность. Как явствует из воспоминаний Идмана, Ленин заметил, что Учредительное собрание скоро соберется, однако Сенат должен решить, к кому обращаться. Если он обратится к Совнаркому, тот, несомненно, сразу признает независимость Финляндии, и это решение будет утверждено и ВЦИКом⁶. После этого Энкель и Идман поспешили в Гельсингфорс, куда прибыли утром 29 (16) декабря, чтобы сообщить в Сенате о положении дел. Было срочно составлено требуемое официальное обращение о признании независимости. Вечером того же дня финляндская делегация отправилась в Петроград. К. Энкель и К.Г. Идман поехали снова, и вместе с ними в этот раз отправился председатель Сената П.Э. Свинхувуд⁷.

Делегаты прибыли в Смольный ближе к вечеру 17 (30) декабря. Письмо с ходатайством о признании независимости принял у них В.Д. Бонч-Бруевич, управляющий делами СНК, чтобы передать его для рассмотрения на заседании советского правительства. Финляндцам пришлось несколько часов прождать в приемной Смольного, однако в тот же день ответа они так и не дождались: Бонч-Бруевич указал им, что письмо не могло быть рассмотрено по формальным соображениям, так как оно было обозначено пометкой

¹ Сюккяйнен И.И. Революционные события 1917 – 1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962. С. 152.

² Paasivirta J. Suomi vuonna 1918. S. 32; Коронен М.М. Ленин и Финляндия. Л., 1983. С. 224 – 225.

³ Маннер К. Несколько личных воспоминаний о Ленине // Красная летопись. 1924. № 1 (10). С. 52.

⁴ Там же.

⁵ Хентила С. От обретения независимости до окончания войны-продолжения. С. 112.

⁶ Idman K.G. Maamme itsenäistymisen vuosilta. Muistelmia. Porvoo; Helsinki, 1952. S. 216 – 217.

⁷ Paasivirta J. Suomi vuonna 1918. S. 32 – 33.

«Правительству России». Эту пометку следовало сменить на «Совету народных комиссаров». Пришлось внести соответствующее изменение. 18 (31) декабря 1917 г. финляндская делегация повторно прибыла в Смольный и передала исправленный экземпляр письма. Ближе к 20 часам В.Д. Бонч-Бруевич вручил финляндским представителям документ, подписанный председателем СНК В.И. Лениным и шестью народными комиссарами¹. Документ гласил: «В ответ на обращение финляндского правительства о признании независимости Финляндской Республики Совет народных комиссаров, в полном согласии с принципами права наций на самоопределение, постановляет: Войти в Центральный Исполнительный комитет с предложением: а) признать государственную независимость Финляндской Республики и б) организовать, по соглашению с финляндским правительством, особую комиссию из представителей обеих сторон для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России»².

К.Г. Идман писал об этих событиях в своих воспоминаниях так: «Полученный нами документ был отпечатан на плотной шелковистой бумаге размером в четверть листа. Мы немного удивились, получив его, так как не ожидали, что признание так вот сразу будет вручено нам “черным по белому”. Без слов ясно, что мы испытывали большое удовлетворение и радость, получив первое признание независимости Финляндии. Исполнилось единодушное и заветное желание всего финского народа. Естественным также было то, что мы чувствовали благодарность по отношению к правительству Ленина, которое без всяких условий признало независимость нашего народа»³. После получения ответа Совнаркома члены делегации кратко пообщались с В.И. Лениным. Описание этой встречи содержится в воспоминаниях К. Энкеля: «Поблагодарив управляющего за документ, я попросил его устроить председателю финляндского правительства, который прибыл в Петроград, чтобы принять признание независимости, возможность лично поблагодарить председателя Совета народных комиссаров В.И. Ленина по случаю совершенного. Бонч-Бруевич обещал попытаться устроить дело, и через некоторое время Ленин вышел к нам из зала заседаний. Я представил ему Свинхувуда, и оба председателя правительств сердечно пожали друг другу руки. Ленин весело спросил: “Теперь Вы довольны?”, на что Свинхувуд пробормотал уверения в благодарности»⁴. Об этой встрече сам Ленин упоминал в своей речи на VIII съезде РКП (б) в марте 1918 г.: «Я очень хорошо помню сцену, когда мне пришлось в Смольном давать грамоту Свинхувуду... – представителю финляндской буржуазии, который сыграл роль палача. Он мне любезно жал руку, мы говорили комплименты. Как это было нехорошо! Но это нужно было сделать, потому что эта буржуазия обманывала».

¹ Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917 – 1920. I. S. 183 – 184.

² Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 71.

³ Idman K.G. Maamme itsenäistymisen vuosilta. S. 222.

⁴ Enckell C. Poliittiset muistelmani. I. S. 173.

вала народ, обманывала трудящиеся массы тем, что москали, шовинисты, великороссы хотят задушить финнов»¹.

П.Э. Свинхувуд в ту же ночь дополнительным поездом отбыл в Гельсингфорс, тогда как К. Энкель и К.Г. Идман остались в Петрограде еще на несколько дней в ожидании окончательного вердикта ВЦИКа. Этот вердикт последовал 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.): решение Совнаркома было утверждено, о чем председатель ВЦИК Я.М. Свердлов уведомил К. Энкеля на следующий день². На этом процесс обретения Финляндией государственного суверенитета можно было считать завершенным. Вслед за этим независимость Финляндии начали признавать европейские государства. Первыми 4 января 1918 г. это сделали Швеция и Франция (поспешность своего правительства с признанием независимости Финляндии министр иностранных дел Франции С. Пишон объяснял российскому послу В.А. Маклакову стремлением не допустить того, чтобы Финляндия попала в германскую сферу влияния). 6 января последовало признание финляндской независимости со стороны Германии (соответствующее решение было подписано кайзером также 4 января, однако немцы выжидали, по разным сведениям, то ли признания со стороны Швеции, то ли решения российского ВЦИКа)³. 10 числа о признании независимости Финляндии заявили Дания и Норвегия, на протяжении января признание было получено от Австро-Венгрии, Нидерландов, Испании, Швейцарии и других стран. Из европейских держав только Великобритания занимала выжидательную позицию: британцы не хотели принимать решение до того, как российское Учредительное собрание выскажется по финляндскому вопросу. Такой же точки зрения придерживались и США. Разгон Учредительного собрания не поколебал позиции англичан и американцев, от которых признания независимости пришлось ждать в итоге больше года⁴.

Финляндия оказалась первой из бывших национальных окраин Российской империи, сумевшей добиться формальной и фактической независимости, и единственным среди новых «окраинных» государств, которое впоследствии ни разу не утрачивало свой суверенитет. Быстрое отделение от России позволило Финляндии избежать вовлечения в долговременный социально-экономический и политический кризис, охвативший постимперское пространство после 1917 г. Однако в самой Финляндии внутренний социально-политический раскол оказался слишком сильным: обретя независимость, страна не сумела избежать собственной, хотя и непродолжительной, но ожесточенной и кровавой гражданской войны.

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 38. С. 158.

² Enckell C. Poliittiset muistelmani. I. S. 173 – 174.

³ Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. S. 54 – 55; Polvinen T. Lokakuun vallankumous ja Suomen itsenäistyminen. S. 119.

⁴ Hjelt E. Itsenäinen Suomi. Unelmasta todellisuuteen. Helsinki, 1921. S. 150; Polvinen T. Lokakuun vallankumous ja Suomen itsenäistyminen. S. 120.

Сведения об авторах

Бажанов Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Гордеев Петр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Давыдов Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Деревнина Елизавета Алексеевна – главный архивист ЦГИА СПб, выпускница аспирантуры по кафедре русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Дубровская Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Северной Европы исторического факультета Петрозаводского государственного университета, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия;

Захаров Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Златина Мария Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Иванов Андрей Александрович – доктор исторических наук, доцент кафедры Новейшей истории России Института истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Козлова Екатерина Александровна – студент 2 курса магистратуры по кафедре русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Королев Сергей Александрович – студент 3 курса ФИСН РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Лаврова Евгения Михайловна – магистр социально-экономического образования, соискатель кафедры русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Мусаев Вадим Ибрагимович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела современной истории России СПб ИИ РАН, Санкт-Петербург, Россия;

Николаев Андрей Борисович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Павленко Алексей Павлович – кандидат исторических наук, преподаватель колледжа электроэнергетики и машиностроения Института инженерно-педагогического образования Российского государственного профессионально-педагогического университета, Екатеринбург, Россия;

Румянцев Андрей Георгиевич – кандидат исторических наук, главный архивист ЦГИА СПб, Санкт-Петербург, Россия;

Соколов Арсений Владимирович – доктор исторических наук, заместитель заведующего Отделом обеспечения выставочной деятельности Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург, Россия;

Стогов Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ (ЛЭТИ) им. В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия;

Тарасов Константин Андреевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент Санкт-Петербургского электротехнического университета (ЛЭТИ) им. В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия;

Хуциева Виктория Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия.

Список сокращений и аббревиатур

- АОУП** – Або-Аландская укрепленная позиция;
АРО ГЦТМБ – Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея имени А.А. Бахрушина;
ВО – Военная организация;
в.к. – великий князь;
ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный комитет;
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации;
ГУГШ – Главное управление Генерального штаба;
ИК – Исполнительный комитет;
МИД – Министерство иностранных дел;
МИДв – Министерство императорского двора;
МФК – Местный флотский комитет;
ОРД СПбГМТ и МИ – Отдел рукописей и документов Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства;
ПСС – Полное собрание сочинений;
ПЦР – Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства;
РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота;
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства;
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории;
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив;
РГИА – Российский государственный исторический архив;
РГПУ – Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена;
СКД – Совет крестьянских депутатов;
Сорабис – Союз работников искусства;
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет;
СПб ИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук;
ЦГАИПД СПб – Центральный государственный архив историко-политических документов С.-Петербурга;
ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга;
ЦГАМО – Центральный государственный архив Московской области;
ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга;
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга;
ЦКБФ – Центральный комитет Балтийского флота;
ФИСН – факультет истории и социальных наук;

ХРК – Художественно-репертуарный комитет;

ЧСК – Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств;

КА – Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии).

Содержание

От составителя	3
Румянцев А.Г. Полицейстер В.Ф. Галле и дело о «полицейских пулеметах»	7
Тарасов К.А. Офицерская власть и солдатская самоорганизация в период Февральского восстания 1917 года в Петрограде	15
Николаев А.Б. Об убийствах 1 марта 1917 г. графа Г.Э. Штакельберга и сенатора А.В. Чарторийского	29
Златина М.А. Отражение Февральской революции и последующих событий в русскоязычной еврейской прессе (февраль – март 1917 года)..	31
Стогов Д.И. Отражение Февральской революции 1917 года и последующих событий в дневнике Б.В. Никольского	39
Иванов А.А. Русский Дерулед или Ленин «навыворот»: современники о В.М. Пуришкевиче в 1917 году	47
Захаров А.М. Польская армия в военно-политических планах Временного правительства (март – май 1917 г.).....	53
Николаев А.Б. Милиционеры перед Временным судом (Петроград, март – июль 1917 г.)	60
Соколов А.В. Законность или революционное правотворчество: попытка реквизиции имущества Варнавинского народного общества трезвости (апрель – июнь 1917 года).....	74
Лаврова Е.М. К вопросу об участии советских комиссий в расследовании обвинений против большевиков в июле 1917 года	79
Лаврова Е.М. «Принять жертвование мы согласимся лишь после тщательнейшей проверки...»: новые документы о взаимоотношениях большевиков с Карлом Моором в 1917 году	95
Павленко А.П. Конфликты офицеров с подчиненными на Черноморском флоте в «корниловские дни».....	114
Давыдов А.Ю. Солдатская коммерция в 1917 году	121
Деревнина Е.А. Документы ЦГИА СПб и ЦГА СПб по истории Коломенской женской гимназии Мариинского ведомства в 1917 г.....	126
Хуциева В.В. Как П.А. Демидов и Д.Г. Левицкий в музей попали: к вопросу о судьбе художественных ценностей в октябре 1917 г.	131
Гордеев П.Н. Воровство в московских государственных театрах в 1917 году.....	134
Гордеев П.Н. Казус Тираспольской: история о том, как уволенная актриса вернулась на сцену при помощи большевиков	146
Бажанов Д.А. Создание и функционирование судебных комитетов на Балтике в марте – октябре 1917 г.: феномен власти	156

Козлова Е.А. Местный флотский комитет города Ревеля: создание и начало функционирования (март – апрель 1917 г.).....	166
Дубровская Е.Ю. Российские военные в Финляндии и Февральская революция 1917 года	171
Бажанов Д.А. Создание Временного военно-морского суда в Гельсингфорсе в 1917 г.	185
Королев С.А. Деятельность следственной комиссии Центрального комитета Балтийского флота (май – август 1917 г.)	193
Мусаев В.И. Большевицкая революция в России и независимость Финляндии.....	197
Сведения об авторах	210
Список сокращений и аббревиатур	212
Содержание	214

**Революция 1917 года в России:
новые подходы и взгляды.**

Сборник научных статей

Компьютерная верстка и оригинал-макет:
К.К. Билеуш

Издание распространяется по подписке.
Продаже не подлежит.

Подписано к печати с оригинал-макета 1.11.2017
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman Cug.
Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 13,4
Тираж – 300 экз.

Отпечатано методом оперативной полиграфии
в издательстве «ЭлекСис», СПб., Новочеркасский пр., д. 1.